

Иван Глумлюнов

Поручик РЖЕВСКИЙ И ДАМА С СОЛОНКОЙ

Герой этой истории – поручик Ржевский, персонаж из анекдотов, обаятельный хам, которому молва приписывает роман с Наташей Ростовой и ещё 1001 женщиной.

В декабре 1825 года поручик Александр Ржевский оказывается в Твери, где вступает в «опасную связь» с роковой красоткой и едва не становится участником восстания декабристов, а также соучастником уголовного преступления. Чтобы выпутаться из этого переплёта, нужна ясная голова, но вот беда – у Ржевского в самые неподходящие моменты пропадает способность думать и рассуждать, особенно при виде женских прелестей... Если бы не богиня Фортуна, поручик легко мог бы стать пешкой в чужой игре и угодить на сибирскую каторгу.

- [Гамаюнов Иван](#)

- [Глава первая, в которой герой появляется в свете после долгого отсутствия и, конечно же, заводит роман](#)
- [Глава вторая, в которой на балу происходят странные события, в итоге помогающие герою достичь желанной цели](#)
- [Глава третья, в которой герой выясняет, что на российский престол взошёл не тот император, которого ждали, и что везде полным-полно заговорщиков](#)
- [Глава четвёртая, в которой герой наносит визит даме, а после визита проявляет доблесть в бою](#)
- [Глава пятая, в которой герой подвергается серьёзным опасностям, и угроза женитьбы – не самая страшная из них](#)
- [Глава шестая, в которой герой получает сразу три письма от разных дам и оказывается в тупике](#)
- [Глава седьмая, в которой герой продолжает роман с роковой женщиной, а также берёт урок немецкого у одной барышни](#)
- [Глава восьмая, в которой герой полностью вовлекается в расследование, но приходит к мысли, что крутить романы – интереснее, чем расследовать преступления](#)
- [Глава девятая, в которой герой оказывается на маскараде, а там, как и следовало ожидать, делает неожиданное открытие](#)
- [Глава десятая, в которой будет кратко рассказано о дальнейшей судьбе всех основных действующих лиц](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

Гамаюнов Иван

Поручик Ржевский и дама с солонкой

Глава первая, в которой герой появляется в свете после долгого отсутствия и, конечно же, заводит роман

Парадный зал во дворце тверского губернатора, полный народу по случаю рождественского бала, готовился стать местом главного события сезона. Казалось, даже медные крылатые девы со светильниками, стоя на мраморных пьедесталах справа и слева от камина, чего-то ждали. А особы из плоти и крови, наделённые гораздо большей способностью чувствовать, ждали ещё сильнее и потому не могли веселиться как следует.

Полонез, который многие острословы называли не танцем, а прогулкой под музыку, окончился – оркестр играл задорную кадрили. Однако дамы, прыгая по паркету со своими кавалерами, делали это без всякого кокетства, будто находились не на балу, а дома с учителем, помогающим вспомнить движения.

Дамы, которые не танцевали, а сидели на стульях и банкетках вдоль стен, заметно ёрзали и перешёптывались, даже если возраст уже давно не позволял рассчитывать ни на какие амурные приключения.

Читатель, конечно, не поверит, что все особы в зале – от губернаторши до младшей дочки губернского землемера – томились в ожидании, но если даже половина из них не предвкушала и не трепетала, то чёрт побери: во что тогда ценится гусарская слава?!

Многие кавалеры, угадывая особое настроение дам, в очередной раз беспокойно взглянули на двери, ведущие в сторону парадной лестницы. Музыка кадрили ещё не стихла, когда распорядитель бала объявил:

– Ржевский Александр Аполлонович, поручик в отставке.

Только что танцевавшие пары замерли. Веера сидящих дам затрепетали сильнее. По всему было видно, что обещанный губернатором гость, идущий по залу, несколько не разочаровал женскую часть публики. Поручик Ржевский, хоть и в отставке, для многих оставался предметом грёз.

Пусть со времени окончания войны с Наполеоном, когда слава поручика гремела по обе стороны российской границы, прошло уже десять лет, в герое почти ничего не изменилось. Знаменитые рыжие усы Ржевского никуда не делись, кудрявая шевелюра не поредела, высокая статная фигура не расплылась, а тёмно-синий гусарский мундир Мариупольского полка, хоть и лишённый эполет, будто говорил, что его обладатель по-прежнему готов к баталиям всякого рода.

Казалось невероятным, что Ржевский оставил службу, но и для самого поручика история отставки была весьма туманна. Помнил он только то, что после окончания Заграничного похода, когда жизнь потекла в мирное русло, служба в полку становилась с каждым годом скучнее. А в довершение всего сменилось начальство – место уважаемого всеми Дымчевича занял Снарский.

Новое начальство принялось выдумывать дурацкие, ни к чему не приводящие способы поддержания дисциплины, поэтому однажды поручик так прямо и сказал в собрании офицеров, что исполнять «дурацкие приказы» не намерен. Он ожидал, что это дойдёт до Снарского и над головой засверкают молнии, однако грозы не последовало. Ржевский продолжал свою обычную жизнь: днём – учения, а вечером – карты, попойки и цыганки... Но через полгода был вызван к начальству, которое с ехидной улыбкой сообщило, что прошение об отставке «за ранами и болезнями» удовлетворено.

Какое прошение? Ржевский готов был поклясться, что ничего такого у него и в мыслях не было! «За минувший год я никаких бумаг не сочинял и ничего кроме долговых расписок не подписывал!» – подумал он.

Однако полковой писарь, вызванный для объяснений в начальственный кабинет, охотно рассказал, как «полгода назад господин поручик лично диктовали-с, а за услугу за неимением денег-с расплатились дамскою шляпкою-с модного фасону, которая у них в комнате случайно оказалась».

Полковой лекарь также подтвердил, что по просьбе господина поручика составил медицинское свидетельство, которое и было приложено к прошению на высочайшее имя.

– Государь император вашу отставку принял, – продолжало улыбаться начальство, а Ржевский сразу сник. Если бумага дошла до государя, то хоть всю Россию вызови на дуэль, это делу не поможет.

Пришлось удалиться в имение – в деревню Горелово, что подо Ржевом, а там ждала такая скука, в сравнении с которой недавняя служба в полку казалась увлекательной, полной ярчайших впечатлений.

Хотелось поехать в Москву или Петербург, но ездить дальше Ржева не позволяли долги, поэтому все два года, прошедшие с момента отставки, Ржевский развлекал себя так, как только мог на свои скромные средства. Во Ржеве, где заметную часть населения составляли набожные купцы-старообрядцы, заслужил прозвище Рыжего Дьявола. Кроме того весьма пикантным способом вдвое увеличил число своих крепостных. Мужскую половину двора, независимо от возраста, выучил ходить строевым шагом и докладывать по форме. Перессорился, а затем перемирился со всеми соседями-помещиками. Десять раз инициировал дуэли, которые каждый раз завершались тем, что вызванная сторона приносила извинения и устраивала шикарный обед по случаю примирения.

Увы, все эти забавы позволяли развеять скуку лишь на время. Ржевскому стало казаться, что жизнь его бежит по кругу. Однако в начале очередной зимы, когда грязь на раскисших дорогах схватилась первым морозцем, из Твери приехал странный человек, и с этого начались долгожданные перемены.

Правда, Ржевский сразу не распознал своё счастье и принял гостя весьма настороженно.

Штатский. В коляске. То есть ни к военной службе, ни к кавалерии не имеющий отношения. И всё же этот господин несколько раз повторил, что «бесконечно рад» познакомиться с «самим поручиком Ржевским».

– А вы-то кто, любезнейший? – спросил Ржевский, стоя на крыльце барского дома и покуривая трубку.

Незнакомец назвал незнакомую фамилию, отчего незнакомцем быть не перестал. Но затем выяснилось, что странный субъект – доверенное лицо князя Всеволожского, тверского губернатора, и прислан сюда, чтобы вручить приглашение.

В руках Ржевского очутился конверт, где прятался небольшой твёрдый лист бумаги с золотым обрезом. На листе было написано:

«Князь Всеволожский просит сделать ему честь, пожаловать на бал, для дворянства Тверской губернии устраиваемый, сего декабря 26-го дня 1825 года в губернаторский дворец в 6 часов».

Бал – это хоть и не война, но весьма интересная баталия. Барышни, дамы, очень недурная выпивка и закуска, карты...

Мысль о картах тут же заставила поручика вспомнить о долгах, которые по-прежнему

не позволяли выезжать никуда дальше Ржева, не то что в Тверь. Следовало немедленно раздобыть где-то денег, либо отказаться от приглашения. А у кого занять нужную сумму? На соседей-помещиков надежда была слабая, поэтому Ржевский взглянул в сторону странного субъекта с меньшей неприязнью, чем в начале разговора. Раз это доверенный человек губернатора, да ещё и «бесконечно рад» знакомству, то займы у него наверняка найдётся.

«Чёрт побери! Кажется, Фортуна снова улыбается!» – подумал Ржевский и запоздало пригласил гостя в дом, а там домашняя водка и поданные к ней разносолы сделали своё дело. Через три часа гость уже именовал поручика «друг», а значит – можно было заводить речь о деньгах.

Для начала Ржевский просто пожаловался на стеснённость в средствах, но тут оказалось, что «князь Всеволожский осведомлён об этой беде».

– Его сиятельство готов предоставить необходимую сумму, – радостно сообщило доверенное лицо, уже покрасневшее от выпитой водки.

– Под расписку? – спросил Ржевский, наполняя рюмку собеседника.

– Без расписки. Просто под ваше честное слово, – всё так же радостно пояснило доверенное лицо. – Обязанность губернатора – заботиться о нуждах жителей губернии. А особенно – таких известных жителей как вы, мой друг.

– Деньги нужны мне скоро, – смущённо признался поручик, после чего радость доверенного лица перешла в восторг:

– Об этом его сиятельство тоже догадывался! Деньги у меня с собой.

И вот в декабре 26-го дня Ржевский, хоть и с опозданием, явился на губернский бал. Оценив количество трепещущих вееров, поручик был очень рад открывающимся перспективам, но что-то подсказывало: такое счастье не может быть совершенно безоблачным и от Фортуны следует ждать подвоха.

* * *

Несомненно, на этот бал собрались все красавицы губернии. Разнообразие выбора впечатляло, но правила вежливости не позволяли гостю немедленно ринуться в атаку. Сначала следовало подойти к хозяину дома, чтобы благодарить за приглашение.

Объявив Ржевского по всей форме, распорядитель бала сразу указал поручику на благодетеля – невысокого господина, ещё не старого, но с седыми кудрями, напоминавшими напудренный парик прошлой эпохи. Князь Всеволожский смотрел на всех с каким-то сонным и скучающим видом, чем производил не очень приятное впечатление, но поручик, помня об одолженной сумме, всё же решил для себя, что губернатор – человек добрый и великодушный.

При виде Ржевского скучающий князь сразу оживился, любезно выслушал благодарности и представил свою супругу, француженку, вполне привлекательную, которая, пока гость прикладывался к её ручке, любезно осведомилась (с акцентом, но по-русски) «хорошо ли доехали».

Такие светские разговоры долго не длятся, а француженка, если приглядеться, была не так уж привлекательна, поэтому Ржевский краем глаза покосился в залу, полную трепещущих вееров, к которым, кажется, уже добавилось трепетание ресниц.

Баталия предстояла интересная. Кровь вскипела, как перед настоящей битвой, но тут губернатор произнёс:

– Пользуясь случаем, поручик, познакомьтесь. Это моя племянница, Таисия Ивановна...

Ржевский взглянул на Всеволожского, а затем проследил за направлением его взгляда – князь смотрел куда-то в сторону супруги, но чуть правее.

Богиня Фортуна, незримо присутствовавшая в зале, в этот миг, должно быть, звонко рассмеялась и упорхнула прочь, взмахнув юбками.

– Тасенька, не тушуйся, – нарочито ласково сказала губернаторша.

И вот из-за округлого белого плеча губернаторши, обрамлённого нежно-розовым шёлком платья, выглянуло существо, которое поручик затруднился бы хоть как-нибудь обрисовать, потому что взгляду зацепиться было решительно не за что.

«А вот и подвох! Эх, Фортуна-шутница! – подумал Ржевский. – Я ещё не успел открыть меню, а мне уже предлагают уплатить по счёту». Теперь причина доброты князя Всеволожского стала ему понятна, как и то, что над головой нависла угроза женитьбы.

По светским правилам полагалось пригласить Тасеньку на следующий танец, а также следовало опасаться, что губернаторша попросит своего гостя сопровождать это существо на банкет, который всегда устраивают в середине бала.

Ржевский чувствовал, будто над головой уже держат свадебный венец, однако ещё не всё пропало. «Танцевать с ней сегодня более трёх танцев они меня не заставят», – твёрдо сказал себе поручик, но следовало ни в коем случае не сбиться со счёта. Один лишний танец сверх трёх положенных по этикету – и ты жених!

* * *

Грянул вальс. Ржевский кружился с племянницей губернатора по залу, при этом чувствуя себя престранно. Поручику казалось, что он танцует один, потому что всякий раз, когда взгляд падал туда, где должно находиться лицо партнёрши, там как будто бы не оказывалось ничего. Ржевский смотрел и не видел, а вместо этого видел, что в соседней паре белокурая дама, раскрасневшаяся от танца, очень даже ничего. А вон в другой паре – премилая брюнетка с точёным овалом лица. Карие глаза горят жаждой амурных приключений, и кажется, этот взор даже обратился в сторону поручика. Судя по всему, Амур сегодня действовал не в согласии с Фортуной и по своему усмотрению уже выпустил несколько стрел в женские сердца.

Ржевский дал себе слово непременно пригласить брюнетку на один из следующих танцев, а если у неё все танцы расписаны, то и это не препятствие.

При таком повороте дела следовало выяснить имена хотя бы нескольких счастливцев, которым предстоит танцевать с этой красавицей. А дальше – найти их и вывести одного из них из игры, на что есть много способов. Например, случайно опрокинуть на соперника поднос, находящийся в руках у официанта, проходящего мимо. Ведь невозможно же танцевать с дамой, когда жилет залит вином или измазан мороженым.

Можно также запереть соперника в уборной, чтобы не успел к началу танца, а если соперник узнает, кто так подшутил, и вызовет шутника на дуэль – значит, стреляться! Но за танец с по-настоящему красивой женщиной не страшно рискнуть головой.

– Вы молчаливы, поручик, – послышался голос рядом.

Ржевский вынырнул из мира грёз:

– А?

– За время танца вы не произнесли ни слова, – продолжал голос.

Лишь теперь Ржевский понял, что это говорит Тасенька, племянница губернатора, и что она мягко упрекает кавалера за неучтивость, ведь с дамой во время танца положено

беседовать.

– Простите меня, – пробормотал поручик. – Давно не был в свете. За два года в деревенском болоте сам стал деревенщиной.

– Что вы! – возразила партнёрша. – Вы танцуете как светский человек.

Ржевскому невольно вспомнился вечер у соседа в имении, состоявшийся месяц назад. Там собралось несколько семейств с жёнами и дочками.

Под звуки дребезжащего фортепиано поручик танцевал со всеми дамами и девицами, а они говорили: «Вы танцуете прекрасно». Но объяснить эти похвалы было очень просто – мужская часть собрания, рассеявшаяся по креслам и диванам, предпочитала сидищиц не поднимать.

Лишь одному юноше, младшему сыну хозяина, всё не сиделось, но танцевать он не умел, а только скакал и прыгал возле партнёрши. С такими-то соперниками любой покажется умелым танцором! И даже в Твери вряд ли было лучше.

Среди чиновников и помещиков в губерниях всё сильнее укоренялось мнение, что хорошо танцевать положено светским хлыщам и гусарам, а серьёзному человеку довольно, если он танцует хоть как-нибудь. К чему эта наука, если танцы полезны только девицам на выданье, которым надо себя показывать! И пусть многие дамы думали иначе и всячески старались тянуться за высшим светом, общего положения дел они изменить не могли, так что Ржевскому, два года не имевшему достойной практики в танцах, всё равно не удалось бы осрамиться.

– Дядюшка мне говорил, что вы два года не просто жили в деревне, а стали затворником и выезжали только во Ржев, – подала голос Тасенька, заметив, что кавалер опять витает в облаках.

Поручик молчал, изображая из себя деревенщину. Будь с ним сейчас другая дама, он бы наговорил целый ворох комплиментов, но воображаемый свадебный венец по-прежнему висел над головой, а поручику вовсе не хотелось, чтобы венец стал настоящим.

– Отчего же вы за два года ни разу не приехали в Тверь? – допытывалась Тасенька.

«Денег не было», – мысленно ответил Ржевский, но вслух лишь вздохнул – скорбно и многозначительно.

Наконец вальс окончился, а это значило, что поручик может быть свободен, как только пристроит куда-нибудь свою недавнюю партнёршу. Но куда? Вести её обратно к дядюшке-губернатору? Опасно.

– А где же ваши родители, Таисия Ивановна? – спросил Ржевский. – Они здесь, на балу?

Когда он вёл Тасеньку под руку, ему казалось, что окружающие дамы смотрят на него чуть не со слезами, искренне сострадавая его печальной участи.

– Нет, они в имении, – меж тем последовал ответ. – А я гощу у дядюшки.

«Проклятье!» – подумал Ржевский, но тут Фортуна, недавно потешавшаяся над ним, сама пришла ему на помощь.

– Тасенька, – донеслось откуда-то сбоку. Там в углу, возле высокого окна, в котором уже ничего не было видно кроме ночной темноты, сидели на банкетке две старушки.

Поручик тут же развернулся в их сторону, а старушки продолжали:

– Смотри, какого кавалера себе нашла... Кто он?

– Ржевский Александр Аполлонович, поручик в отставке, – отрекомендовался кавалер, коротко поклонившись и прищёлкнув каблуком.

Старушки что-то ответили, а в это время к ним подошёл официант, которого Ржевский

успел подозвать до того, как начал представляться.

На подносе у официанта красовались бокалы с игристым вином и креманки с мороженым. В обычных условиях поручик предложил бы своей даме шампанского, но Тасеньке...

– Мороженого? – спросил он.

– Да, – ответила та, и в её голосе явно послышалось что-то от ребёнка, услышавшего про любимое лакомство.

Получив из рук поручика креманку, она на мгновение опустила взгляд, чтобы взять торчащую из креманки серебряную ложечку... и этого мгновения Ржевскому хватило, чтобы бесследно исчезнуть в толпе.

* * *

Оркестр играл галоп, но красавица-брюнетка, недавно замеченная Ржевским, в этот раз не танцевала – наверное, чтобы перевести дух. Вокруг неё могло бы собраться много кавалеров, развлекающих прелестницу разговорами о местном театре, столичных новостях и прочей ерунде, но всех отпугивал мрачный субъект в тёмно-зелёном мундире губернского чиновника. Судя по всему, муж. Склонившись к уху дамы, он что-то весьма строго ей шептал.

Ничто не мешало поручику приблизиться к этой паре и представиться. Правда, представляться самому считалось не слишком вежливым, однако Ржевского это обстоятельство не смущало, как и мрачный спутник брюнетки. Тем более что она опять бросила на Ржевского благосклонный взгляд.

Муж – не мальчишка, которого всегда можно отослать с поручением, потому что «дама желает» шампанского, фруктов, мороженого или сладостей. Но на случай, если придётся иметь дело с подобными церберами, у поручика Ржевского имелось две стратегии. И обе беспроигрышные!

Если спутник красавицы – военный, следовало представиться и затем спросить его: «Не встречались ли мы случайно перед битвой при Бородине?» и добавить: «Вижу в вас как будто знакомые черты». До Бородина Ржевский ещё не обрёл свою громкую славу, поэтому собеседник запросто мог поверить, что уже видел «того самого Ржевского», но не запомнил.

Если же спутник красавицы – штатский, следовало спросить: «Не доводилось ли нам видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны?» Ведь все знали, что когда-то она была замужем за одним из прежних тверских генерал-губернаторов и часто устраивала вечера, собирая множество гостей. Это происходило задолго до Отечественной войны и Бородина, поэтому стать заметным гостем Ржевский не сумел бы, но теперь это играло ему на руку.

Знаменитые вечера Екатерины Павловны проводились в этом самом дворце, где теперь шумел бал, а больше о тех временах никто ничего достоверно не помнил, ведь прошло уже тринадцать лет. С тех пор Екатерина Павловна успела овдоветь, навсегда покинуть Тверскую губернию и даже обзавестись новым супругом, так что поручик, который лишь однажды случайно попал в гости к великой княгине, мог смело привирать для пользы дела.

Ржевский представился церберу, стерегущему очаровательную брюнетку, а в ответ услышал фамилию, совершенно не знакомую – Тутышкин, но притворяться давним знакомцем это обстоятельство, конечно, не мешало.

– Моя жена – Софья Петровна, – сказал цербер после того, как представился сам.

– Счастлив видеть вас, – ответил поручик, прикладываясь к ручке дамы, и теперь настало время спросить: – Не доводилось ли нам с вами, господин Тутышкин, видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны?

– Не припомню, – сухо ответил тот.

– Но как же! – нарочито удивился поручик. – Вы же были в тот вечер, когда Карамзин читал своё сочинение? Как бишь оно называлось?

– «История государства Российского».

– Вот-вот. Оно!

– В тот вечер я приглашён не был, – всё так же сухо произнёс Тутышкин.

– Тогда откуда знаете, что там читалось?

– Других сочинений Карамзина не помню.

– Но мне кажется, я видел вас! – не отставал поручик: – И, полагаю, что если бы рассказал вам о событиях того вечера, вы бы хлопнули себя по лбу и сказали: «Конечно же, я там был».

– Не стану хлопать себя по лбу, – сказал Тутышкин, но Ржевский как будто не слышал:

– У Карамзина в сочинении было кое-что про Рюрика, и вот когда чтение дошло до того отрывка, я объявил всем собравшимся, что Ржевские ведут свой род прямо от Рюрика.

– Не присутствовал, к сожалению, на том вечере, – повторил собеседник, а Софья Петровна, явно подстреленная Амуром, в очередной раз бросила на поручика одобрительный взгляд.

– Великая княгиня, – продолжал болтать Ржевский, – тогда улыбнулась мне и сказала: «Историю вашего рода мы в другой раз послушаем».

– Очень интересно, – произнёс Тутышкин, – но моя жена устала и как раз перед вашим приходом просила меня отвести её в буфет.

– О! Я сам принесу Софье Петровне из буфета всё, что она пожелает.

– Можете не утруждаться.

– Но я ещё не рассказал вам историю своего рода!

Отставать от этой пары поручик не собирался, так что, следуя за ними в сторону буфета, болтал без умолку:

– У Рюрика было двое братьев. Один с синими усами...

– С синими усами? – удивлённо переспросила Софья Петровна.

– Да, сударыня, – тут же кивнул Ржевский, довольный, что смог увлечь даму беседой. – Его же так и звали – Синеус. А другой Рюриков брат имел усы самые обычные... но был он, правду сказать, плохо воспитан и вообще свинья.

Поручик выразительно посмотрел в сторону мужа Софьи Петровны, давая понять, что о плохих манерах заговорил не случайно, и Тутышкин, кажется, понял. И даже предпринял контратаку.

– А какого же цвета были его «самые обычные» усы? – спросил он, приглядываясь к усам поручика. – Может, рыжие?

– Нет, совершенно точно не рыжие, – возразил Ржевский. – Светлые... или тёмные, – поправился он, глядя на усики своего собеседника. – И был этот брат не только свинья, но и вор!

– Да отчего же вор? – Тутышкин явно не ожидал такой дерзости. Мгновение назад он решительно шествовал с женой в сторону буфета, а теперь резко остановился. – Объясните, поручик.

– Да оттого, что имя у него такое было, – непринуждённо отвечал Ржевский.

– Не понимаю вас.

– Так звали же его Фрувор, – улыбнулся поручик. – Только вслушайтесь в это имя: Фрувор.

Тутышкин, судя по всему, решил сделать вид, что не понял прозрачного намёка:

– Вы как-то странно выговариваете звук «т». Насколько мне известно, второго Рюрикова брата звали Трувор.

– Нет, Фрувор! – настаивал Ржевский.

– У Карамзина так написано.

– А откуда вы знаете, если сами говорили, что на том вечере, когда Карамзин читал своё сочинение, вас не было?

– Я книгу купил. Вот и знаю.

– То есть вы утверждаете, что история моих предков вам известна лучше, чем мне? – нарочито рассердился Ржевский. – Нет, милостивый государь. Мне лучше знать! Фрувор – так звали этого мерзавца! Потому что на любые слова он презрительную рожу корчил. Вот как вы сейчас. И отвечал так, знаете, недовольно, с фырканьем: «фру-фру-фру». Как свинья! И руки имел загребущие. Вор, короче говоря. Но, слава Богу, род Ржевских не от него произошёл, а от Рюрика, который был человеком во всех отношениях порядочным.

Тутышкин, кажется, дар речи потерял – настолько поразился наглостью собеседника. Поэтому Ржевский решил, что сейчас самое время нанести решающий удар:

– Господин, Фруфрышкин, позвольте пригласить вашу супругу на следующий танец.

И в этот самый миг Фортуна, незримо присутствующая при разговоре, снова рассмеялась, потому что из толпы вынырнул какой-то хлыщ в чёрном фраке, пошитом весьма недурно.

– Ах, вот вы где! – воскликнул хлыщ, обращаясь к Софье Петровне. – Надеюсь, вы помните, о прекраснейшая из всех замужних фей, что обещали мне эту кадриль?

Заиграл оркестр, а значит, всем, кто собирался сейчас танцевать, не следовало мешкать.

Брюнетка виновато посмотрела на поручика и с нарочито приветливой улыбкой подала руку хлыщу, однако Ржевский, конечно же, не думал сдаваться:

– А на следующую мазурку я могу вас пригласить? – спросил он.

Брюнетка печально покачала головой.

– Увы, поручик. Этот танец уже обещан.

– А на котильон [11](#)?

Карие глаза дамы, казалось, умоляли о прощении:

– Этот танец я тоже обещала.

– Но я продолжаю надеяться, что свободно хоть что-то! – Ржевский заслонял хлыщу дорогу, не давая увести даму.

– Оставьте надежду, поручик. – Софья Петровна достала из ридикюля записную книжку и открыла, а Ржевский впился взглядом в строчки, изучая имена своих врагов.

Правда, всё прочесть не успел, да и почерк у дамы был не слишком разборчивый, поэтому, когда книжка захлопнулась и отправилась обратно в ридикюль, в памяти осталось немного:

«Кадриль – Петушкевич Александр. Вот как зовут этого хлыща во фраке!

Гавот – Ру... может, Русинов, а может, Русаков.

Снежная буря – чёрт его знает, кто там был записан.

Кадриль – Замовский Иван... а может, Зимовский.

Менуэт – опять Петушкевич!

Галоп – кто-то там на букву «Н» или «В». Неверов... или Веверов. Ну и почерк!

Вальс – не успел прочитать.

Кадриль – не успел прочитать.

Мазурка – Никодимов Пётр.

Котильон – Бенский Сергей».

И всё же этими обрывочными сведениями, добытыми с боем, Ржевский остался доволен и потому без сожаления смотрел, как Софья Петровна удаляется под руку с хлыщом, щеголяющим в чёрном фраке. Если узнал, с кем дама танцует мазурку и котильон, то можно действовать!

Баталия разворачивалась интересная. Крепость Софья издали постреливала глазами в осаждающего, метя в самое сердце, но не с целью убить – она лишь дразнила. А поручику, чтобы ворваться в эту крепость, следовало преодолеть неприятельский заслон. С одной стороны находился Тутышкин, а с другой... Как там было в предпоследней строчке Софьиных записей? Никодимов!

Обдумывая ход будущей баталии, Ржевский решил, что сначала надо атаковать именно того, кто застолбил себе мазурку, то есть Никодимова. После мазурки бал всегда прерывается банкетом, а кто танцевал с дамой мазурку, тот имеет право сопроводить прелестницу к столу и во всё время банкета сидеть рядом с ней. А муж... Муж – не воз грущ, можно и подвинуть.

Вот почему, составляя план баталии, Ржевский мысленно обозвал Тутышкина пехотой, ведь она не считается большим препятствием для гусарской кавалерии. Зато Никодимов, пригласивший крепость Софью на мазурку, особенно если он офицер, да ещё танцует недурно, мог считаться вражеской конницей, с которой придётся схлестнуться.

Главное – в пылу боя не попасть в засаду, устроенную губернатором. Всеволожский, которого следовало отнести к необученным ополченцам, засаду организовал плохо. Но тем досаднее было бы в неё угодить! Участь губернаторского пленника незавидная – передадут Тасеньке, и из этого плена придётся бежать, чтобы вернуться на поле боя.

В общем, если первый бой окажется проигранным, второе наступление следовало вести на позиции Бенского, танцующего с Софьей котильон. Этот танец, который обычно начинается сразу после банкета, тоже сулил многие выгоды, ведь он самый долгий – более часа, и всё это время дама полностью принадлежит кавалеру.

* * *

Ржевский уже начал представлять себя победителем, но пришлось вынырнуть из мира грёз. Чтобы грёза стала явью, следовало выяснить, как же выглядят соперники: Никодимов и Бенский.

Самый простой способ – самый надёжный, поэтому Ржевский подошёл к одному из помощников распорядителя бала:

– Любезный, а скажите, где сейчас господин Никодимов Пётр... забыл, как по отчеству. Кажется, что мы с ним когда-то виделись у великой княгини Екатерины Павловны.

Конечно, могло статься, что Никодимов был сильно моложе поручика и во времена Екатерины Павловны посещал лишь детские балы, но тогда помощник распорядителя сказал бы об этом. Вот почему Ржевский, изложив просьбу, затаил дыхание: повезёт – не повезёт.

К счастью, просьба не показалась странной и Ржевского повели в соседний зал, обитый деревом на английский манер, где за ломберными столиками уже всюю шла игра «в дурачки» и гораздо более азартные игры.

«Эх, Фортунушка, как ты пригодилась бы сейчас», – подумал поручик, глядя на метание карт, но Фортуна молчала. Очевидно, была очень занята, ведь её призывали почти все из присутствовавших: кто-то уже сидел за столами, а кто-то пока стоял в толпе наблюдателей, но выказывал намерение присоединиться к игре.

Возле одного из столов толпа особенно сгустилась.

– И где же он? – нарочито сощурился Ржевский, оглядывая собравшихся. Он делал вид, что представляет, как выглядит «старый знакомец» Никодимов даже спустя тринадцать лет, и что просто не может его найти.

– Да вот же, – тихо сказал помощник распорядителя, указав на высокого круглолицего брюнета в маленьких круглых очках, одетого в тёмно-коричневый фрак, пошитый даже лучше, чем у Петушкевича. То есть это была светская птица более высокого полёта!

Ржевский испытал некоторую робость – словно провинциал, вдруг оказавшийся в Петербурге и стыдящийся своего немодного вида, но тут же сказал себе: «Мой мундир пошит не хуже».

– Пётр! – тихо воскликнул поручик, подступив к Никодимову, и панибратски толкнул его в бок. – Не узнаёшь?

– Нет, простите... – озадаченно пробормотал собеседник.

– Но как же! – всё так же тихо продолжал Ржевский. – Мы же виделись в этом же дворце на вечере у великой княгини Екатерины Павловны. Дело давнее, но вечер удался на славу.

– Который именно вечер? – осведомился Никодимов.

– Да тот, где Карамзин читал свою «Историю». – Поручик начал говорить громче. – Там было про Рюрика, а ведь я, Александр Ржевский, веду свой род прямо от Рюрика! Я так и объявил всем, а великая княгиня улыбнулась и сказала: «Историю вашего рода мы в другой раз послушаем».

– Ржевский... – задумчиво повторил Никодимов. – Тот самый поручик?

– Ну вот! Вспоминаешь! – радостно подхватил Ржевский, а со всех сторон на него уставились недовольные взгляды, ведь последние слова он произнёс настолько громко, что мешал игре. – Эх, дружище, как же я рад тебя видеть! – продолжал Ржевский во весь голос, будто отдавал приказы на поле сражения. И плевать на всех недовольных.

Зато Никодимов явно смутился оттого, что заодно с поручиком привлёк к себе внимание:

– Пойдёмте, выберем более удобное место для беседы, – сказал он, выбираясь из толпы.

– Охотно! – всё так же громко отозвался Ржевский, следуя за своей жертвой. План его был прост: сперва притвориться лучшим другом, а затем непоправимо испортить белый шёлковый жилет соперника, и белые панталоны – тоже. Залить их красными вином, коньяком или чем-нибудь в этом роде, что оставляет заметные пятна.

Никодимов с Ржевским пересекли бальный зал и направились в комнату, отведённую для желающих выкурить трубку и побыть в тишине. Комната привлекала ещё и тем, что в углу на столике, крашенном под белый мрамор, стоял узкогорлый графин с неким тёмно-красным напитком и бокалы на подносе.

Поручик, взглянув на графин, сразу подумал: «Годится!» Но тут обратил внимание на

ещё одну вещь – светлая «мраморная» столешница опиралась на позолоченную ножку с любопытной деталью в виде трёх престранных существ, которые сидели вокруг ножки лицом к зрителю. Что-то вроде крылатых кошек с головами и грудями девиц.

– Так вы говорите, что были в тот раз на вечере у Екатерины Павловны? – спросил Никодимов, присаживаясь на стул возле того самого столика с графином, а Ржевский всё смотрел на ножку.

Груды у странных существ выпирали прямо под подбородком – вовсе не на животе, как у кошек, – а позолота подчёркивала приятную округлость. До выпирающих частей хотелось дотронуться, но поручик, немного подумав, решил, что это, пожалуй, неприлично.

– Да, был-с, – немного запоздало ответил он и присел на другой стул, напротив собеседника. – Но отчего мы не на «ты»?

– В самом деле! Оставим церемонии, – Никодимов расслабился и даже расплылся в улыбке, отчего лицо у него стало ещё круглее. – По правде говоря, я впервые встречаю здесь человека, который помнит Карамзина.

– Да как же не помнить, если он про Рюрика говорил! – ответил поручик.

– Никому сейчас нет дела до Карамзина, – вздохнул собеседник. – И до всей русской литературы. Куда она движется, здесь никого не заботит. Читают французов, а вот по-русски – нет. Только газетёнки всякие, да изредка – журналы.

– А есть, что читать? – спросил Ржевский, пытаясь вспомнить, когда в последний раз видел книгу. Кажется, как раз перед Отечественной войной.

Он тогда ухаживал за одной барышней, красавицей-брюнеткой, которая любила читать в саду. Стояли чудесные июньские погоды. Она ежедневно выходила с книгой в сад, но из-за настойчивости Ржевского за весь месяц прочла страницы три. Уж точно не больше пяти!

Затем Ржевский отбыл на войну, а барышня книжку вряд ли дочитала, если, конечно, сдержала обещание проливать слёзы каждую минуту до конца своих дней.

– А ты разве не читал Грибоедова «Горе от ума»? – спросил Никодимов.

– Что? – не расслышал Ржевский, увлекшись воспоминаниями. – Горе? От ума? Кажется, читал. – Это была ложь. – И согласен.

– С чем согласен?

– Что горе – оно от ума... А точнее – от излишних раздумий. Вот я, знаешь ли, много думать и рассуждать не люблю. Надо действовать!

В случае с барышней, любившей чтение, это и впрямь оказалось очень правильно. Пусть она поначалу говорила: «Поручик, уйдите, вы мне мешаете», но Ржевский не отступал. Чего ждать? Пока она всю домашнюю библиотеку перечитает? Действовать!

А на Никодимова слово «действовать» произвело просто волшебный эффект.

– И я того же мнения, – доверительно сообщил он, понизив голос и наклоняясь через стол к собеседнику. – Литературу русскую не спасёшь слезами. Да, действовать надо. И не только литературы нашей это касается, но и всего русского. Судьбу России надобно в свои руки брать.

Это он произнёс совсем тихим шёпотом, одними губами, будто заговорщик, а Ржевский никак не мог понять, о чём собеседник толкует. При чём тут судьба России?

Чтобы скрыть недоумение, поручик нахмурился:

– Я судьбу России держал в руках, когда воевал при Аустерлице, и во время Отечественной войны, и в Заграничном походе. А теперь – нет. Я в отставке.

– Отставка – не причина, чтобы перестать думать о благе Родины, – всё так же тихо,

доверительно сказал Никодимов. – Взять того же Чацкого...

– Кого?

– Чацкого из «Горя от ума».

– А! Ну, разумеется!

– Вот он нигде не служит, но полон думами о России. А вокруг – чинуши и служаки, которые о России не думают, заботятся лишь о собственном благополучии. Чацкий пытается им объяснить, в чём истинная цель служения, но остаётся непонятым. И даже Софья, которая когда-то любила его всем сердцем, не понимает его...

Ржевский опять нахмурился. Что за Софья? Уж не намекает ли этот Никодимов на Софью Тутышкину, охраняемую мужем-цербером, которую сам пригласил на мазурку?

– ...Совсем не понимает, – меж тем повторил Никодимов. Увлечшись рассуждениями, он откинулся на спинку стула, а при слове «совсем» досадливо взмахнул рукой и едва не задел графин, стоявший на столе.

Ржевский положил ладонь на столешницу и незаметно подвинул графин к собеседнику. Однако обсуждение следовало поддерживать: пускай этот дурак дальше руками машет.

– Если женщина тебя не понимает, так и нечего на неё время тратить, – уверенно произнёс поручик. – Лучше избрать другую цель.

Если бы Софья не бросала на Ржевского такие красноречивые взгляды, он бы однозначно избрал другую цель и не слушал бы сейчас этого болвана.

– Именно! – воскликнул Никодимов, резко повернувшись к собеседнику. – Другую цель! Забота о благе России и народа – вот истинная цель! Цель для всякого мыслящего человека в отечестве нашем! – Он, кажется, не понял, о чём ему говорят. И вообще поведение этого господина не поддавалось никакому объяснению: то шептал о судьбе России, а теперь кричит.

Он ещё пару раз взмахнул руками и даже вскочил, а Ржевский ещё подвинул графин в его сторону, рассчитывая, что собеседник рано или поздно присядет на тот же стул, продолжит размахивать руками и...

Однако Никодимов никак не садился, начал мерить шагами комнату и счастливо улыбался:

– Как я рад, Александр! Как рад, что ты меня понимаешь. Это такое счастье – найти истинно мыслящего человека в этой толпе Фамусовых и Скалозубов.

Ржевский поспешил улыбнуться. Но из сказанного понял только, что роды Фамусовых и Скалозубов весьма многочисленны, если на губернский бал явились аж по несколько представителей от каждой из фамилий.

– Да ты сядь, братец, – сказал поручик. – Лучше расскажи мне, давно ли прибыл из Петербурга.

– А как ты догадался, что я прибыл оттуда? – спросил Никодимов, но присел не на стул, а рядом, на диванчик, оформленный в том же стиле, что и ножка стола – каждый подлокотник как будто держала на своих плечах крылатая кошка с женскими грудями.

Опершись на подлокотник, Никодимов словно невзначай скользнул краем ладони по округлым прелестям крылатого существа и Ржевский сразу забыл, о чём идёт разговор. «Да что здесь за мебель! Невозможно сосредоточиться!» – подумал поручик.

Меж тем Никодимов ждал ответа:

– Так как ты догадался?

– О чём?

– Что я только из Петербурга.

Ржевский наконец пришёл в себя:

– По фракку – уж больно искусно пошит. В нашей губернии так шить не умеют.

– И то верно, – кивнул собеседник.

– Так какие новости в Петербурге? – повторил Ржевский.

Взгляд Никодимова сделался загадочным, как и тон:

– Много разных новостей. – Он снова пересел за стол, поближе к Ржевскому и добавил.

– Но об этом лучше говорить не здесь, а у меня на квартире. Приглашаю тебя завтра к себе. К полудню. А? Как? Придёшь?

– Охотно. – Ржевский всё так же улыбался, а про себя думал, о чём бы ещё спросить собеседника, чтобы снова разгорячился и начал махать руками.

Графин был уже почти на самом краю стола, но в голову, как назло, не приходило ни одного вопроса!

И тут Фортуна снова пришла на помощь – Никодимов, который только что смотрел прямо на поручика, вдруг взглянул ему за спину, куда-то вдаль. Главное, что больше не смотрел ни на Ржевского, ни на его руку, двигавшую графин.

Ещё немного, почти...

– Ах, вот вы где, поручик! – послышался за спиной знакомый голос. – А вы, господин Никодимов, как я вижу, совсем не думаете о наших дамах. Увели от нас поручика, занимаете его серьёзными беседами, а дамы в это время скучают, потому что желают танцевать с ним.

На плечо Ржевского легла рука, показавшаяся весьма тяжёлой, как если бы её обладатель сказал: «Вот ты и попался!» Графин уже не мог упасть на колени Никодимову, поднявшемуся, чтобы поприветствовать того, кто пришёл. Цель, такая близкая, теперь стала недостижимой, поэтому поручик оставил графин в покое и оглянулся.

Голос и рука, как и следовало ожидать, принадлежали князю Всеволожскому. Губернатор прямо-таки вцепился в плечо своему пленнику, чтобы препроводить обратно в зал и передать своей племяннице Тасеньке.

* * *

Мазурку Ржевский танцевал с Тасенькой. В предыдущих трёх танцах – галопе, вальсе и кадрили – его партнёршами стали весьма приятные особы, но это не могло облегчить нынешних страданий. Опять появилось глупейшее ощущение, что танцуешь один. Поручик пытался смотреть на Тасеньку, но взгляд не мог ни за что зацепиться, да и на ощупь было не лучше. То ли дело другие партнёрши!

Обычно, когда Ржевский, танцуя с очередной прелестницей, касался её спины на самой границе выреза платья, то чувствовал, как по телу дамы разбегаются мурашки, словно торопятся сообщить всем органам и частям: «Ржевский здесь! Ржевский здесь!»

Мурашки чувствовались даже через перчатку, поэтому невольно возникала мысль: «Вот бы проделать то же самое без перчатки...» Конечно, всякому кавалеру во время танца полагалось быть в перчатках и не снимать их, но если незаметно снять хотя бы одну...

В общем, если бы не обязанность уделять внимание Тасеньке, поручик мог бы заниматься куда более приятными делами. К тому же среди дам успели распространиться слухи, что причиной его отставки стала несчастная любовь. И якобы по той же причине он безвыездно прожил два года в деревне, не бывая даже в Твери. Дамы весьма чувствительны к таким историям, и из этого можно было извлечь немалую выгоду.

– Я слышала, что вы безнадежно влюблены. Это правда? – недавно спрашивала ясноглазая шатенка, когда Ржевский отплясывал с ней галоп.

Поручик, притворяясь растерянным, потупил глаза, невольно уставившись даме в декольте.

– А откуда у вас такие сведения, сударыня? Последнее время я никому не открывал своего сердца.

– В начале бала с вами танцевала одна девушка. – Шатенка смущенно улыбнулась. – Она спросила вас, почему вы два года никуда не выезжали. А вы так выразительно вздохнули... Значит, причина в сердечных делах! Когда девушка передала мне вашу с ней беседу, я сразу так решила.

– Сударыня, вы столь же проницательны, сколь и прекрасны, – ответил Ржевский. – А когда вы на меня так смотрите, я чувствую, что моё сердце понемногу исцеляется... Если бы вы подарили мне ещё один танец...

– Это невозможно, поручик. – Дама ещё больше смутилась, а глаза ещё больше заблестели. – На все другие танцы я уже приглашена. Всё расписано до конца бала.

– А если бы мы с вами уединились в дальней комнате...

– Это невозможно, поручик.

– Вас и туда кто-то пригласил раньше меня? – удивился Ржевский.

Дама звонко рассмеялась:

– А вы шутник, – но так ничего и не ответила.

Во время вальса другая дама, блондинка с нежным личиком, тоже расспрашивала Ржевского о сердечной ране:

– Поручик, до меня дошли слухи, что вы жестоко страдаете.

– Страдаю, сударыня, – отвечал Ржевский. – Но когда вы рядом, мне делается легче.

– Отчего же?

– Возможно, оттого, что дама, из-за которой страдает моё сердце, блондинка, как и вы, – сказал поручик. Разумеется, если б его партнёрша по танцу оказалась брюнеткой, он и причину своих страданий назвал бы брюнеткой.

– О! – оживилась дама. – Значит, вы любите блондинок, поручик?

– А вы рыжих мужчин любите, сударыня? – спросил Ржевский, тряхнув рыжими кудрями.

– На что вы намекаете? – замялась блондинка.

– На то же, на что и вы, – ответил поручик.

– Я не на это намекала, – решительно произнесла дама.

– А на что?

– Сама не знаю.

– А откуда тогда знаете, на что намекал я?

Блондинка наморщила носик:

– Поручик, догадаться не сложно: вся Россия знает, что вы всегда намекаете на одно и то же!

На кадрили Ржевский пригласил даму с рыжеватыми волосами и прелестными веснушками, просвечивавшими сквозь пудру.

– Поручик, я о вас наслышана, – сказала рыжая прелестница.

– О том, что я жестоко страдаю? – спросил Ржевский.

– А также о том, что вы известный пошляк, – улыбнулась дама. – Поэтому со мной

воздержитесь от пошлостей.

– Это как?

– никоим образом не упоминаем пошлые предметы.

– А про предметы гардероба говорить можно?

– Про те, которые скрыты от глаз? Разумеется, нет.

– А про такие непошлые, как шляпа или перчатки?

– Ну, если про них...

– Тогда, – начал поручик, – признаюсь, как мне жаль, что кавалерам нельзя танцевать с дамами, не надевая перчаток.

– Ох, поручик! Вы даже из разговора о перчатках сделаете пошлость, – заметила дама. –

Танцевать без перчаток – неприлично.

– Всё познаётся в сравнении, – возразил Ржевский. – Вот если б я танцевал ещё и без верхней части мундира, в одних рейтузах...

Рейтузы не являлись скрытой частью гардероба, поэтому дама не могла упрекнуть поручика в нарушении запретов:

– В одних рейтузах это уж совсем неприлично, – ответила она.

– А если бы дама танцевала без платья, только в белье и корсете?

– Поручик! Вы нарушили запрет.

– И всё же ответьте.

– Это совсем-совсем неприлично!

– А если бы я танцевал вообще нагишом?

– Это совсем-совсем-совсем неприлично!

– А если ещё и дама начнёт нагишом танцевать?

– Это так неприлично, что дальше некуда!

– Как это некуда? – удивился Ржевский. – Когда я рейтузы снимаю, и дама голая, то самое интересное начинается...

Но сейчас, во время танца с Тасенькой поручику не то что рейтузы, а даже перчатки снимать не хотелось. Мало того, что вид у неё – смотреть не на что, так и характер не слишком приятный. На поверку она оказалась любительницей лезть в чужие дела.

Судя по всему, слух о «разбитом сердце» Ржевского распространила именно эта девица, за что её можно было бы благодарить... если б теперь она не вздумала лезть в его дела с Софьей!

– Поручик, я должна вам кое-что сообщить о госпоже Тутышкиной. Обещайте, что никому не скажете о нашей беседе, – сказала Тасенька, как и в прошлый раз, во время другого танца, начав разговор первой.

Ржевский снисходительно усмехнулся:

– Да бог с вами, Таисия Ивановна! Вы как будто собрались открыть страшную тайну.

– Она не страшная, но важная, – приглушённо произнесла Тасенька и продолжала: – Госпожа Тутышкина изменяет мужу.

«Это же превосходная новость!» – подумал Ржевский. Ему опять захотелось выразить благодарность собеседнице, но это желание почти сразу исчезло.

– Поручик, зря вы хотели ухаживать за ней, – всё так же тихо говорила Тасенька.

– Не понимаю вас.

– Она изменяет мужу, но изменяет не с вами. А значит, вам придётся подождать, пока прежний любовник ей наскучит.

– Таисия Ивановна, вы как будто любовных романов начитались, – сказал Ржевский.

– Госпожа Тутышкина уже не первый год изменяет мужу с одним и тем же любовником,

– не унималась сплетница. – Вы будете лишний.

«Интересный поворот, – подумал Ржевский. – Но почему же тогда Софья смотрела на меня так завлекательно?»

Глава вторая, в которой на балу происходят странные события, в итоге помогшие герою достичь желанной цели

Мазурка кончилась. Распорядитель бала и его помощники попросили освободить середину зала, потому что из двери, которая до этого была заперта, лакеи начали вносить столы, уже накрытые скатертями, и добавочные стулья, ведь тех, что стояли вдоль стен, не хватило бы.

Вскоре на столах появились тарелки, бокалы, столовые приборы, а также вазы с живыми цветами – это в декабре-то! Зал наполнился возгласами одобрения и восхищения, а меж тем лакеи уже вносили блюда с холодной закуской и бутылки с различным содержимым – на любой вкус.

Князь Всеволожский попросил всех рассаживаться, просьба была тут же громогласно повторена помощниками распорядителя, а князь занял подобающее ему место во главе самого длинного стола.

По счастью, Тасенька оказалась не единственной родней губернатора – сидеть рядом со своим дядюшкой ей не полагалось. А это означало, что Ржевскому, обязанному сопровождать свою даму, раз танцевал с ней мазурку, можно было выбрать место подальше, не под надзором.

И всё же сесть следовало за главным столом, но тут поручик заметил, что за тот же стол усаживается губернский чиновник Тутышкин с супругой. Тутышкин садился по левую руку от жены, а справа пока никто не сел! Там как раз осталось два места – для кавалера и дамы.

Ржевский, немилосердно толкнув нескольких гостей, заслонявших путь, потащил Тасеньку к столу. Лишь оказавшись рядом с Софьей Тутышкиной, позволил себе секунду передохнуть, а затем выдернул замешкавшуюся Тасеньку из толпы и, всем видом изображая галантность, отодвинул для своей дамы стул:

– Садитесь, Таисия Ивановна.

Два места рядом с четой Тутышкиных наверняка были оставлены для кого-то другого. И вообще отодвигать стулья положено лакеям. Однако Ржевский решил взять судьбу в свои руки, а если окажется, что занял чужие места, ни за что не пересаживаться!

Вот к столу подошёл лакей, который вёл за собой пожилую пару. Значит, для этой пары предназначались стулья рядом с Тутышкиными, но Ржевский скорчил такую зверскую рожу и так выразительно посмотрел на лакея, что тот в страхе отступил на шаг, сказав паре:

– Простите-с, нам не сюда.

Тем временем Софья Тутышкина успела заметить Ржевского, а поручик сделал вид, что её не замечает. Хотел понаблюдать, огорчится ли она из-за невнимания.

Тасенька, уже усевшаяся за стол и устроившая на коленях салфетку, повернулась в сторону Софьи – значит, тоже заметила, – но ничего ей не сказала и вместо этого обратилась к поручику, судя по всему привыкнув, что он первым не заговаривает:

– Поручик, вы ведь были в Париже?

– Конечно, был-с, – ответил тот.

– Тогда, думаю, вы оцените: сегодня все блюда – по парижским рецептам.

Ржевский молча разглядывал стол, где уже стояли кушанья. К примеру, холодная курица под толстым слоем прозрачного желе, украшенная веточками ароматных трав и больше похожая на пирог странной формы, нежели на птицу. А вон тарталетки в виде корзинок с

ручками, наполненные салатом из картошки, моркови, гороха, маринованного огурца и ещё чего-то. Или вот тарталетки-лодочки с креветочным мясом в соусе; наверху каждой воткнута зубочистка с бумажкой, будто парус.

На соседнем блюде видны корытца из картошки, тоже с креветками. Корытца расставлены вокруг дерева, у которого ствол из ананасовых колец, а ветки – из петрушки. И сверху – долька лимона воткнута. Видать, это солнце заходит.

Тасенька, взяв в руки лист отпечатанного меню, забормотала что-то – наверное, по-французски. А затем сказала уже по-русски, указывая пальчиком:

– «Фаршированная курица под соусом Бель Вю», «Корзиночки с салатом», «Кораблики с креветками», «Картофельные лодочки с креветками».

– Что-то вы странное читаете, Таисия Ивановна, – сказал Ржевский. – Где же тут лодочки, если это корытца?

– Здесь так написано, – ответила Тасенька, но не совсем твёрдо. Уверенный тон Ржевского её смутил.

– Да мало ли, что за вздор пишут! – сказал поручик. – Я после двух лет в деревне могу отличить лодку от корыта.

– Не смущайтесь, Таисия Ивановна, – вдруг донёсся откуда-то слева мужской голос. – Он никогда не верит в то, что написано. Я недавно пытался сказать господину поручику, как именно у Карамзина написано про братьев Рюрика, а господин поручик рассердился да как начал кричать. И меня напугал, и супругу мою!

Ну, конечно же, это говорил муж Софьи! Ржевский оглянулся на него, но промолчал.

– Поручик, а вы сами французский язык знаете? – продолжал ехидничать Тутышкин. – Можете посмотреть, правильно ли Таисия Ивановна перевела меню?

Ржевский, подавив в себе желание подойти к Тутышкину и приложить физиономией об стол, произнёс с нарочитым спокойствием:

– Нет-с. Я французского языка не знаю. И полагаю это знание излишним.

– А как же вы в Париже с местными жителями объяснялись? – робко спросила Тасенька.

– А они меня и по-русски понимали, – всё так же с нарочитым спокойствием отвечал Ржевский.

– Как это? – не отставал ехидный Тутышкин.

– Да просто! – ответил поручик. – Вот, к примеру, захожу я в парижский ресторан. Хозяин сразу ко мне. Ох, говорит, гусар рус, гусар рус, сильвупле. За стол, в общем, приглашает. Ну, я сажусь; он меню открывает, пальцем туда тычет, лопочет что-то. С вином кое-как разобрались, а вот с закуской... Ни черта не понимаю, а понимаю только то, что он мне чего-то предлагает. Ну, я плюнул и говорю: «Валяй, неси, но только пулей, а то жрать охота». Так он всё понял! Не прошло и минуты, как мне несут вот такую же курицу, – Ржевский небрежно кивнул в сторону курицы в желе. – И зачем тогда язык учить? Я и в других парижских ресторанах по-русски изъяснялся, а если там одни дураки, то я им – «валяй», «пулей» и сразу все понимали.

Тасенька вдруг совсем смутилась. В ней явно шла внутренняя борьба чего-то с чем-то, и одно из них в итоге победило, потому что Тасенька дрогнувшим голосом произнесла:

– Поручик, «воляй» – это по-французски «птица» как вид пищи, то есть не рыба и не мясо. А «пуле» – это по-французски «курица».

Теперь настала пора Ржевскому смутиться, но он почти сразу нашёлся:

– Получается, французский я всё-таки знаю? Ну, ладно. Знаю, так знаю. Давайте-ка лучше выпьем и закусим.

* * *

Опытный участник баталий всегда видит поле боя целиком, поэтому поручик заметил, что пока он беседовал с Тасенькой и Тутышкиным, Софья успела положить в тарелки себе и мужу различные деликатесы. Значит, рассказ о парижских ресторанах совсем не занимал её. Или она обиделась на показное невнимание Ржевского, поэтому сама притворилась безразличной и весьма занятой заботами о благоверном.

Как раз в то время, когда Ржевский предложил приняться за еду, Софья солила «Кораблики с креветками» в мужниной тарелке – трясла над ними серебряной солонкой. Посолила изрядно, а затем хотела поставить солонку на стол, но поручик был уже наготове.

Во время банкета и дамам, и кавалерам полагалось снять перчатки, и это открывало большие возможности для наступления! Ещё тогда, когда прелестные пальчики оставались сомкнутыми вокруг солонки, Ржевский протянул руку и будто нечаянно коснулся их:

– Ах, простите, Софья Петровна, тоже хотел воспользоваться.

Красавица-брюнетка посмотрела с подозрением:

– А что вы собрались солить, Александр Аполлонович?

Только теперь Ржевский сообразил, что допустил промашку – его тарелка была пока пуста.

– Да, мне тоже любопытно, Александр Аполлонович, – сразу встрепенулся Тутышкин, который уже успел отпилить корму от одного из корабликов и наколоть на вилку, но так и не донёс до рта. – Можно подумать, вы пытаетесь ухаживать за моей женой!

Воцарилось тягостное молчание. Наступление вдруг обернулось контратакой противника. Следовало что-то предпринять. Поручик напряжённо соображал, но не прошло и полминуты, как он лучезарно улыбнулся:

– О! Да это у меня давняя привычка. Уж сколько лет прошло, а всё никак не могу отучиться.

– Привычка ухаживать за чужими жёнами? – Тутышкин аж побагровел и, казалось, был готов вызвать Ржевского на дуэль.

– Нет, вы не поняли, – ответил Ржевский. – Привычка касается употребления соли. В походах часто бывает, что есть приходится не за столом с тарелкой и приборами, а держать кусок пищи прямо в руках. Например, печёный в золе картофель. В декабре двенадцатого года я, знаете ли, часто такое едал. И в подобных случаях весьма неудобно сыпать соль на пищу, потому что значительная часть сыпется мимо. Гораздо удобнее опускать пищу в соль – самый краешек.

Лицо Тутышкина, ещё некоторое время остававшееся багровым, постепенно вернуло себе первоначальный цвет, а Софья успела тихо вздохнуть.

– Вот я и хотел по старой привычке, – продолжал Ржевский, – насыпать на тарелку горочку соли, а после опустить в неё... ну, к примеру, вот этот помидор! – В следующее мгновение он схватил вилку и наколот на неё одну из долек помидора, украшавших курицу в желе.

– Очаровательный рассказ! – воскликнула Софья, так что муж в очередной раз встрепенулся, но теперь смотрел с подозрением на неё, а не на поручика.

– Так вы позволите? – спросил Ржевский, снова будто случайно касаясь пальцев дамы,

которые так и не выпустили солонку.

Софья, кажется, ничего не слышала и не почувствовала, однако воззрилась на поручика с таким восхищением, что Тутышкин снова начал багроветь, а сам поручик – теряться в догадках: «Неужели, одно прикосновение так подействовало?»

– Очаровательный рассказ, – повторила Софья, – поэтому я возьму эту солонку с собой в память о нашей сегодняшней встрече, Александр Аполлонович. – Она открыла ридикюль и спрятала туда трофей прежде, чем кто-либо успел что-то возразить.

Ржевский по-прежнему не мог поверить своему счастью, понимая, что поступок дамы весьма смел. И не только потому, что всё это совершалось на глазах у мужа. Ведь, в самом деле, нужна известная смелость, чтобы забирать на память столовое серебро – солонка-то серебряная. Такое и воровством могут счесть.

По счастью, другие гости, увлечённые едой и разговорами, не обращали на происходящее никакого внимания. Рассказать губернатору о серебряном предмете, взятом «на память», могла разве что Тасенька.

Ржевский посмотрел в её сторону и, кажется, впервые за весь вечер заметил, что у этого существа есть глаза, потому что глаза эти стали круглыми, как у рыбы, а губы шевелились так, словно эта рыба задыхается.

– Что с вами, Тасенька? – вырвалось у поручика, а в следующее мгновение та громко закашлялась, согнувшись пополам.

Ржевский вскочил, не зная, как помочь. Плеснул воды в бокал из стоявшего на столе графина, подал ей:

– Промочите горло, полегчает.

Однако Тасенька, продолжая натужно кашлять, не могла сделать ни глотка.

– Может, по спине постучать?

Девушка едва заметно кивнула.

Ржевский с силой хлопнул её по спине ладонью, отчего Тасенька согнулась ещё сильнее.

– Да что же вы делаете, Александр Аполлонович! – воскликнула Софья, тоже вскочив. – Доктора сюда надо. Врача!

– Врача! – заорал Ржевский на весь зал.

– Даме плохо! – подхватил Тутышкин, вскочивший вслед за женой. – Врача!

Однако Тасенька уже перестала кашлять, взяла со стола бокал с водой, недавно предложенный поручиком, и сделала несколько глотков.

– Не надо врача, – наконец проговорила она, хоть и хрипловато. – Всё хорошо. Когда Александр Аполлонович меня по спине хлопнул, мне сразу стало лучше.

– А что же с вами было? – спросил Тутышкин.

– Может, это чахотка? – спросил Ржевский на всякий случай.

– Нет у меня никакой чахотки, – уже обычным голосом ответила Тасенька. – Я корзиночкой с салатом подавилась. Откусила у неё ручку, хотела разжевать и случайно проглотила.

Тем временем к ним подошёл пожилой лысоватый господин в тёмно-сером фраке. Поправив на носу пенсне, он деловито произнёс:

– Я доктор. Кому плохо? Вам, барышня? – он посмотрел на Тасеньку. Кажется, она единственная из всех присутствующих продолжала сидеть, а остальные гости за столом вскочили, чтобы лучше видеть происходящее.

– Нет, мне уже хорошо, – твёрдо произнесла Тасенька, сделав ещё один глоток из бокала и чуть кашлянув, чтобы прочистить горло.

Господин в пенсне взял со стола ложечку, и велел:

– Барышня, откройте рот пошире и скажите «а».

– Зачем? – Тасенька нахмурилась.

Доктор присел рядом – на стул, где недавно сидел Ржевский.

– Посмотрю, не простужены ли вы. А то зима на дворе, а вы одеты совсем по-летнему. В моей практике такое часто случается, что приходится лечить барышень, которые простудились на балу. Все эти открытые плечи и тонкие шелка – это, конечно, хорошо для некоторых дел, но для здоровья не полезно, когда на дворе декабрь, а в зале – сквозняки.

– Я не простужена, – уверенно произнесла Тасенька.

– Вот и посмотрим. Скажите «а».

Тасенька подчинилась, а врач придавил ей язык ложечкой и принялся смотреть:

– Правее повернитесь. На свет.

Эту процедуру прервал губернатор, который, протиснувшись через толпу, участливо спросил:

– Тасенька, дитя моё, что случилось?

Та попыталась ответить, но ей мешала ложка во рту, давившая на язык.

– Господин доктор, прервитесь на минуту, дайте мне поговорить с племянницей, – недовольно произнёс губернатор, а Тасенька, освободившись от ложки, затараторила:

– Дядюшка, всё хорошо. Я подавилась тарталеткой, а Александр Аполлонович, – она выразительно посмотрела на поручика, – мне очень помог. По спине хлопнул, и мне сразу стало лучше.

Все повернулись в сторону Ржевского, и даже Тасенька, продолжая говорить, больше смотрела на него, чем на дядю:

– А после того, как я по совету Александра Аполлоновича выпила воды, то всё совсем прошло. Спасибо вам, – она кивнула поручику, – вы мой спаситель.

Губернатор в то же мгновение подступил к Ржевскому, схватил за плечи и чуть встряхнул:

– Дорогой мой друг, благодарю от всей души! Признаюсь, моя супруга сомневалась, что Тасеньку можно вам доверить даже на балу, но я всегда знал, что моя племянница с вами – в надёжных руках.

«Со мной? – насторожился Ржевский. – В надёжных руках?» Кажется, он был бы менее смущён, если бы все гости, которые сейчас смотрели на него, застали его в спальне губернаторши со спущенными штанами. Губернаторша, как её ни крути, уже замужем, так что жениться не пришлось бы, а вот Тасенька...

Воображаемый свадебный венец над головой всё больше приобретал тяжесть настоящего.

«Фортунушка, милая, имей сострадание, – мысленно взмолился Ржевский. – Что же ты творишь?» И Фортуна услышала, потому что доктор нарочито громко произнёс:

– Я бы хотел обследовать барышню более тщательно. Есть подозрение на простуду.

Тасенька упиралась:

– Дядюшка, – сказала она, – это ни к чему.

– А если завтра вам, барышня, станет хуже? – настаивал доктор.

Князь Всеволожский наконец-то отпустил Ржевского и встревожено спросил:

– А такое возможно?

– Всякое возможно, – ответил врач, – поэтому я бы попросил отвести барышню в комнаты, где можно было бы без помех послушать дыхание и померить пульс.

– Пойдём, Тасенька, – сказала появившаяся из толпы губернаторша, взяла мужнину племянницу за руку и потянула за собой, а мужу бросила через плечо: – Николая, ни о чём не беспокойся. Развлекай гостей.

– В самом деле, господа, – засуетился Всеволожский. – Что мы так переполошились! Прошу садиться. Банкет продолжается.

Врач ушёл вслед за пациенткой, загремели стулья, гости стали усаживаться... А Ржевский лишь тогда, когда снова оказался за столом бок о бок с Софьей, понял, как хорошо Фортуна всё устроила. Назойливой девицы Тасеньки больше не было рядом, а прекрасная дама, за которой так хотелось ухаживать, – вот она. И муж – не помеха, потому что перестал обращать на поручика внимание.

– Перемена блюд? Уже? – недовольно бормотал Тутышкин. – Софья, вообрази: я эти корабрики даже не попробовал, а их уже унесли!

* * *

Поручик Ржевский увлечённо ухаживал за Софьей: подкладывал угощение и делал намёки.

– Позвольте снова за вами поухаживать.

– В каком смысле «поухаживать»? – заинтересованно спросила дама.

– Положу вам кусок вот этого пирога.

– Ах, вот вы о чём, – кокетливо улыбнулась она. – Да, поухаживайте.

В общем, осада шла успешно, крепость подавала знаки, что готова сдаться, а Тутышкин, который должен был мешать осаде, на своих позициях бездействовал.

Однако военное счастье переменчиво, как и всякое другое. К позициям Ржевского приблизились войска, не имеющие опознавательных знаков. На стул, оставшийся пустым после ухода Тасеньки, уселся подозрительный тип – усатый брюнет в тёмно-синем фраке.

«Штатский, но выправка как будто военная, – подумал Ржевский. – И усы почти гусарские. Неужели соперник?»

Подозрения только укрепились, когда этот фрачник, чуть наклонившись вперёд, чтобы его было лучше видно соседям по столу, произнёс, обращаясь к Тутышкину:

– А вот и снова я, Фёдор Иванович. Позвольте посидеть немного с вами и вашей супругой?

Тот, занятый жеванием, молча кивнул в ответ.

– Софья Петровна, как вы здесь? Не скучаете? – с возмутительной небрежностью осведомился фрачник.

– Нет, Сергей Сергеевич, – ответила Софья и улыбнулась так же благосклонно, как недавно улыбалась Ржевскому. – Но я рада, что вы, как истинный рыцарь, явились сюда, чтобы спасти меня от скуки, пусть даже мнимой.

Имя Сергей могло быть ключом к разгадке личности возможного противника. «Не тот ли это Сергей Бенский, с которым она скоро должна танцевать котильон?» – спросил себя поручик и начал выискивать взглядом, что бы такое «нечаянно» смахнуть на колени наглецу, чтобы к началу котильона несумел отчиститься. Однако перед атакой следовало всё-таки удостовериться, что противник – тот самый.

– Простите, с кем имею честь соседствовать? – спросил Ржевский.

– Я старый друг семьи Тутышкиных, – ответил наглец и больше ничего, так и не назвался. Как будто издевался!

Дело мог бы поправить Тутышкин, представив «друга семьи» Ржевскому, но не стал, по-прежнему занятый жеванием. А Софья, кажется, раздумывала, должна ли совершать жесты вежливости вместо мужа.

Меж тем «друг семьи» принялся осаждать крепость Софью, будто не замечая второго осаждающего:

– Как хорошо, Софья Петровна, что мне удалось пересесть. Увидел пустой стул и решил: вот случай, чтобы провести время в милой сердцу компании.

«Он это нарочно!» – поручик, всё больше ощущая соперничество со стороны незнакомца, начал закипать. Но опытный участник подобного рода баталий не станет показывать врагу, что задет. И именно поэтому невозможно было прямо переспросить у «друга семьи Тутышкиных»: «Не расслышал вашу фамилию». Ведь наверняка же опять увернётся от ответа!

Также оставалось непонятным, штатский он или военный. Как к нему лучше подступить? Штатских Ржевский забалтывал разговорами о давних вечерах у великой княгини Екатерины Павловны. Военных – воспоминаниями о Бородине. Но пока поручик раздумывал, незнакомец всё больше наггел:

– Софья Петровна, позвольте ещё раз отметить: вы сегодня очаровательны. Ах, как я завидую Фёдору Ивановичу!

Это следовало прекратить. Но которую стратегию выбрать? Спрашивать про Екатерину Павловну или Бородино? Бородино или Екатерину Павловну?

– А ваш наряд, Софья Петровна, удивительно подходит к... – продолжал «друг семьи», но не договорил, потому что Ржевский ринулся в атаку:

– Простите, Сергей Сергеевич, не доводилось ли нам видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны при Бородине?

– Где? – тот не понял, хотя Ржевский и сам не сразу понял, что сказал. А когда понял, поспешил исправиться:

– Я спросил, доводилось ли нам видеться на вечере у великой княгини Екатерины Павловны или, – поручик особо выделил слово «или», пропущенное в прошлый раз, – при Бородине. Вижу в вас как будто знакомые черты.

– Нет, – ответил собеседник, – мы раньше не виделись.

– Отчего же вы так уверены? – спросил Ржевский. – Неужели ни на одном из вечеров Екатерины Павловны вас не было? И при Бородине не сражались? – последний вопрос прозвучал с лёгким пренебрежением.

Собеседник вскинулся:

– При Бородине я сражался, но вас не помню.

– А я как будто припоминаю фамилию Бенский, – сощурился Ржевский. – Уж не вы ли это?

Софья наконец решила исправить неудобное положение, раз муж молчит. Она непринуждённо представила «друга семьи» так, будто ничего не происходит и «друг» – поручику вовсе не соперник:

– Александр Аполлонович, это Сергей Сергеевич Бенский, ротмистр в отставке. Сергей Сергеевич, познакомьтесь: это Александр Аполлонович Ржевский, поручик в отставке.

«Ага, – подумал Ржевский. – Тот самый». И снова принялся искать, что бы такое скинуть сопернику на колени.

– Так вы – Ржевский! – воскликнул друг семьи Тутышкиных.

На лице его отразилось уважение и восхищение, но Ржевскому отчего-то показалось, что чувства эти фальшивы.

– Александр Аполлонович, – продолжал Бенский, – не имел чести быть знакомым, но много наслышан о вас.

– В самом деле?

– Да. И о ваших подвигах.

– Я рад, – снисходительно улыбнулся Ржевский.

– И тех подвигах, что были после войны, – добавил Бенский, вдруг улыбнувшись чуть насмешливо.

– Это которых?

– Главным образом тех, что были совершены в нашей губернии.

– Тогда вы что-то путаете, любезный. – Ржевский нахмурился, всё больше подозревая в собеседнике фальшь. – В последние два года я тихо жил в деревне и не совершил ничего героического.

– Не скромничайте, поручик. – В улыбке Бенского вновь проскользнула насмешка. – Не зря же вас прозвали Рыжим Дьяволом.

Ржевский понял, что его хотят скомпрометировать перед дамой, рассказав ей о событиях во Ржеве. А если дама уже осведомлена через молву, то даже напоминание о слухах могло стать неприятным.

Полностью отрицать все слухи, пожалуй, не следовало – неправдоподобно. А вот если частично признать вину, но не давать собеседнику сгущать краски...

– Кто это прозвал? – нарочито удивился поручик.

– Ржевские купцы-старообрядцы.

– Ах, вот вы о чём! – Ржевский расплылся в улыбке. – Так это пустяки и недоразумение. Просто я оказал услугу одной купчихе.

– Купчихе Балакиревой.

– Не помню её фамилию, – небрежно произнёс Ржевский и повернулся к Софье. – Происшествие – сущий пустяк. Иду я как-то по улице Ржева, городским воздухом дышу. Весна, грязь. Вдруг слышу крик. Стоит посреди улицы баба.

– Красивая? – спросил Бенский.

– Да. – Ржевский прикусил язык. – То есть нет. То есть не помню. Что издали разглядишь? Сарафан, душегрейку, платок? Я сразу разглядел только то, что она на одной ноге стоит. А другой ногой в воздухе помахивает, будто балерина. То вбок ногу отведёт, то назад. Давненько я такого балета не видел.

Кажется, Софье не понравилось это сравнение, и поручик поспешил продолжить:

– В общем, шла по грязи и увязла. Дёрнулась, а сапожок с ноги соскочил, да так в грязи стоять и остался. Баба крутится, босой ногой машет, руками машет. Просто театр! Уже и зрители начали собираться. Я, конечно, поспешил на сцену. Одной рукой взялся за ножку, другой рукой выдернул из грязи сапожок, ну и помог обуться. А баба мне говорит: «Барин, ты ангел! Хоть и рыжий».

– Неужели купчиха Балакирева шла по улице одна? – осведомился Бенский. – Не было с ней работницы, дочери или ещё кого, кто бы помог?

– Да была там какая-то, – всё так же небрежно ответил Ржевский. – Но у неё в одной руке – корзинка, в другой – тоже корзинка. С базара, видно, шли. Девушка эта кричит: «Ой, я помогу!» Баба ей: «Куда ты, дура! Покупки в грязь не ставь». А тут я. В общем, помог. И пошёл своей дорогой. Так что не дьяволом меня прозвали, а ангелом.

Софья, кажется, осталась довольной услышанным. Возможно, она раньше слышала другое, но рассказ Ржевского явно понравился ей больше, чем слухи. Она мило заулыбалась, но тут опять вмешался Бенский:

– А мне говорили, будто купчиха Балакирева вас после этого на чай пригласила.

– Да как же она могла? У старообрядцев всё строго.

– Да вот так и могла, – Бенский понимающе улыбнулся. – Поддалась дьявольским чарам. Пригласила на чай. А мужа как раз дома не было...

– Вздор болтают! – уверенно ответил Ржевский.

– А ещё мне говорили, что после этого сам купец Балакирев имел с вами разговор в трактире. И весь трактир слышал. Купец кричал, что жена его теперь кается и в день по триста поклонов перед иконами кладёт. Неужели, не было повода?

– Вздор! – всё так же уверенно произнёс поручик. – Разве ж я в ответе за то, что этот купец по дурусти придумал! «Ты, – говорит, – моей жене ещё на улице мигал с блудным хотением». А я никому не мигал. И чай я с ней не пил. И перин её пуховых даже не видел.

– Тогда откуда знаете, что перины именно пуховые? – хитро сощурился Бенский, а Софья посмотрела на поручика укоризненно, да и Тутышкин – тоже.

– Так про них этот дурак купец упоминал, – Ржевский старался казаться всё таким же уверенным. – Говорил, что на них рыжий волос остался.

Бенский сощурился ещё сильнее:

– Купец Балакирев сказал: «От тебя, Рыжего Дьявола, остался».

– Кажется, так и сказал, – неохотно согласился Ржевский, – но всё вздор и недоразумение. Если бы я так волосами разбрасывался, то давно бы лысым ходил. Если молву во Ржеве послушать, так я на каждой купеческой перине по волосу оставил.

– А ещё говорят – вам ржевские купцы предлагали двести рублей серебром в обмен на ваше честное слово дворянина, что вы никогда больше во Ржеве не появитесь.

– Вздор! – в который раз сказал поручик, но Софья, кажется, уже не верила.

Хитрецу Бенскому всё же удалось сгустить краски, и Ржевский, раз уж терять было нечего, решил признать правду, хоть и частично:

– Предлагали две тысячи. Но я отказался. Мои чувства к женскому полу не покупаются и не продаются.

* * *

Ржевский старался не подавать вида, что приуныл. Двусторонняя осада крепости Софьи становилось всё более нелепой. Порой невозможно было понять, к кому более благосклонна осаждаемая.

Оба осаждающих сидели по правую руку от неё, поэтому, когда Софья поворачивалась вправо и улыбалась, оставалось лишь гадать, кому предназначена улыбка. Наверное, улыбалась она всё же Бенскому, если рассказ о «недоразумениях» во Ржеве произвёл на неё неприятное впечатление.

Поручику уже почти захотелось, чтобы вернулась Тасенька. По крайней мере она своим появлением заставила бы наглеца Бенского освободить ей стул и убраться к чёрту.

Но появление Тасеньки помогло бы Ржевскому ненадолго. Банкет уже подходил к концу, осталась последняя перемена блюд. А после этот интриган Бенский станет танцевать с Софьей котильон.

Ржевский уже готов был пойти на крайние меры – просто облить соперника красным вином, даже не притворяясь, что это вышло случайно. Бенский, конечно же, тут же вызвал бы за такое на дуэль, а поручику пришлось бы принять вызов, но зато Софья не досталась бы никому из них.

«Если не победа, то можно и так», – думал Ржевский, когда сзади подошёл лакей и почему-то взялся рукой за спинку стула, на котором сидел поручик.

– Что такое? – спросил Ржевский, глядя на лакея снизу вверх, но ответа не получил.

Лакей смотрел куда-то вперёд и чуть покачивался. Левой рукой он держал поднос, на котором на большой овальной тарелке находился кремовый торт в виде корзинки с цветами, украшенный листиками мяты. Оттого, что лакея шатало всё сильнее, торт начал ездить по подносу туда-сюда.

– Ты никак пьян, братец! – воскликнул Ржевский.

Лакей наконец посмотрел на него, что-то промямлил, но поручик не вслушивался. Ведь лицо у лакея было почти такого же зелёного цвета, как листики мяты на торте!

– Простите, барин, – зелёный малый начал оседать на пол.

Ржевский, чуть повернувшись на стуле, схватил лакея под мышки и тут же почувствовал, как на правое плечо опускается поднос. Послышался лёгкий скрежет. Это торт в тарелке поехал по наклонённому подносу, словно с горки на санках. Шмяк! Звяк!

– Ах ты, пьяная свинья! – вдруг заорал Бенский. Оказалось, что торт съехал с подноса как раз ему на колени и почти весь остался там, а тарелка теперь валялась осколками на паркете. – Плетей ему! – орал Бенский, потому что его панталоны и низ жилета оказались безнадежно заляпаны. Салфетка, лежавшая на коленях, никак не могла спасти одежду от такого обилия цветного крема.

А лакею, которого Ржевский продолжал держать подмышки, сделалось совсем худо. Бедный малый дёрнулся, вырываясь из рук поручика, бросил поднос и побежал прочь, зажимая рот руками. Как видно, лакея должно было вот-вот вырвать, но он скрылся в дверях прежде, чем большинство гостей успело понять, что случилось.

– Вот чёрт! – возмутился Бенский, руками перекладывая смятый торт себе в тарелку и пытаясь хоть как-то вытереться, но теперь и рукава фрака оказались вымазанными.

Рядом уже суетился главный распорядитель бала:

– От имени хозяина дома прошу извинить за эту нелепую случайность. Холоп будет наказан по всей строгости. Уважаемый господин Бенский, позвольте проводить вас в уборную.

– Извините, но вынужден откланяться, – произнёс недавний соперник Ржевского, обращаясь прежде всего к чете Тутышкиных.

Ржевский хотел сказать ему вслед: «Не беспокойтесь, я сделаю всё, чтобы Софья Петровна не скучала», но издеваться над поверженным врагом, пожалуй, не следовало. В конце концов, это не Ржевский его победил, а лапушка Фортуна помогла. Поручик, пытаясь поддержать падающего лакея, совсем не думал о том, к чему это приведёт.

– Кажется, мы остались без торта, – вздохнула Софья, когда Бенский удалился, а слуги убрали с пола разбитую тарелку и остатки крема.

– Да, неприятная история, – кивнул Ржевский и тоже вздохнул для вида, но мысленно

ликовал. – А ещё, Софья Петровна, вы остались без партнёра на предстоящем котильоне. Разрешите исправить это и пригласить вас.

– Приглашайте. – Дама улыбнулась.

* * *

Котильон ценен тем, что позволяет кавалеру без помех говорить с дамой почти наедине. Если в котильоне участвует множество пар, то места в зале не хватает, и пока одни пары танцуют очередную фигуру, заданную главным распорядителем бала, оставшиеся сидят возле стены и беседуют.

Поручик Ржевский в очередной раз присев вместе с Софьей на банкетку, всё больше подозревал, что он чего-то не понимает. Дама перекладывала из руки в руку букет фиалок, подаренный ей Ржевским перед началом котильона, смотрела выжидающе, но когда слышала очередной комплимент или пикантный намёк, то на лице её одновременно отражалось удовольствие и разочарование. То есть по её мнению кавалер говорил не совсем то. А что он должен был сказать? Или надо было не говорить, а действовать?

Ржевский непринуждённо протянул руку за спину дамы, затем нащупал ягодицу, хорошо ощутимую даже через складки шёлковой юбки, и одновременно прошептал в дамское ушко:

– Софи, что же ты со мной делаешь! Оглядываюсь на свою прежнюю жизнь и думаю: «Как же я мог жить без тебя все эти годы?»

Дама ахнула и прошептала:

– Сашенька! Значит, ты не забыл? А я всё думала, узнаёшь ли ты меня. И не говори, что за тринадцать лет я не изменилась.

Что? Такого Ржевский не ждал. Он готов был поклясться, что имя Софьи Тутышкиной впервые услышал именно сегодня, на балу. Однако поведение дамы не давало повода предположить, что она лишь в шутку говорит о давнем знакомстве, желая разыграть собеседника.

– Конечно, Софи, я сразу тебя узнал. Я помню всё, – тихо ответил поручик, но если бы дама спросила, что же он помнит, оказалось бы нелегко выкрутиться.

По счастью, дама не спросила. Вместо этого принялась укорять:

– Я думала, ты приедешь ко мне после войны, но ты не приехал. И тогда я от обиды вышла замуж за этого дурака. Почему ты не приехал?

– Служба, – просто ответил Ржевский.

– Ты мог бы написать мне письмо.

– Софи, я не мастер марать бумагу.

– Знаю, – вздохнула она. – А два года назад, когда ты вышел в отставку, почему не пытался разыскать меня?

– Полагал, что слишком поздно, – ответил Ржевский, а сам силился вспомнить, кто же эта особа.

И вдруг его осенило. Ну конечно! Софи! Та самая барышня-брюнетка с книжкой. Всё уверяла, что читать романы – гораздо занятнее, чем крутить романы, но затем изменила мнение. Случилось это незадолго до войны с Наполеоном. Июньские дни. Тенистый сад. Та самая брюнетка! Несомненно.

– Здесь, на балу дамы говорят, что у знаменитого поручика Ржевского разбито сердце, – вкрадчиво произнесла Софья. – Неужели в этом есть хоть капля правды?

– Конечно, есть. И больше, чем капля, – ответил Ржевский.

– А как же слухи о приключениях во Ржеве и окрестностях?

– А как мне развеивать тоску? Лечусь от печали, как умею.

Софья счастливо рассмеялась:

– Знаю. Ты всегда таким был. Но я всё равно хотела сердиться на тебя. Особенно когда слушала ту историю о купчихе. Но когда ты сказал, что твои чувства всегда бескорыстны и не покупаются серебром, я тебя простила.

Разговор прервался, потому что Ржевскому и его даме настала очередь исполнять очередную фигуру котильона. Софья танцевала очень увлечённо, а когда почти в полном изнеможении плюхнулась на ту же самую банкетку, то выглядела так, будто только что отдалась поручику. Грудь высоко вздымалась, а глаза смотрели перед собой и не видели, как если бы дама недавно возносилась к облакам и ещё не осознала, что снова находится на грешной земле.

Ржевский, глядя на неё, даже подумал о табачной трубке: когда дама удовлетворена, можно и закурить. Однако курить было всё же рано. Да, крепость готовилась сдаться, вывесила белый флаг, но осаду следовало считать завершённой лишь после того, как будут обговорены условия сдачи.

– Софи, а я ведь тоже обижен на тебя, – сказал Ржевский с напускной строгостью.

– За что?

– Ведь все знали, что я буду на этом балу. Так?

– Да.

– И ты знала?

– Да.

– Тогда почему не оставила мне ни одного танца?

– Я оставила тебе первый галоп, – ответила Софья. – Чья вина, что ты приехал на бал с опозданием?

Поручик ущипнул её за ягодицу так, что дама ойкнула, и с такой же строгостью сказал:

– Ты должна была оставить мне мазурку, но не оставила. Мне и котильон достался случайно. Кажется, вы меня совсем не любите, мадам Тутышкина. И на исцеление моего разбитого сердца в ваших объятиях мне можно не надеяться.

– Саша, что ты такое говоришь! – прошептала встревоженная Софья.

– Мне нужны доказательства вашей любви, – сказал Ржевский. – И сейчас же.

– Какие доказательства?

– Вы всё прекрасно понимаете, мадам, – уверенно сказал поручик, ведь всей России было известно, что Ржевский всегда намекает на одно и то же.

– Саша, я не могу.

– Софи, ты меня любишь?

Разговор снова прервался. Ржевский вместе с Софьей исполнил ещё одну фигуру котильона, а когда Софья опять села на банкетку, то со стороны могло показаться, что прошло не несколько минут, а много дней, в течение которых красавица успела много раз отдаться любовнику и почти надоест ему. Грудь её снова вздымалась, но теперь от смятения, а взгляд сделался беспокойным, ищущим.

– Так что же, мадам? Жду вашего ответа, – Ржевский оставался всё таким же строгим.

– Доказательства будут после котильона. Я скажу мужу, что мне надо в дамскую комнату, а ты иди в библиотеку. Жди меня там. Я постараюсь незаметно прийти туда вслед за тобой. Жди.

– Софи, я готов ждать тебя всю жизнь... но не более часа.

* * *

Губернаторский дворец не был настолько большим, чтобы заблудиться, но Ржевский, кажется, обошёл все открытые комнаты уже в третий раз, но никак не мог найти библиотеку.

Книгами поручик никогда не увлекался и потому не представлял, где же эту библиотеку искать, чёрт побери. Может, она заперта? Но Софья уверяла, что князь Всеволожский склонен держать свою «сокровищницу» открытой.

Ржевский в очередной раз заглянул в зал, обитый деревом, где ещё недавно шла игра в карты, а сейчас почти никого не осталось. Танцы кончились, да и время давно перевалило за полночь, поэтому гости стали разъезжаться – прощались с четой Всеволожских и отбывали восвояси, так что в игорном зале задержались лишь несколько самых увлечённых господ, которые не обращали ни на кого внимания.

Поручик прошёл от дверей до самого дальнего окна и обратно, снова чертыхнулся про себя и уже собирался выйти, когда столкнулся с девицей, от которой, казалось, давно отвызался. Тасенька!

Поверх бального платья на ней был пуховый платок, прикрывавший горло, и в случае с любой другой особой поручик мысленно посетовал бы, что платком закрывается декольте, но здесь было решительно всё равно.

– Александр Аполлонович! – воскликнула Тасенька. – А я вас искала.

– Зачем это, Таисия Ивановна?

– Боялась, что вы уедете, не простившись со мной.

– Таисия Ивановна, – Ржевский старался говорить мягко, – я, конечно, очень уважаю вашего дядюшку, который пытается устроить вашу судьбу, но я вам ничего не обещал.

– Вы назвали меня Тасенькой, – возразила девица.

– Когда?

– На банкете. Когда мне стало плохо.

Ржевский попытался вспомнить банкет. Может, и назвал...

– Нет, вы что-то напутали, Таисия Ивановна, – твёрдо произнёс поручик. – Я вас так не называл.

– Называли.

– Нет. Если что, можете спросить госпожу Тутышкину, которая сидела рядом и должна была всё слышать.

Тасенька на мгновение задумалась. Наверное, ей, как и всякой девице на выданье, было досадно, что возможный жених от неё ускользает. И она решила выместить досаду на Софье, к которой проявляла неприязнь и раньше – когда говорила, что у Софьи есть постоянный любовник, и что Ржевскому не на что надеяться.

– А вы не находите, Александр Аполлонович, – с расстановкой произнесла Тасенька, – что госпожа Тутышкина очень странная? Зачем она положила солонку в сумочку? Разве солонки принято брать на память? Я, когда это увидела, очень удивилась. Потому и подавилась: ахнула, а кусочек корзиночки поперёк горла встал.

«Ты сама мне уже поперёк горла», – подумал Ржевский. Разговаривать о пустых подозрениях в отношении Софьи ему не хотелось, и потому он решительно сменил тему:

– Не знаете, как пройти в библиотеку?

– В дядюшкину библиотеку? Зачем вам туда? Уже почти час ночи, гости разъезжаются.

Поручик, конечно, не мог назвать истинную причину, поэтому сказал:

– Я ещё в начале вечера хотел проверить, есть ли у вашего дядюшки книга э... – он попытался вспомнить редкого автора, – Лакло де Шодерло.

– Вы имели в виду Шодерло де Лакло? – осторожно спросила Тасенька, как будто извиняясь перед Ржевским, что вынуждена его поправить.

– А он точно не Лакло де Шодерло?

– Про Лакло де Шодерло я не знаю. – Тасенька пожала плечами. – Но если вы ищете Шодерло де Лакло, то у дядюшки, кажется, была такая книга... Правда, это сочинение на французском. Вы же не читаете по-французски.

Ржевский заговорил нарочито непринуждённо:

– Так это не мне, а приятелю моему. Я по его просьбе хотел позаимствовать книжку у вашего дядюшки.

– А почему вы к дядюшке не обратитесь?

Ржевский всё так же напускал на себя непринуждённость:

– Незачем его беспокоить, если книги у него нет. Я хотел сначала пойти в библиотеку, поискать нужное, а дальше, если найду, то обращаться.

– Что ж... – Тасенька плотнее закуталась в платок. – Я могу отвести вас в библиотеку и помочь найти книгу.

– Не утруждайтесь, Таисия Ивановна, – поручик произнёс это как можно любезнее. – Просто покажите, где библиотека.

– Мне совсем не сложно вам помочь, – настаивала девица. – К тому же я хорошо знаю, что за систему дядя в своей библиотеке выстроил, и в которых шкафах что искать.

Ржевский в мыслях опять чертыхнулся, а вслух проговорил:

– Вы очень любезны. – Изображать непринуждённость становилось всё сложнее.

Тасенька меж тем подошла к одной из запертых дверей, которые Ржевский проверил ещё в прошлое посещение игорного зала:

– Здесь не пройти, – сообщила она. – Значит, с другой стороны.

* * *

Тасенька провела поручика через бальный зал, где оставалась едва ли четверть гостей, а затем – ещё через несколько комнат, в которых никого не было, и уверенно приоткрыла некую двустворчатую дверь:

– Проходите, Александр Аполлонович, – громко сказала племянница губернатора. – Дядюшкина сокровищница – здесь.

Ржевский очень надеялся, что Софья ещё не пришла сюда, и что она не появится ещё четверть часа, ведь за это время он наверняка сумел бы что-нибудь придумать и выпроводить настырную Тасеньку, но, увы, Софья уже явилась.

К счастью, красавица была ещё и умницей, поэтому, как только услышала Тасеньку, поспешила спрятаться за спинку широкого кресла, стоявшего в дальнем углу.

Пока племянница губернатора осматривала шкафы со стеклянными дверцами, Софья, сидя на корточках, выглянула из своего укрытия и с недовольной миной уставилась на Ржевского. Будто спрашивала: «Вот для этого я здесь? За креслом сидеть?»

Поручик сделал ей знак, что сейчас всё устроится, но пока не знал, что предпринять.

– Почему-то не могу найти, – пожаловалась Тасенька, открыв один из шкафов и перебирая корешки, большинство которых было из тёмного холста и без всяких надписей.

Поручик молчал. Он изобретал предлог, чтобы отослать прилипчивую девицу, а самому задержаться и при этом быть уверенным, что та не станет караулить под дверью.

– А хотите, я вам книжку подберу? – вдруг спросила Тасенька. – Занятное чтение на русском.

– Я не охотник до чтения, – пробормотал Ржевский.

– Подождите отказываться, – девица с каждым мгновением всё больше воодушевлялась. Она подошла к другому шкафу, открыла его и почти сразу выудила оттуда тоненькую книжку в тёмной обложке. – Вот случайно нашла у дядюшки. Советы для любителей амурных приключений.

Ржевский молчал, продолжая придумывать способ избавления от Тасеньки, а та, не дожидаясь ответа, открыла книжку и прочла титул:

– «Любовные утехы». Издание второе. – Видя, что собеседник не впечатлён, она перевернула несколько страниц и продолжила читать: – Ничего нет труднее и важнее, как избрание любовницы. Надлежит, чтобы оное происходило не по одной склонности, но и по знанию. Спокойствие любовника сильно с тем сопряжено. Надлежит ему знать все качества своей красавицы прежде, чем посвятить себя на её услуги.

Поручик слушал вполуха, но что-то в этих словах всё же зацепило. Подобные выражения Ржевский слышал разве что от стариков, заставших царствование Екатерины.

– Что? А ну-ка дайте, – сказал он, беря у Тасеньки книгу и глядя на титул. – Печатано в Москве 1780 года. Почти полвека назад! А написано и того раньше. Таисия Ивановна, вы полагаете, что наставления не устарели? Этой книгой, наверное, ещё дедушка ваш пользовался.

– Мой дедушка другой книгой пользуется, – ответила Тасенька. – Называется «Любовная школа». Но здесь я её не нашла.

Поведение девицы с каждой минутой становилось всё более опасным. Ржевский снова почувствовал над головой нависающую тяжесть свадебного венца.

– Знаете, Таисия Ивановна, – начал поручик, – если этот Лакло де Шодерло...

– Шодерло де Лакло.

– Да один чёрт! ...В общем, если этот Лакло куда-то задевался, то мы его в следующий раз поищем, а сейчас мне лучше откланяться. Время позднее, час ночи. Вам, Таисия Ивановна, давно пора спать.

Поручик взял Тасеньку под локоть и потащил к выходу, свободной рукой делая знаки Софье, чтобы осталась в библиотеке ждать.

Дойдя вместе с племянницей губернатора до дверей в бальный зал, Ржевский отпустил её, вежливо поклонился и чуть ли не бегом ринулся туда, где стоял князь Всеволожский с супругой. Чета как раз проводила очередного гостя, когда поручик подошёл к ним, чтобы попрощаться по правилам:

– Ещё раз благодарю за приглашение, – с поклоном произнёс он. – Бал во всех отношениях удался. Я, конечно, скромный помещик и не могу при случае оказать вам такой же великолепный приём, но если будете проезжать мимо деревни Горелово, что подо Ржевом, то милости прошу в любое время.

– А вы ещё долго будете в Твери, Александр Аполлонович? – спросил губернатор. – У нас послезавтра небольшой обед для друзей. Милости просим к трём часам.

– Благодарю-с... – поручик опять почувствовал тяжесть нависающего свадебного венца и задумался, нет ли благовидного предлога для отказа, но губернатор повторил ещё раз:

– Милости просим, – да таким тоном, что сразу стало понятно – отказаться никак нельзя.

– Непременно буду. – Ржевский поклонился хозяину дома, приложился к руке хозяйки, но тут увидел, что к нему протянута ещё одна рука. Тасенька!

Судя по всему, девица не удовлетворилась недавним прощанием в дверях. Пока Ржевский говорил с её дядюшкой, она успела сделать круг по залу и пристроиться за спинами губернаторской четы – там же, где и была в начале бала.

Поручик приложился и к этой руке, а затем поспешил к лестнице, как будто за ним кто-то гнался. Торопливо приняв из рук лакея свою шубу, он выскочил на крыльцо и начал оглядывать двор, едва освещённый тусклыми масляными фонарями.

Наконец среди множества карет и саней, вереницей движущихся мимо парадного подъезда, Ржевскому удалось разглядеть свои санки, в которых он и прибыл сюда. Санки были его собственные, не извозчичьи, поэтому поручик кинул в них шубу так, чтобы казалось, будто в санях кто-то сидит, и велел вознице:

– Жди меня за воротами.

Ржевский ещё раз оглянулся, потому что от вездесущей Тасеньки можно было всего ожидать, и поспешил к боковому входу, находившемуся шагах в тридцати от главного.

Так поручик снова проник в здание и добрался до библиотеки.

Глава третья, в которой герой выясняет, что на российский престол взошёл не тот император, которого ждали, и что везде полным-полно заговорщиков

Губернская гостиница, где остановился Ржевский в Твери, была совершенно такой же, как обычно бывают заведения подобного рода: здание в два этажа, тянущееся по краю улицы. Первый этаж кирпичный, а второй – деревянный, со стороны фасада кое-как оштукатуренный и выкрашенный жёлтой краской. В первом этаже помещалась общая обеденная зала с закопчённым потолком, старыми обоями, старой мебелью и почти новым бильярдным столом, представляющим большое искушение для всех, кто склонен к игре на деньги. На втором этаже – длинный коридор с дверями, за которыми располагались комнаты для проезжающих.

Почти каждая комната имела лишь два окна, казалась тесной и ужасно неудобной. Единственное её достоинство состояло в том, что воздух был свеж – не как в обеденной зале, – но в этом же состоял и недостаток, ведь свежесть достигалась за счёт скрытых щелей: в окнах, двери, а иногда и в стенах. В зимнее время в такой комнате весьма прохладно, а если говорить правду, то чертовски холодно. Изразцовая печка в углу не спасает нисколько! Ведь хозяин гостиницы заботится не о том, как обогреть постояльцев, а о том, чтобы они чаще покупали дрова (сверх тех, которые полагаются в счёт оплаты за проживание) или приходили греться вниз и заказывали чай, что опять же служит обогащению хозяина.

– Мошенник! – это было первое слово, произнесённое Ржевским, когда он проснулся и тут же натянул одеяло по самый нос.

– А? Здеся я, барин, – отозвался из своего угла белобрысый Ванька, устроившийся на сундуке. В поездках Ванька исполнял при Ржевском должность и лакея, и кучера, и даже почтового голубя, доставляющего любовные записки в самые неприступные покои, а когда у тебя столько обязанностей, то невольно где-нибудь оплошаешь.

– Да не ты мошенник, а хозяин гостиницы, – проворчал Ржевский. – Совсем заморозил, сволочь.

Ванька в ответ только вздохнул, плотнее закутавшись в тулуп, и уставился в заиндеветые окна, за которыми уже давно рассвело.

Меж тем поручик, употребив всю силу воли, заставил себя откинуть одеяло и сесть на кровати.

– Ванька, одеваться! – велел он, хотя был уже в некотором роде одет: в стёганый халат малинового шёлка, слегка засаленный, а также в старые синие гусарские рейтузы и тёплые носки неопределённого цвета.

Неизвестно, что бы сказали дамы, узрев Ржевского в таком облачении, да ещё и небритым, но в подобном виде он дамам никогда не показывался. Быстро переодевшись, поручик сделался почти таким же, как вчера, когда блистал на балу. А после того, как Ванька принёс с первого этажа тёплую воду, чтобы барин побрился и почистил зубы, Ржевский стал совершенно таким же, как недавно, готовый пленять женские сердца.

Правда, именно сегодня никаких баталий с последующим пленением могло и не случиться. На сегодня был намечен только визит на квартиру к Петру Никодимову, к двенадцати часам. Адрес – на визитной карточке, которую этот господин торопливо вручил Ржевскому в то время, когда князь Всеволожский, поймав поручика в курительной комнате,

вежливо, но настойчиво тащил свою добычу племяннице.

Ничего особенного от визита к Никодимову ждать не приходилось, но Ржевский всё же надеялся выяснить у этого нового знакомого адрес Софьи, чтобы заявиться к Тутышкиным, хоть и не был приглашён.

Конечно, вчера следовало спросить адрес у самой Софьи, но не получилось. Особенно во время свидания в библиотеке, которое, несмотря на назойливость Тасеньки, состоялось. А после свидания Софья в ужасе посмотрела на настенные часы, пробормотала что-то про мужа и вихрем полетела в сторону бального зала, напоследок глянув в стекло книжного шкафа, как в зеркало, а на Ржевского даже не оглянулась. Когда тут спрашивать адрес?!

Вспоминая вчерашнее, поручик спустился в обеденный зал по лестнице, которая своим скрипом оповещала хозяина гостиницы, стоявшего за прилавком в том же зале, что приближается новый источник обогащения. Однако в своих ожиданиях хозяин обманулся. «Господин офицер» не имел намерения заказывать ни водку, ни вино и вообще как-либо опохмеляться: спросил только чаю с сахаром и пирог с капустой, а затем расположился за одним из угловых столов так, будто собирался скоротать час-полтора, то есть сидеть долго и ничего более не заказывать.

Перед тем, как сесть за стол, Ржевский глянул на стену, где висел домик с кукушкой. Стрелки на потрескавшемся циферблате показывали время самое паршивое – слишком рано, чтобы отправляться куда-либо с визитом, но слишком поздно, чтобы предпринимать прогулку по городу, если в полдень намечен визит. Значит, предстояло просидеть за чаем довольно долго, предаваясь воспоминаниям и размышлениям.

Почти сразу, как половой принёс поручику дымящийся чайник, сахар на блюдечке, пирог на тарелке, вторую тарелку, приборы и две чашки, к столу подсел Ванька, громко шмыгнув носом и сглотнул слюну. Ржевский великодушно отрезал от пирога половину и подвинул ножом в сторону слуги, а Ванька не заставил себя упрашивать. Схватил отрезанное, переложил в свободную тарелку и сосредоточенно принялся отламывать кусок за куском, отправляя в рот. Самому поручику есть пока не хотелось, как и пить, поэтому он молча наблюдал за слугой и за несколькими незнакомыми господами, находящимися сейчас в зале.

– А я тут видел, как важный чин приехал, – не прекращая жевание, сообщил Ванька. – Я комнату запираю и вижу, как в соседнюю дверь вносят чемоданы и сундук. Чемоданы хорошие такие и сундук добротный. Да и комната там побольше нашей. «Кто ж приехал?» – спрашиваю. А мне: «Не твоего ума дело». Ну, я сразу подумал, что постоялец важный. Спросил сейчас полового: «Кто ж приехал?» А половой и говорит: «Чиновник. Из самого Петербурга! С секретным предписанием». Вона как, барин! Вот с кем мы теперь соседствуем.

– Да нам-то что за дело, – пробормотал Ржевский. – Предписание это до нас не касается.

* * *

Расписные санки, запряжённые серым в яблоках рысаком, мчались по невысокому, почти пологому берегу Волги, совершенно заметённому снегом. Берег этот именовался набережной, хотя домов здесь было совсем мало и большинство из них – деревянные избы в три окна.

Санки, направляемые Ванькой, подъехали к одному из немногих больших строений –

двухэтажному зелёному дому с колоннадой по фасаду, смотревшему в сторону реки, – и остановились у кованых ворот.

– Эй, борода! Открывай! – крикнул Ванька дворнику, который неторопливо подметал снег перед домом. – К твоему барину гость приехал.

– Какому барину? – спросил дворник, глянув на санки и продолжая своё дело.

– Как «какому»? К Никодимову, – ответил Ванька.

– Нет у меня барина, – возразил дворник. – Есть барыня. А Никодимов у неё комнаты снимает. И он мне не барин.

– Всё равно открывай! А то барыне твоей пожалуемся! – крикнул Ванька.

– А барыни дома нету, так что не пожалуетесь, – пробурчал дворник, но ворота открыл.

Ржевский, кутаясь в шубу, проворно поднялся из санок и взбежал на крыльцо, однако пришлось громко и довольно долго стучать прежде, чем поручика впустили в дом.

Дверь открыл какой-то старый лакей с большими седыми бакенбардами, каждая из которых была, как борода.

– К Никодимову. Ржевский Александр Аполлонович, – коротко произнёс поручик, кинув на руки лакею свою шубу, но пока этот слуга ходил докладывать, пришлось постоять в просторной передней, где паркет устлан толстыми коврами, а подоконники уставлены геранью.

Затем настало время подняться – по широкой, поскрипывающей деревянной лестнице – на второй этаж, но и там не сразу состоялась встреча. Другой лакей, молодой и, судя по всему, служивший самому Никодимову, а не хозяйке дома, проводил Ржевского в кабинет и оставил одного:

– Барин сейчас будет.

При виде обстановки кабинета поручик опять, как вчера на балу, испытал смущение, которое чувствует провинциал перед столичными франтами. У Ржевского, как у всякого помещика, в усадьбе имелась комната, которую он звал кабинетом, но... окончание этой мысли казалось проще выразить тяжёлым вздохом, чем словами. Мебель в том «кабинете» была старая и разномастная: стол из одного гарнитура, шкаф – из другого, и не нашлось бы даже пары одинаковых стульев – все разные. Ковры погрызены мышами и потёрты, картины на стенах – бумажные, засиженные мухами, а потолок – давно не белый, что-то среднее между серым и жёлтым.

Правда, если не иметь перед глазами других примеров, то кабинет Ржевского казался уютным в том смысле, как слово «уют» понимают убеждённые холостяки: каждая вещь находилась на месте, порой странном, но строго определённом. К примеру, курительная трубка, воткнутая в рот кабаньей головы, висящей на стене, и кисет с табаком, повешенный рядом с трубкой – на клыке того же кабана. А ещё – гитара, томно лежащая в углу дивана, на которой Ржевский давно дал себе слово выучиться играть, но находил время лишь раз в месяц, в минуты особой скуки. Наконец, с краю стола валялась колода карт, которую поручик использовал для «гадания»: перетасовывал, раскрывал веером – разумеется, рубашкой к себе – а затем наугад вытаскивал червовую даму, и почти всегда удачно. Гости, видевшие этот фокус, полагали, что колода краплёная, но Ржевский при таких словах делал обиженное лицо.

В остальном «кабинет» поручика был самым обычным, и даже дворовая девка Полуша, всегда с особой тщательностью вытиравшая там пыль, не могла сделать его лучше. Иное дело – кабинет Никодимова! Даже если бы там не вытирали пыль полгода, это место и тогда не

потеряло бы своего блеска.

Все кресла одинаковые. Куда ни посмотри – подлокотник в виде лебедя с выгнутой шеей. Диван – такой же. И на ножке маленького круглого столика в углу – те же длинношеие птицы. Даже большой письменный стол, как оказалось, имел пятую ногу по центру, которую подпирали такие же лебеди.

Помнится, в Париже Ржевский видел похожий гарнитур, но не с лебедями, а с ангелочками. И изделия из белого мрамора тоже казались как будто знакомыми: бюст некоего господина в парике, стоящий на высокой подставке возле окна, и голова безбородого старика с ехидной улыбкой, стоящая на письменном столе.

Рядом с головой лежала довольно большая стопка журналов, очевидно, вышедших в Петербурге. Бронзовое пресс-папье, которым была придавлена стопка, всё же не скрывало надписи на обложке самого верхнего – «Полярная звезда», но Ржевскому это название ровным счётом ничего не говорило.

– Интересуешься? – раздался голос Никодимова.

Значит, дверные петли в этом доме смазывались хорошо, если поручик не слышал, как скрипнули двери в спальню. Хозяин кабинета, на этот раз в бордовом фраке, вышел из спальни и двинулся навстречу гостю.

– Прости, что заставил ждать, – продолжал Никодимов, проходя к письменному столу и протягивая Ржевскому руку для пожатия. – Я за делами совсем позабыл, что с утра остался в домашнем халате. А тут Прошка докладывает, что ты здесь. Пришлось бежать переодеваться. Не так уж близко мы знакомы, чтобы мне принимать тебя по-домашнему.

– Пустяки, – ответил Ржевский, улыбаясь. Он помнил, что собирался выведать здесь адрес Софьи, но начинать разговор с этого не следовало. А о чём же говорить? Кажется, вчера Никодимов обещал рассказать петербургские новости. Вот и пусть болтает.

– Как дела в Петербурге? – непринуждённо спросил поручик.

– В Петербурге... – немного растерянно повторил Никодимов, жестом приглашая гостя присесть на диван и садясь рядом. – Такие события! Даже не знаю, с чего начать.

– Начни с главного, – ответил Ржевский.

– С главного? – ещё более растерянно произнёс Никодимов. – Ах, Александр, тут новости такого свойства... – Он замолчал.

Поручик понимал, что разговор не складывается, но нельзя было уехать, не спросив о Софье, а о ней следовало спрашивать не сразу. Так что пришлось решиться на авантюру и заговорить о том, о чём собеседник охотно рассуждал вчера, но поддерживать подобную тему Ржевскому всегда было трудно:

– А как дела на литературном фронте? – Поручик невольно посмотрел в сторону письменного стола, пытаясь вспомнить название только что виденного журнала. – Напечатали что-нибудь, достойное внимания?

– О! Понимаю, о чём ты, – сразу оживился Никодимов. – Ведь издатели «Полярной звезды» обещали снова порадовать публику в декабре, но увы.

– Что же помешало? – спросил Ржевский.

Никодимов опять взглянул на него растерянно, а затем собрался с духом и произнёс почти по слогам:

– Междуцарствие.

– Что? – не понял Ржевский.

– Дружище, – торопливо продолжал хозяин кабинета, – я приехал с этой новостью в

Тверь, но говорю тебе первому.

Поручик насторожился, а Никодимов спросил:

– Как давно здесь узнали, что государь Александр Павлович скончался?

– Кажется, ещё в начале декабря.

Помнится, Ржевский, узнав о смерти императора, подумал: не попроситься ли снова на службу. Туманную историю с прошением об отставке, которое поручик не подписывал, при новом императоре не стали бы вспоминать. Однако, судя по выражению лица Никодимова, на пути к возвращению в армию могло возникнуть препятствие.

– Никто в Твери ещё не знает, – сказал Никодимов страшным шёпотом, – что Константин Павлович, которому все здесь уже, конечно, присягнули, не захотел принять престола.

– А кто же станет государем? – ещё больше насторожился поручик.

– Возможно, не будет никакого государя.

– А кто же будет?

– Диктаторы – четверо или пятеро достойных людей. Они возьмут в свои руки управление государством до того, как соберётся учредительное собрание, которое решит дальнейшую судьбу России.

Ржевский вдруг отчего-то заподозрил, что его вовлекают в заговор против монархии. Однако уверенности не было, ведь заговорщики не ездят на балы и не обсуждают своих намерений с первым встречным. Они собираются в тесный круг избранных, сидят в комнате с занавешенными окнами и обсуждают коварные планы.

– Экая фантазия! – воскликнул поручик. – Полагаю, что идею с диктаторами не позволит осуществить армия.

– В войсках – брожения, – многозначительно произнёс Никодимов. – Поэтому всё возможно.

Они говорили ещё некоторое время, как вдруг в кабинет вошёл лакей Прошка и доложил:

– Пётр Петрович, к вам жандармы пришли. Просят принять.

Никодимов вскочил с дивана, с каждым мгновением всё больше бледнея.

– Какие ещё жандармы?

– Офицер с солдатами, – ответил Прошка.

– Скажи им, что я не принимаю!

Прошка хотел было уйти, но затем, вспомнив о чём-то, замялся:

– Господин офицер просили передать, что никуда не уйдут и будут ожидать, ежели барин принять не захочет.

– Тогда пусть подождут, – срывающимся голосом велел Никодимов. – У меня посетитель.

Однако, как только лакей удалился, Никодимов уже не обращал на посетителя внимание. Хозяин кабинета кинулся к ящикам шкафа, отпер их, сгрёб в охапку часть бумаг, которые там были, побежал к изразцовой печи в углу, открыл дверцу и сунул внутрь всю кипу столь торопливо, что часть листов осталась лежать на металлическом подносе под дверцей.

Ржевскому опять отчего-то подумалось, что Никодимов – враг монархии. Но мало ли зачем нужно жечь личный архив! А может, это переписка с дамами, которую жандармам лучше не читать.

Сидя на диване, поручик молча наблюдал, как Никодимов выгреб из ящиков новую кучу бумаг и снова бежит к печке. Добра, которое требовалось сжечь, оказалось много, а зев был узкий, так что даже первая порция никак не желала пролезать, а вторая и подавно. Но Никодимов, казалось, этого не замечал. Он метнулся к столу, и на этот раз пришла очередь петербургских журналов, лежавших под пресс-папье. Сложив их трубкой, хозяин кабинета несколько раз ткнул ими в кучу бумаг, застрявших в печном зеве, как тараном в ворота, надеясь наконец пропихнуть всё внутрь печи.

– Пётр, да вот же кочерга рядом, – заботливо подсказал поручик.

Больше он ничего сказать не успел. Двери в спальню, из которых не так давно Никодимов выходил навстречу гостю, резко открылись. На пороге появился незнакомый господин в распахнутой шубе, под которой виднелся тёмно-зелёный мундир.

– Ага! – победно воскликнул незнакомец, коршуном нависая над Никодимовым, стоявшим на коленях возле печки. – Так я и думал! Уничтожение компрометирующих бумаг!

Он протянул руку и почти без труда вытащил из печи всё, что хозяин кабинета надеялся сжечь. Бумаги почти не пострадали – лишь края некоторых листов свернулись и почернели.

В следующее мгновение открылись другие двери, через которые входил в кабинет Ржевский, и в них появился Прошка, а за ним, проталкивая его вперёд, – усатый офицер в светло-синем мундире и рейтузах с жёлтыми лампасами. Ещё несколько рядовых в таких же светло-синих мундирах толпились позади.

– Что всё это значит? – с нарочитым возмущением спросил Никодимов. – Почему вы врываетесь? – последний из двух вопросов был обращён к усатому офицеру. – А вы как здесь оказались? – это уже относилось к грозному господину в зелёном мундире. – Прошли через чёрный ход?

– Барин, это не я пустил! Христом Богом клянусь! – завопил Прошка, услышав о чёрном ходе.

Незнакомец в зелёном мундире начал по-хозяйски осматривать кабинет.

– Вы, господин Никодимов, полностью себя выдали, – проговорил он. – Я нарочно послал жандармов с главного входа, чтобы посмотреть, как вы примете новость об их приходе. А сам проник с чёрного хода...

Ржевский, устав быть немым свидетелем, вскочил с дивана:

– Господа, прошу вас: объясните, что здесь происходит.

– Здесь происходит арест, – ответил незнакомец в зелёном мундире.

– А кто арестован? И за что?

– Арестован господин Никодимов как возможный участник заговора против государя императора Николая Павловича.

«Значит, всё-таки заговорщик, – удивился Ржевский. – Не может быть!» Однако не только это озадачивало.

– А почему Николая Павловича? – спросил поручик. – Почему не Константина Павловича?

– Вас это интересует? – осведомился незнакомец.

Ржевский задумался и понял, что его на самом деле весьма мало заботит, кто из младших братьев покойного государя Александра Павловича в итоге воссел на трон.

– Нет, я, по правде говоря, просто так спросил.

– Это хорошо. – Незнакомец улыбнулся. – А то в Петербурге заговорщики, которые стояли на Сенатской площади [\[2\]](#), действительно вопрошали: «Почему не Константин?»

Почему не Константин?» – Незнакомец в зелёном мундире как будто спохватился и оборвал сам себя: – Короче говоря, междуцарствию конец. В Петербурге все уже присягнули.

«Значит, прошение о возвращении в армию надо слать на имя Николая», – подумал Ржевский.

– А вы, кстати, кто такой? – взгляд незнакомца сделался очень цепким.

Поручик назвалса и коротко поклонился – с достоинством и без подобострастия.

– Тот самый Ржевский? – у незнакомца даже брови слегка приподнялись.

– Да-с. Тот самый. А с кем я имею честь говорить?

Ответ прозвучал, будто через силу:

– Тайницкий Иван Иванович.

– Служите в Министерстве внутренних дел? – спросил поручик, приглядываясь к зелёному мундиру.

– Именно, – всё так же нехотя ответил чиновник, но должность свою не назвал, а затем добавил, будто желая сменить тему: – Вы пока не арестованы, но всё же мы с вами обстоятельно побеседуем. Ржевский-бунтовщик – это был бы скверный анекдот.

После этого Тайницкий уже не обращал внимания на поручика, продолжая осматривать обстановку.

– Та-а-ак! – произнёс он, глядя на мраморный бюст господина в парике. – Руссо собственной персоной. А это кто у нас? – Он посмотрел на голову ехидного безбородого старика на столе. – Вольтер! Неплохая компания вольнодумцев здесь собралась.

«Так вот это кто!» – подумал Ржевский. А голову ехидного старика он, кажется, видел ещё и в библиотеке губернатора, за стеклом одного из шкафов.

Наконец Тайницкий повернулся к офицеру в светло-синем мундире:

– Алексей Алексеевич, бери-ка этого Никодимова и в камеру. Все бумаги, что здесь есть, собери и ко мне в кабинет.

И тут до Ржевского дошло: «Если Никодимова сейчас арестуют и увезут, то у кого же узнать адрес Софьи?!» Больше никаких знакомых, у которых можно спросить, где живут Тутышкины, у поручика не было. Не считая губернатора. Но губернатор, стремившийся пристроить Тасеньку, а не потворствовать амурным похождениям Ржевского, вряд ли стал бы отвечать.

Оставалась слабая надежда выведать адрес, пока Никодимова не заперли. Можно было спросить что-то вроде: «Пётр, не хочешь ли передать что-нибудь знакомым в городе? Например, Тутышкиным».

Однако на Никодимова уже накинута шуба и выводили прочь, окружённого жандармами. Ни словом не перекинуться!

– Иван Иванович, – обратился Ржевский к Тайницкому. – А может, не будем откладывать беседу, которую вы намеревались со мной провести? Я в Твери всего на несколько дней и остановился в гостинице, а хозяин – такой мошенник! Дерёт втридорога! Поэтому, если я чист перед законом, то не хотел бы задерживаться в городе. Готов хоть сейчас ехать в полицейскую часть – ведь кабинет у вас там? – и ответить на ваши вопросы. Мне скрывать нечего.

– В самом деле, – отозвался Тайницкий. – Нечего с этим тянуть. Вы едете с нами.

Теперь Ржевский получил предлог, чтобы пойти следом за Никодимовым. Однако опять опоздал: слишком долго забирал свою шубу у лакея, а в это время арестованный уже уселся в большие сани Тайницкого. И вокруг опять стояли жандармы – не подберёшься.

Теперь оставалась лишь одна надежда – что удастся перекинуться парой слов при входе в полицейскую часть. Ржевский сел в свои санки и ждал, когда все отправятся в дорогу. К новым сюрпризам он не готовился, но стоило Тайницкому появиться на крыльце, как Ванька, слуга поручика, вдруг встрепенулся:

– Барин, – обернулся он к Ржевскому, – так это же тот самый чиновник из гостиницы.

– Какой чиновник?

– Ну, который из Петербурга с секретным предписанием.

«Теперь оно до меня тоже касается», – подумал поручик.

* * *

Какой же русский не любит быстрой езды! Но если едет он туда, где не надеется приятно провести время (например, в гости к скупому дядюшке или в полицейскую часть на допрос), то быстрая езда совсем не радует. Вот и Ржевский, следуя в своих санках за санями Тайницкого и конными жандармами, желал, чтобы лошади бежали помедленнее, и тогда удобнее стало бы смотреть по сторонам.

Улицы Твери были всё так же заснежены, но не пусты. Празднично одетый народ шатался по городу, толпился на ярмарке, катался с ледяной горки, кидался снежками, смотрел на театр Петрушки и на пляшущего медведя, сам плясал под балалайку, пел, ел пироги, покупаемые у разносчиков, – в общем, гулял.

Среди пёстрой толпы, конечно, выделялись женские лица. Щёки красавиц в платках алели, как спелые яблоки. Щёки красавиц в шляпках были гораздо бледнее, но зато глаза сияли, как звёзды. Ржевский даже пожалел, что всё утро просидел в гостинице, а не отправился побродить по городу хотя бы полчаса. Однако эти мысли улетучились, когда впереди на краю площади замаячила полицейская часть – здание с высокой смотровой вышкой ^[3]. Поручик понял, что переговорить с Никодимовым удастся, только если прибыть на место раньше всех остальных Ванька, погоняй, – велел Ржевский своему слуге. – Вон крыльцо. Мы должны быть там первыми.

Чистокровный рысак, запряжённый в санки поручика, был только рад потягаться в скорости с другими лошадьми, однако триумф оказался недолгим. Когда санки Ржевского остановились у парадного входа в здание, Тайницкий и жандармы, будто издеваясь, проехали через ворота, расположенные слева от главного фасада, во двор и остановились у заднего крыльца. Ржевский прибыл туда последним.

– Как же вы торопитесь, – заметил ему Тайницкий, вылезая из саней и делая знак жандармам, чтобы побыстрее спешили и окружили Никодимова.

– Спешу-с выполнить долг гражданина, – ответил поручик, как будто полушутя, но Никодимов вдруг посмотрел на него с разочарованием и презрением. «Эх ты! – говорил этот взгляд. – А я успел подумать, что мы можем быть друзьями».

Гордо вскинув голову, арестованный проследовал в здание вместе со своим конвоем, а затем Тайницкий пригласил туда же Ржевского:

– Пойдёмте, поручик. Постараюсь вас не задерживать.

«То есть не арестовывать? Или я не понял?» – подумал Ржевский. Он никогда не считал себя вольнодумцем, но ему вдруг сделалось не по себе. Из всего этого вправду мог получиться скверный анекдот.

* * *

После того, как Ржевский поднялся по лестнице чёрного хода и оказался внутри здания, всё вокруг предстало в мрачном свете. Коридор показался очень тёмным и грязным. Под ногами хрустел какой-то мусор, и даже тогда, когда поручик вслед за Тайницким вышел из узенькой дверки в вестибюль и ступил на парадную лестницу, то заметил лишь то, что она была не слишком светлая и вся затоптанная мокрыми от талого снега сапогами.

Следы продолжались и в коридорчике на втором этаже. А ещё поручик заметил, что на стенах, покрашенных масляной краской, цвет которой сложно было с уверенностью определить, виднелись следы спин, как будто каждый, кто сюда приходил, считал своим долгом потереться о стену.

Наконец добрались до кабинета, выкрашенного в точно такой же неопределённый цвет. А впрочем, подсказку об изначальном цвете краски давал бледно-голубой вертикальный прямоугольник на том месте, где раньше висела картина, теперь оказавшаяся снятой и стоявшая лицом к стене. Судя по форме картины, это был портрет – официальное изображение покойного государя Александра Павловича. Портрет нового государя, который следовало бы поместить на освободившееся место, оказалось неоткуда взять.

Тайницкий предложил Ржевскому стул, а сам, сняв шубу и повесив её на крючок возле двери, уселся за столом, почти не занятом бумагами, положил руки на зелёное сукно, покрывавшее столешницу, и сцепил пальцы.

– Ну-с, господин Ржевский, рассказывайте.

– Что именно?

– Как давно вы знаете господина Никодимова? Где и при каких обстоятельствах познакомились?

– Познакомились вчера вечером на балу у губернатора. Так что я имею честь знать господина Никодимова меньше суток.

При словах «имею честь» чиновник пристально воззрился на поручика.

– То есть не имею чести знать, – поправился Ржевский. – Ведь знакомство с заговорщиком – не честь. Получается, не имею чести знать... То есть знать-то я его знаю, но не имею чести... То есть я честь имею, а вот заговорщики и бунтовщики её лишены... Чёрт побери, Иван Иванович! – Поручик под взглядом собеседника никак не мог устроиться на стуле и уже готов был вскочить. – Что вы на меня так смотрите?! Я честный гражданин и верноподданный!

– Вы не пояснили, как именно познакомились, – спокойно заметил Тайницкий. – Почему Никодимов пригласил вас к себе?

Ржевский принялся вспоминать события вчерашнего вечера:

– Я сам толком не понял. Мы говорили о русской словесности: про сочинение одного господина со смешной фамилией.

– Смешной фамилией?

– Да, очень смешной, но саму фамилию я не помню.

– А что за сочинение?

– Не помню название. Что-то про дворянина, который слишком много думает и из-за этого упускает красивую девушку. Софья её звали.

– «Горе от ума»?

– Вот-вот!

– Его автор – Грибоедов. Вы находите его фамилию смешной?

– Да.

– Чем же она смешна?

– Да я не помню. Как услышал в первый раз, подумал: «Вот смешная фамилия». А почему я так подумал, не помню. – Ржевский почувствовал, что успокаивается и уже не кажется себе загнанным зайцем.

– И Никодимову так понравилось обсуждать с вами сочинение, которое вы явно не читали, что он позвал вас в гости? – с подозрением спросил Тайницкий, но поручик уже не смущался. Он всегда обретал уверенность, когда переставал задумываться и говорил первое, что придёт в голову.

– Не только в этом дело. Я притворился, что мы знакомы давно: спросил его, не виделись ли мы много лет назад на одном из вечеров у великой княгини Екатерины Павловны.

Чиновник как будто начал верить.

– А о чём ещё говорили?

– Я рассказал о себе. Даже упомянул, что род Ржевских идёт от самого Рюрика! Это на всех производит впечатление.

– Я бы на вашем месте этим не хвастался в нынешнее время, – холодно произнёс Тайницкий.

– Отчего же не хвастаться?

– Подумают, что вы имеете виды на императорский трон, раз причисляете себя к Рюриковичам, которые правили Россией до Романовых.

Ржевский аж подпрыгнул на стуле:

– У меня и в мыслях не было! Я верноподданный! Уж не хотите ли вы сказать, что из-за моего происхождения заговорщики могли иметь на меня виды?

– Не исключаю, – кивнул Тайницкий, – и вы правильно говорите, что Никодимов – не единственный заговорщик. Есть много других.

Во внимательном взгляде чиновника и сцепленных пальцев поручику почудилось что-то зловещее, а Тайницкий продолжал спрашивать:

– О чём вы говорили с Никодимовым сегодня, в гостях?

Ржевский попытался вспомнить, о чём шла речь до того, как лакей Прошка доложил о приходе жандармов. Как Никодимов сообщил о брожении в войсках, поручик помнил. А вот дальше...

– По правде говоря, я не вполне понял, – признался Ржевский. – Поначалу всё это казалось мне просто фантазией, как у литераторов. Я думал, что Никодимов мне своё сочинение пересказывает. Эдакую притчу или что-то вроде памфлета на покойного государя Александра Павловича.

– Что за памфлет?

– Что-то вроде «Путешествие блошиного пастыря из Петербурга в Киев и обратно».

– Блошиного пастыря?

– Ну, может, муравьиного пастыря.

– Это случайно не Муравьёв-Апостол? Матвей Муравьёв-Апостол.

– Вот-вот! Апостол муравьёв! И этот апостол всё ездил туда-сюда, туда-сюда...

– А зачем ездил?

– А затем, что некие дворяне создали два тайных общества. Одно на юге России, другое – на севере.

– Одно в Киеве, другое – в Петербурге? – продолжал подсказывать Тайницкий.

– Да-да. – Ржевский благодарно кивнул. – А муравьиный апостол нужен был, чтобы они связь держали меж собой.

– И что же за цель была у этих обществ?

– Да не было у них никакой особой цели. Они согласились только в том, что не будут брать пример с Франции, потому что там восставала чернь, а они – дворяне, люди галантные.

– Подробнее, пожалуйста. Они хотели восстать против самодержавной монархии?

– Кажется, да. Но поднимать восстание хотели галантно.

– Так-так, продолжайте.

– Они никак не могли договориться, галантно ли – убивать императора. Южное общество говорило, что это вполне галантно. А северное – что это варварство. В итоге решили ждать, пока государь сам умрёт, и тогда начинать восстание. Но обществ-то два! А значит, надо было решить, кто же первый восстанет. И договорились, что это будет зависеть от того, где император умрёт: на юге или на севере. Если на юге, то южное общество первое восстаёт. А если на севере – то северное.

– Очень интересно, – сказал Тайницкий, но по голосу нельзя было понять, интересно ему или нет.

– И вот умирает Александр Павлович на юге, – продолжал Ржевский, – а южное общество ничего не делает. Приезжает посланец от северного общества: «Что ж вы такие-сякие не поднимаете восстание?» А южное общество отвечает: «Мы люди галантные, поэтому только после вас».

– И что дальше?

– И тогда начали к восстанию готовиться в Петербурге, но чем закончилось, Никодимов не знал, потому что уехал. Собирался ждать новостей здесь, в Твери, а после... Он это рассказать не успел: жандармы явились.

– И когда же вы поняли, что слова господина Никодимова – не вымысел? – строго спросил чиновник.

– Ну-у, – протянул поручик, – когда жандармы явились, тут-то я и начал подозревать.

– Хорошо, – произнёс Тайницкий, однако, судя по выражению его лица, эта беседа для Ржевского имела не слишком хороший исход. – Не вижу оснований подозревать вас в государственной измене, однако в городе вам придётся задержаться.

– Надолго?

– Пока идёт следствие.

Ржевский вздохнул. Конечно, ему и самому хотелось остаться в городе подольше, чтобы видеться с Софьей, но одолженная князем Всеволожским сумма не позволила бы прожить в Твери даже месяц. И что делать? Снова просить займы? А просить в качестве кого? Жениха Тасеньки?

«Фортунушка, голубушка моя, что-то я тебя не пойму», – думал поручик, выходя из кабинета Тайницкого.

* * *

Ржевский медленно спускался по лестнице, когда его окликнул тот самый усатый офицер жандармов, который помогал арестовывать Никодимова.

– Господин Ржевский, постойте.

Поручик, как раз успев дойти до площадки между двумя пролётами, остановился.

– Мариупольский полк, не так ли? – спросил жандармский офицер, торопливо спускаясь следом.

Ржевский не без гордости оправил свой тёмно-синий гусарский мундир:

– Верно.

– А не встречались ли мы случайно при Бородине?

«Позвольте! – подумал Ржевский. – Вопрос про Бородино – моё изобретение! И чего этот господин хочет со мной познакомиться, да ещё моим способом?»

Поручик молчал, в недоумении воззрившись на собеседника, а тот остановился напротив и, одёрнув свой светло-синий мундир, произнёс:

– Раньше на мне была совсем другая форма: серо-красная. Сумский гусарский полк. При Бородино вместе с вами, мариупольцами, отгоняли француза от Багратионовых флешей ^{4}.

Ржевский без труда вспомнил тот день. Вот французская кавалерия, издали сверкая начищенными кирасами, скачет во весь опор на позиции Багратиона. Слышна пальба пушек и ружей, но кавалерию этим не остановить. Тогда раздаётся приказ генерала Дорохова, и навстречу неприятелю – в просвет между полками русской пехоты, пока находящимися в резерве, – мчатся гусары.

Жандармский офицер продолжал:

– Помнишь приказ Дорохова? «Эй, гусары, дайте...»

– «...врагам жару!» – договорил Ржевский, уже совсем по-другому глядя на собеседника, ведь бывших гусар не бывает. – Так значит, Сумский полк?

– Да.

– А как же тебя зовут, братец?

Собеседник отрекомендовался:

– Шмелин Алексей Алексеевич. Я с некоторых пор – начальник жандармской команды в здешнем городе. Так что не знаю, могу ли теперь причислять себя к гусарскому братству.

– Конечно, можешь! – воскликнул Ржевский. – Бывших гусар не бывает. Руку! – И сам первый протянул руку для пожатия.

Шмелин, улыбнувшись, сделал то же самое. Новые знакомые чинно поздоровались, а затем со смехом начали обниматься.

– Отметим встречу? – спросил Шмелин. – Приглашаю на обед у меня на квартире.

– Охотно отобедаю, – отозвался Ржевский, хоть и понимал, что для этого нужно отправиться из полицейской части в казармы местного гарнизона, ведь конные жандармы относились не к полиции, а к военному ведомству и использовались губернскими властями по мере надобности. Вот уж получился променада по городу! Сначала в полицию, затем – в казармы. А дальше куда? В острог? Но в Твери, кажется, не было острога.

Ржевский и Шмелин торопливо вышли на улицу всё так же с чёрного хода. Из всех конных жандармов во дворе остался только один рядовой, который подвёл начальнику коня. Остальная команда куда-то делась. «Значит, Шмелин отпустил своих, а сам тут ждал, пока меня допросят, – подумал Ржевский. – Надо же, как хотел познакомиться!»

Шмелин вдруг начал принюхиваться.

– Та-а-ак... – сказал он, хлопая рядового по полушубку там и сям, будто выискивая что-то.

– Ваше благородие, я... – фраза оборвалась, поскольку Шмелин стащил с рядового кивер ^{5} и выудил оттуда фляжку:

– Та-а-ак!

– Ваше благородие, я только для сугреву!

– Для сугреву он, – передразнил Шмелин, отхлебнув из фляжки и предлагая её Ржевскому.

Тот отказываться не стал, а его новый знакомый вдобавок обнаружил в кивере пирожок, завёрнутый в тряпицу, и разломил пополам, также угощая Ржевского.

– Вот что паршивцы делают! – заметил Шмелин, откусывая от своей части пирожка и нахлобучивая кивер обратно рядовому на голову.

Ржевский меж тем сделал знак Ваньке, чтобы подъехал ближе.

– Понапихают всякое, будто в котомку, – не унимался Шмелин. – Минувшим летом прямо на смотре нашли у одного рядового в кивере бублик, три яблока и живого цыплёнка! Гауптвахтой отделался.

– У нас в полку тоже случай был, – ответил Ржевский. – На смотре обнаружили у рядового в кивере тряпичный свёрток с запахом свиного сала. Но сала там не оказалось – одна тряпка. Долго спорили, но решили за запах сала на гауптвахту не сажать. Вот если б водкой пахло...

Собеседник хмыкнул.

– А за что тебя из гусаров в жандармы перевели? – спросил Ржевский.

– Дуэль.

– Из-за женщины?

– Разумеется! Вот такое своеобразное для меня наказание. Теперь, среди прочего, в мои обязанности входит и дуэлянтов ловить. Я сначала, как узнал, хотел в отставку подать, но её не приняли. Или, говорят, переводись в во внутреннюю стражу, то есть в жандармы, или под суд за дуэль.

* * *

Тверской гарнизон расположился в городе совершенно так же, как обычно располагаются гарнизоны в губернских городах. Большое пространство на окраине Твери было кое-как огорожено дощатым забором, через который при известной ловкости всякий мог перелезть. Часовой возле шлагбаума не спал, но отдавал честь всем проезжающим начальникам с таким безразличием, что казалось, вздумай появиться в гарнизоне сам Наполеон – часовой и ему отдал бы честь, ничуть не удивившись, даже если бы знал, что Наполеон уже несколько лет как скончался.

За забором тянулись огромные ровные поля, то есть плацы, и на этих просторах почти терялись гарнизонные постройки: казармы, конюшня, кухня, лазарет и прочее. Все они походили друг на друга – длинные одноэтажные деревянные дома.

В таком же доме находилась квартира Шмелина, состоявшая, как и положено, из двух комнат с бревенчатыми стенами. Но что это были за комнаты! Если в гостях у Никодимова Ржевский испытал смущение перед столичным блеском, то здесь – щемящую тоску по оставленной военной службе.

К примеру, о былом напоминал тёмный персидский ковёр на стене, на котором была развешана целая коллекция курительных трубок. Свечи в бронзовом подсвечнике на столе совсем оплыли, а это почти наверняка означало, что минувшая ночь прошла по-гусарски – почти без сна. На полу валялось несколько игральных карт и среди них – червовая дама, которой Ржевский чуть заметно поклонился, будто старой знакомой. А ещё он увидел белый женский чулочек, выглядывающий из-под стула, где лежала внавалку разная одежда хозяина

квартиры. Ах, офицерская жизнь!

– Та-а-ак... – меж тем проговорил Шмелин и вернулся в первую, проходную комнату – в тот её угол, где располагалась постель денщика. – Та-а-ак, – повторил Шмелин и вытащил из-под кровати бутылку водки.

«Да у него на водку нюх!» – с завистью подумал Ржевский.

– Семён! – крикнул Шмелин.

Явился денщик.

– Семён, подавай обед! На двоих, – распорядился Шмелин, а денщик, грустно покосившись на бутылку в руках начальства, бодро ответил:

– Слушаюсь, ваше благородие.

Ржевский еле слышно кашлянул.

– Там, у крыльца, – добавил Шмелин, – санки, запряжённые рысаком. Рысака покорми. И человека в санках покорми.

...А через некоторое время, весьма скоро, Ржевский вместе с хозяином квартиры уже сидели за столом и поглощали нехитрый обед, составленный из блюд с гарнизонной кухни. Запивали, конечно, водкой, изъятая у Семёна.

– Горазд пить русский солдат! – жаловался Шмелин, в очередной раз наливая себе и новому знакомому. – Водка у них везде. Только успевай отбирать. Сопьюсь я с ними к чёрту, если так дальше пойдёт.

– Не хочешь пить – выливай, – предложил Ржевский, выливая очередную рюмку в себя.

– Не-е-т! Так и до бунта недалеко, – ответил Шмелин. – Когда я сам выпиваю, они злятся, но терпят. А если я выливать буду, они этого никак не простят.

– А ты спрячься и выливай незаметно.

– А от себя как спрячусь? Сам себе я тоже не прощу.

И вдруг Ржевского осенило: «Ведь адрес Софьи можно узнать у нового приятеля». Тот наверняка знает всех сколько-нибудь заметных жителей города!

– Послушай-ка, Алексей Алексеевич...

– Можно запросто: Алексей.

– Алексей, не знаешь, где живёт чета Тутышкиных?

– Ты хотел сказать «мадам Тутышкина с мужем»? – понимающе улыбнулся Шмелин.

– Ну... да.

– Конечно, знаю! Самая красивая женщина в городе. Хотя, нет. Пожалуй, самая красивая после генеральши Ветвистороговой... И после пани Крестовской-Костяшкиной. Но в любом случае одна из самых. А все адреса местных прелестниц у меня всегда в памяти.

– О! Прекрасно!

– А ты, значит, знаком с мадам Тутышкиной?

– Имел удовольствие осаждать эту крепость вчера на балу у губернатора.

– И как?

Ржевский решил не скрывать успехов.

– Крепость сдалась, – сказал он.

– Сдалась, а адреса не оставила? – с недоверием улыбнулся Шмелин.

– Да. После сдачи всё произошло слишком быстро.

Шмелин перестал улыбаться и сочувственно вздохнул:

– Ну, скорый выстрел – это с каждым может быть. Значит, тебе нужен её адрес, чтобы взять реванш и восстановить честь гусара?

– Не в этом смысле «быстро»! – воскликнул Ржевский. – Как раз наоборот! Я же сказал «после сдачи», а не «во время». Мы вкушали блаженство так долго, что обменяться адресами уже не успели: бал закончился, гости разъехались. Надо было быстро собираться.

– Ах, вот как! Тогда понятно. А адрес Ветвистороговой возьмёшь на всякий случай?

– А сам отчего же не воспользуешься? – с подозрением спросил поручик.

– Так я же служу, а это всё-таки генеральша. Зато ты – в отставке, поэтому можешь не бояться неприятностей.

– А пожалуй, – ответил Ржевский. Кто знает, сколько времени предстояло провести в городе, и ведь надо же чем-то заниматься. – Но сначала скажи мне адрес Софьи Тутышкиной.

Глава четвёртая, в которой герой наносит визит даме, а после визита проявляет доблесть в бою

Опытному участнику любовных баталий легко попасть даже туда, куда он официально не приглашён. Вполне достаточно, если его просто ждут. Вот почему Ржевский на подъезде к дому Тутышкиных велел Ваньке остановить сани в соседнем переулке и сходить на разведку – разузнать у дворни, что с «господами»: может, до сих пор отсыпаются после вчерашнего бала или уехали к кому-нибудь с визитом. Если же окажется, что Софья встала, оделась и никуда не уехала, значит, она ждёт.

Дом Тутышкиных – двухэтажный, розовый – прятался за глухим деревянным забором и чем-то напоминал барышню, которая закрывает лицо веером. Выглядело очень мило, но из-за этого заглянуть в окна с улицы и понять, чем заняты хозяева, было нельзя.

Тут-то и пригодился Ванька, который, словно заслуженный актёр, одевающийся для спектакля, неторопливо достал из-под своего сиденья старый зипун и большую шапку-треух, а из треуха – чёрную бороду на верёвочках, которую тут же деловито повязал, а затем так же деловито переменил зипун и головной убор.

Покончив с этим, Ванька направился к дому Тутышкиных и начал настойчиво стучать в ворота. Ржевский привычно наблюдал издали.

Наконец ворота приотворились:

– Чего стучишь? – послышался вопрос.

– Купи подкову, – выпалил Ванька, тут же доставая из-за пазухи названный предмет.

– Не надо мне твоей подковы, – раздалось в ответ. Судя по всему, невидимый собеседник уже хотел захлопнуть ворота, но Ванька не позволил, вставив между створками ту самую подкову.

– Купи. Она счастливая. От рысака Кагора. Лучший рысак моего барина! На бегах первые призы брал. Подкова счастливая!

Как обычно Ванька своей настойчивостью сумел сходу досадить собеседнику, поэтому в ответ прозвучало язвительное:

– Погоди. А где сам рысак, раз от него только подкова осталась? Сдох?

– Не, не сдох. Барин его пропил, – ответил Ванька, будто не заметив издёвки, и тут же достал свободной рукой из-за пазухи ещё одну подкову. – А это от другого рысака. Пуншем его звали. Она тоже счастливая, потому как Пунш везучий был конь: от погони нас с баринком увозил не раз. Барин в трактире наестся, а если платить нет охоты, то говорит мне: «Пунша подавай». Я сразу иду запрягать, а как запрягу, то докладываю: «Пунш готов». Выходим мы неспешно на крыльцо и прыг в экипаж. Только нас и видели! Но Пунша барин тоже пропил. А ещё были Бальзам, Вермут, Мускат и кобыла Водка... Ах, какие лошади! Купи подкову. Или сразу две.

– Надоел ты мне со своим баринком! – послышалось с той стороны ворот.

Ванька привычно начал изображать обиду:

– У меня-то – барин! А у тебя кто? Небось – тьфу, а не барин! Вот скажи мне: барин твой давно проснулся?

– Проснулся. И что? – прозвучало в ответ.

– Настоящий барин раньше полудня не просыпается, а в праздники, как сегодня, только к вечеру глаза продирает, потому как гуляет по-барски, – гордо произнёс Ванька.

Конечно, это были враки, но Ржевский в такие минуты всегда спрашивал себя, что из рассказа о «настоящем барине» Ванька подметил у своего барина, а что придумал ради красного словца.

– Твой-то, небось, ещё и в гости укатил! – продолжал распинаться «торговец подковами». – Вот мой барин в гости не ездит. Это к нему все ездят, а он решает, принимать али нет! А твой барин...

– Не уехал он никуда! – послышалось в ответ. – Дома. Нездоровится ему. Вчера на балу у самого губернатора был, так что про моего барина ты врешь: мой барин тоже гулять по-барски умеет.

– Ну, может и умеет, – продолжал хорохориться Ванька. – А барыня как? Барынь настоящих тоже, знаешь ли, мало. Вот у нас барыня корсетом так утягивается, что рёбра трещат! После каждого бала целый день отлёживается. Настоящая барыня! А твоя небось корсет только для виду носит, а сама бегаёт, хлопочет целыми днями, как баба простая...

– С чего бы! – донеслось с той стороны ворот. – Уж не знаю, как наша барыня корсет затягивает, но только встать изволили поздно и только недавно отобедали.

– Ну ладно, – протянул Ванька. Он узнал всё, что следовало, поэтому только для виду спросил: – Подкову-то купишь?

– Иди отсюда!

Очевидно, Ванька убрал подкову, мешающую закрыть ворота, потому что створки с шумом захлопнулись.

«Ну, что ж. Разведка проведена», – подумал Ржевский. Теперь следовало решить, как проникнуть в дом, но у опытного участника любовных баталий всегда найдётся подходящий способ, уже опробованный. Например, можно купить даме какой-нибудь подарок и под видом посыльного, которому строжайше приказано доставить подарок лично, войти в дом.

Подарок должен быть такой, который не вызовет пересудов. Например, корзинка цветов. А чтобы не отказались принять, следует сказать, что цветы прислал какой-нибудь важный чин. Да хоть губернатор! Пускай дама гадает, зачем губернатору понадобилось присылать ей цветы. А как только «посыльный» с подарком падёт к её ногам, то откроет ей правду, и пусть дама сердится, если хочет. Главное, что поклонник уже рядом и его не так-то легко выгнать.

Ржевский уже предвкушал, как окажется возле Софьи, но оставалось одно затруднение. Где достать цветы? Зимой их продают весьма дорого, а поручик был стеснён в средствах. Но и эта преграда показалась вполне одолжимой, когда Ржевскому вспомнилось кое-что о бале у губернатора – во время банкета на столах стояли живые цветы: «Значит, рядом с губернаторским дворцом, где-нибудь в саду есть оранжерея, как это и положено. Ни один дворец не может считаться таковым, если при нём нет оранжереи. А это в свою очередь значит, что в оранжерею можно проникнуть и нарвать цветов там. И за них не надо платить, если сделать всё тихо».

* * *

Ржевский полагал, что в сад губернаторского дворца придётся лезть через ограду, однако этого не потребовалось. Сад был открыт для всех желающих. Точнее, для всех, кроме простонародья, поэтому публика там подобралась изысканная – по расчищенным от снега дорожкам чинно прогуливались многие из вчерашних гостей бала.

Поручик предпочёл бы остаться незамеченным или, по крайней мере, неузнанным,

поэтому поднял воротник шубы повыше и, стараясь ни к кому не приближаться больше, чем на двадцать шагов, начал высматривать оранжерею.

«Фортунушка, ты бы помогла мне, что ли», – мысленно попросил Ржевский и... о чудо! Лукавая богиня, которая, кажется, даже в мороз щеголяла в своём обычном, лёгком наряде, словно взяла поручика под руку и мягко повернула, заставив посмотреть в определённую сторону.

Безлистые деревья не могли скрыть небольшого одноэтажного здания, расположенного слева от дворца. Большие окна. Широкое крыльцо. Двустворчатые парадные двери. Над крышей – несколько печных труб, из которых вьётся белый дым.

Ржевский не был до конца уверен, что это оранжерея, но решил проверить и, поправив поднятый воротник шубы, прогулочным шагом направился в ту сторону. Два раза он останавливался, прячась за высокие деревянные ящики, в которые на зиму были заколочены парковые статуи. Затем оказался под сводом большой каменной лестницы, пристроенной сбоку дворца, по которой при желании можно было сойти со второго этажа прямо в сад. Поручик опасно глянул вверх, не собирается ли кто совершить подобный променад, но тревога оказалась напрасной.

Одноэтажное здание, над которым вились печные дымы, приближалось. Даже стало возможным заглянуть в окна, ведь занавесок на окнах не было.

Внутри оказалось много зелёных растений, на одном из подоконников стояла лейка, на другом – ведёрко, из которого торчала небольшая лопатка. «Почти наверняка – оранжерея», – подумал Ржевский.

На крыльце кто-то успел натоптать, поэтому поручик с уверенностью взялся за дверную ручку и не ошибся – дверь оказалась незапертой. Он попал в комнату, мало отличную от обычной передней. В лицо пахло влажным теплом, запахом прелого листа и ещё чем-то. Справа и слева находились другие комнаты, уставленные горшками и кадками с деревцами, а прямо, в арке широкого дверного проёма виднелось большое помещение со стеклянными стенами и стеклянным потолком, наполненное какими-то лопухами и высокой травой. «Ну, точно – оранжерея», – подумал Ржевский.

Всё это, особенно стеклянная комната, выглядело многообещающе, ведь из передней обзор был неполный: цветы, подходящие для дамы, вполне могли оказаться в дальнем углу.

Поручик торопливо огляделся и прислушался, есть ли кто поблизости. Где-то жужжала муха и билась в стекло. Журчала вода. А затем послышался голос, наверняка принадлежащий старому садовнику.

– Ну, хватит топить, Аким. Хорош. И так жарко.

– Как скажешь, Пантелей Иваныч, – ответил молодой голос, а вслед за тем что-то громыхнуло. Наверное, печная дверца.

– Пойдём-ка лучше лианы подрежем, а то совсем разрослись, – сказал старый Пантелей.

Послышались шаги, поэтому Ржевский решил скрыться в комнате со стеклянными стенами. Но, как нарочно, садовник и его помощник направились именно туда.

Поручик спрятал голову под особо пышным лопухом и, сидя на корточках, наблюдал, как Пантелей и Аким вносят в комнату раскладную лестницу, чтобы поставить возле столба, сплошь опутанного вьюном.

– Пантелей Иваныч, – спросил Аким, – а есть в нашей ранжерее какая-нибудь травка целебная, которая от холеры помогает?

– Чего? – спросил старик, доставая из корзинки, стоявшей у входа, садовые ножницы.

– У нас же тут много всякого растёт. И не только для барского развлечения, но и для лечения тоже. Вот я и подумал...

– А тебе зачем? – Старик опустил ножницы в карман фартука и начал медленно взбираться по лестнице.

– Так сказывают, что Федька-лакей от холеры помирает. Кабы нам тут всем не того...

– А ты больше слушай, что дураки-то болтают, – проворчал Пантелей, срезая лишние отростки вьюна и кидая вниз. – Нету у нас тут никакой холеры. Доктор сказал, что нету.

– А ты прямо сам слышал, Пантелей Иваныч? – не отставал Аким.

– Нет, – досадливо проговорил старик. – Внучка моя Машка у барыни в горничных. И Машка слышала, как барин барыне говорил, что не от холеры Федька помирает. А барину доктор сказал.

– А отчего ж Федька помирает?

Старый садовник, как раз начавший слезать по ступенькам, ответил не сразу, а лишь тогда, когда оказался внизу.

– Помоги-ка лестницу переставить, – сказал он.

– Пантелей Иваныч, так что доктор-то сказал? – допытывался Аким.

– Тихо, – пробурчал старик. – Тут дело серьёзное, подсудное.

– Как это «подсудное»?

– Доктор сказал, что Федька помирает от яда.

Аким ойкнул и перекрестился.

– А кто ж Федьку травил?!

– Да тихо ты! – прикрикнул Пантелей и продолжил приглушённо. – Доктор говорил, что не Федьку отравить хотели, а кого-то из барских гостей вчера, когда застолье было посередь бала.

«Надо же! Какие страсти!» – подумал Ржевский, а садовник продолжал:

– Кто-то тому гостю яд в еду подсыпал, но гость есть не стал. А за столом как раз Федька прислуживал. Понёс нетронутую тарелку на кухню да по дороге и умял почти всё, раз баре не едят. А вскоре после этого Федьке поплохело.

Если бы эти слова услышала Тасенька, она наверняка вообразила бы чёрт знает что. Например, что отравительницей могла оказаться Софья, которая солила еду в мужниной тарелке, и что в солонке была вовсе не соль.

Но такие фантазии – чистейший вздор. Если красивая женщина, подобная Софье, благосклонно отвечает на ухаживания, это значит, что у неё доброе сердце. А если сердце у неё доброе, то она никак не способна на злодейство. И её подозревают лишь завистницы. Да, завистницы, которые не могут похвастаться ни красотой, ни успехом у мужчин. Ржевский был абсолютно в этом убеждён и потому, вспомнив о солонке в руках у Софьи, тут же одёрнул себя. Даже малое подозрение, что Софья хотела отравить мужа, казалось святотатством.

Конечно, поручик вспомнил пьяного лакея, опрокинувшего торт на Бенского. А если лакей был вовсе не пьян? А вдруг это и был тот самый Федька? Может, он ел из тарелки Софьиного мужа? Нет, быть такого не могло! Ведь Софья – ангел!

«Бедный Федька, – подумал Ржевский. – Зато тот, кто избежал отравления, счастливец! Никому не пожелаешь оказаться в такой истории. Надеюсь, я всё же сидел не за одним столом с отравителем».

– Поначалу все думали, что холера, – меж тем рассказывал Пантелей, – а доктор сказал,

что по приметам не сходится, и начал у Федьки допытываться, пока тот ещё в памяти был. Ну, Федька и признался: дескать, Бог наказал за то, что с барской тарелки ел. А с чьей тарелки, Федька не сказал. Не помнил уже.

«Да, хотел бы я знать, на кого покушались так коварно, – думал поручик. – И почему гость, кто бы он ни был, не стал есть? Счастливая случайность? А может, заподозрил что-то? А отравитель, конечно же, специально устроил всё на празднике во дворце, чтобы отвести от себя подозрения и бросить тень на губернатора!»

– Теперь отравителя искать будут, – заключил старый садовник. – Поэтому ты, Аким, об этом не болтай. А то подумают, что ты чего-нибудь знаешь, да и прицепятся.

Правда, могло быть и так, что прекрасная дама оказалась слепым орудием в руках злодея. Злодей насыпал яд в солонку, которую Софья взяла, чтобы посолить еду мужу. О том, что в солонке яд, красавица не знала. Лишь по счастливой случайности не отравился никто кроме лакея, потому что она положила солонку в ридикюль.

«Надо рассказать Софье, – решил Ржевский. – И на всякий случай спросить, где солонка. Софья, конечно, испугается, что где-то неподалёку находился отравитель, но зато у меня появится повод её успокоить. А успокаивать напуганную даму – это весьма приятно!»

Предавшись мечтам, поручик почти забыл, что явился сюда не просто так, а за цветами. «Фортушка, помоги мне ещё раз», – попросил он, оглядываясь по сторонам. Но богиня, кажется, пришла в игривое настроение и решила пошутить: прямо перед носом Ржевского что-то пролетело сверху вниз и шмякнулось на пол, образовав светлую кляксу. Поручик глянул вверх и увидел, что прямо над ним, на жёрдочке, подвешенной к потолку наподобие качелей, сидит большой белый попугай.

Птица молчала, явно не собираясь криком выдать присутствие в её владениях постороннего. Однако она бросала на Ржевского недобрые взгляды, а затем, всё больше раскачиваясь на своих качелях, задрала хвост.

Поручик, всё так же на корточках, прынул в сторону – и как раз вовремя: там, где он только что находился, появилась ещё одна светлая клякса. Даже большой лопух, частично дававший укрытие, не уберёг бы от этой птичьей бомбы.

Ржевский только выдохнул после счастливого спасения, как вдруг почувствовал, что новое место дислокации выбрано неудачно. Он решил, что сел на ежа, но когда повернулся, то увидел вовсе не ежа, а неведомое растение, стоявшее в горшке прямо на полу – что-то вроде воткнутого в землю огурца, покрытого острыми иглами.

«Да это просто извращение – выращивать такую пакость!» – подумал Ржевский.

Фортуна явно насмеялась, но, как это часто бывало, в следующий миг проявила милость: в двух шагах от колючего огурца стояла маленькая цветочная корзинка, в которой находился абсолютно свежий букет фиалок – таких же, как раздавали вчера на балу.

«Отлично! Даже рвать не надо», – мысленно порадовался Ржевский, но только он схватился за ручку корзинки, как раздался голос Акима:

– Пантелей Иваныч, ты напомнить велел... ну... что для горшка каши по...

– Чего «по»? – отозвался старик.

– А ты не говорил, чего, – ответил Аким. – Наверное, «по краешек». Ты велел напомнить, что эта каша барыне нужна.

– Дурья твоя башка! – рассердился Пантелей. – Я тебе говорил «кашпо»! Какая ещё каша! Это кашпо надо барыне отнесть. Я уж его приготовил. Там оно.

Собеседники направились туда, где находился Ржевский, и наверняка обнаружили бы

его, если б он не прибег к помощи отвлекающего манёвра. Как раз тогда, когда старый садовник и его помощник поворачивали из-за зарослей лопухов, поручик схватил из ближайшей кадки ком земли и метко запустил в попугая.

Птица с резким противным криком вспорхнула со своих качелей, заставив Пантелея и Акима посмотреть вверх, а в это время Ржевский с заветной корзинкой в руках оказался как раз у них за спинами.

Он уже на цыпочках крался к выходу, когда Пантелей растерянно пробормотал:

– Нету. Эх, старость – не радость. Я ж его вроде вот сюда ставил.

– Пантелей Иваныч, а как это кашпо выглядит-то? – спросил Аким.

– Да корзинка такая, – сказал старик.

Поручик, слыша этот разговор, понял, что фиалки в корзинке предназначались для губернаторши. А вот что такое кашпо, не задумался.

* * *

Прислуга Тутышкиных не знала Ржевского в лицо, а Тутышкин, судя по всему, не догадался распорядиться, чтобы в дом не пускали не только Ржевского, но и вообще гусаров. Вот почему баба, которая несла куда-то десяток поленьев и свободной рукой отперла ворота, даже не подумала задерживать гусарского офицера, когда тот уверенно заявил, что должен передать госпоже Тутышкиной презент от губернатора, и показал корзинку фиалок.

Сохраняя уверенный вид и держа перед собой корзинку как оружие, Ржевский ступил на крыльцо, затем ворвался в переднюю и повторил заспанному лакею:

– Госпоже Тутышкиной презент от губернатора. Велено передать лично в руки.

Не медля ни мгновения и не снимая шубы, поручик продолжил наступление и ринулся вверх по лестнице в комнаты хозяев дома. Следом бежал лакей, который тараторил: «Погодите, надо сперва доложить», но эти слова едва различались за громким топотом сапог Ржевского по паркету.

Привычным движением оттеснив с дороги ещё одного лакея и ловко избежав столкновения с некрасивой рябой горничной, поручик оказался в гостиной, где и застал свою даму.

Софья в домашнем платье – то есть без всякого декольте, но всё равно почти такая же очаровательная – сидела на кушетке и читала книгу.

Услышав топот сапог, дама подняла взгляд. Томик чуть не выпал у неё из рук. Послышалось взволнованное «ах», она на мгновение потерялась от избытка чувств, но почти сразу нашлась и спросила уже спокойным голосом:

– Поручик, как вы здесь оказались?

Ржевский приблизился, скинул шубу и опустился перед дамой на одно колено, а та, раз собеседник теперь рядом, спросила еле слышным шёпотом:

– Саша, как ты меня отыскал? Я же забыла дать тебе свой адрес.

– Меня вела любовь и Фортуна, – ответил Ржевский подкручивая ус, а другой рукой протягивая презент.

Софья отложила книгу, взяла корзинку, но уже через мгновение удивлённо пробормотала:

– Цветы в горшке? Я думала, это букет.

Глядя, как дама вынимает горшок из корзинки, Ржевский наконец понял, что значит «кашпо» и что Фортуна в очередной раз посмеялась, однако следовало как-то выходить из

положения.

– Это новая мода, – произнёс поручик. – Парижская. Цветы в букете быстро вянут, а даритель так же быстро забывается. Зато в горшке цветок сохраняется гораздо дольше, и дарителя помнят дольше.

– Как мило, – улыбнулась Софья.

В этот момент лакей из передней, который всё же догнал Ржевского и успел отдышаться, громко доложил:

– Барыня, господин офицер принесли презент от князя Всеволожского.

– Так это от губернатора? – Софья нахмурилась.

– Нет, это от меня, – тихо произнёс поручик. – Я притворился посланцем губернатора, чтобы без помех проникнуть в твоё жилище, Софи.

– Я бы предложила вам остаться и выпить чаю, поручик, – нарочито громко произнесла дама, – но, право, не знаю, одобрит ли муж. Вы были не слишком любезны с ним вчера на балу.

– Я? – удивился Ржевский. – Я был сама любезность.

– Вы сказали, что он свинья и вор, – напомнила Софья строгим тоном, но сама при этом едва заметно улыбалась.

– Вот именно! – вдруг раздалось откуда-то слева. Это Тутышкин, на ходу завязывая пояс домашнего халата, вошёл в гостиную. Выглядел этот цербер, охраняющий даму, весьма сердито.

– Я же пошутил, – принялся оправдываться поручик, поднимаясь на ноги. – И вообще я не о вас говорил, господин Фруфрышкин, а о брате Рюрика. Я не предполагал, что вы это на свой счёт примете.

– И всё же покиньте мой дом, господин Ржевский, – твёрдо ответил Тутышкин.

– Да бросьте. – Поручик примирительно улыбнулся. – Не будьте свиньёй.

– Что?!

– Я говорю, – поправился Ржевский, – позвольте мне остаться на чай, а я расскажу вам весьма важные новости.

– Что ещё за новости? – спросил Тутышкин.

Они с Ржевским стояли друг напротив друга возле кушетки, а Софья, продолжая сидеть, смотрела то на одного, то на другого.

– Во-первых, – начал Ржевский, – сегодня утром я случайно узнал, что наш новый император, – поручик сделал многозначительную паузу, – вовсе не Константин Павлович, как мы думали, а Николай Павлович. Будет повторная присяга.

– Это мне известно, – холодно произнёс Тутышкин. – Господин губернатор меня сегодня уведомил.

Поручик на мгновение опешил. Он полагал, что новость станет сильным козырем и поможет получить приглашение на чай, ведь Тутышкин захотел бы узнать обо всём поподробнее, но нет.

И всё же на руках у Ржевского оставался второй козырь.

– Но вторую новость вы точно не знаете. Ведь губернатор держит её в секрете.

– Позвольте угадать, поручик, – всё так же холодно произнёс Тутышкин. – Новость касается вашей помолвки с племянницей губернатора?

Ржевский снова опешил:

– Помолвке?!

– Это почти не секрет, – улыбнулся Тутышкин. – Губернатор говорит, что дело вот-вот решится.

Ржевский краем глаза глянул на Софью. Та казалась неприятно удивлённой.

– Губернатор ошибается, – твёрдо произнёс поручик. – Я вовсе не намерен делать Таисии Ивановне предложение. А секрет, который я хотел вам поведать, совсем другого рода. Это касается вчерашнего бала. Я случайно узнал, что там хотели отравить одного из гостей.

– Что за вздор? – недоверчиво пробормотал Тутышкин.

Ржевский снова посмотрел на Софью. Он ждал, что теперь она взглянет на него приветливее, но дама вдруг побледнела и вжалась в софу, будто хотела оказаться от поручика как можно дальше.

«Надо же, как испугалась, бедняжка», – подумал поручик, однако в том, чтобы успокаивать Софью в присутствии мужа, не было никакой выгоды. Следовало чуть подождать.

– Вообразите, – продолжал Ржевский, – отравитель во время банкета насыпал яд в тарелку своей жертве, и жертва только чудом осталась жива.

Софья вся задрожала и посмотрела на поручика так, как будто он – сама смерть.

«Кажется, я перестарался, пугая даму», – подумал Ржевский.

– Но откуда это известно? – меж тем спросил Тутышкин.

– А вы пригласите меня на чай, тогда и расскажу. – Поручик не удержался от ехидной улыбки, но хозяин дома будто не заметил её.

– Хорошо, поручик. Откушайте с нами чаю.

– Благодарю-с. – Ржевский поклонился. – С превеликим удовольствием.

– Софья, распорядись-ка на счёт чая, – попросил Тутышкин, делая шаг назад, чтобы дать возможность жене встать с софы. Но жена повела себя не так, как ожидалось: опрометью бросилась в дальнюю комнату и хлопнула дверью.

Муж недоумённо посмотрел на Ржевского:

– Куда это она? Кухня не в той стороне. – Но на счёт чая всё-таки следовало распорядиться, поэтому Тутышкин обратился к лакею, всё ещё стоявшему в дверях, ведущих к лестнице: – Дружок, скажи там, чтоб сейчас же накрывали чай в гостиной. На три персоны.

Между тем хозяин дома и гость оставались стоять друг напротив друга, но никто из них не желал заводить светскую беседу, которая обычно помогает скоротать время перед застольем.

Тягостная тишина продолжалась минуту или дольше. Наконец Тутышкин произнёс:

– А может, всё-таки приоткроете завесу тайны? От кого вы слышали об отравителе?

«Ага, – подумал Ржевский, – я тебе сейчас всё выболтаю, а ты меня из дома выставишь без чая? Нет, братец». Вот почему поручик решил сменить тему:

– А пирожные к чаю будут? – спросил он.

Тутышкин раздражённо рыкнул, снова оправдывая своё сходство с цербером. На счёт пирожных он ничего не ответил и вообще решил под благовидным предлогом избежать разговоров с неприятным гостем хоть на время:

– Позвольте вас ненадолго оставить, господин Ржевский. Мне надобно надеть сюртук.

Судя по тому, куда направился муж Софьи (совсем не в ту дверь, в которой недавно скрылась его жена), Тутышкины в быту подражали высшей аристократии – каждый из

супругов обитал на своей половине дома, весьма далеко друг от друга. Так что стоило мужу выйти, как гость сразу ринулся в противоположном направлении – утешать напуганную даму.

* * *

Оказавшись в спальне Софьи, Ржевский увидел свою даму в интересном ракурсе. Она рылась в ящичках секретера, стоя спиной к двери так, что юбка очень завлекательно обрисовывала нижнюю часть тела.

Поручик уже успел подумать, что такая поза избрана нарочно, но дама, услышав звук открывающихся дверей, вздрогнула, обернулась и уставилась на поручика испытующе:

– Что тебе нужно? – спросила она со слезами в голосе, а в следующее мгновение подбежала к камину, где уже догорали какие-то письма, и швырнула туда ещё несколько листков.

Поручик замер в недоумении. Он никак не ожидал такого. Ему вдруг показалось, что дама ведёт себя так, будто её собираются арестовывать. Но почему?

– Чего ты хотел добиться, когда там, в гостиной сказал о неизвестном отравителе? – продолжала дама. – Зачем лукавить? Говори прямо. Ты всё знаешь? – Она присела на застеленную кровать и закрыла лицо руками, готовая разрыдаться.

Ржевский осторожно присел рядом.

– Как ты узнал? – проговорила Софья чуть слышно.

– Совершенно случайно, – так же тихо ответил поручик. – Я гулял в губернаторском саду. Смотрю – там оранжерея. Смотрю – двери незапертые. Зашёл и совершенно случайно подслушал разговор двух слуг губернатора. Они говорили, что на балу был отравитель, который на банкете насыпал яду в тарелку одного из гостей, но это угощение в итоге досталось не тому – отравился лакей. Насколько я понял, все слуги в губернаторском дворце об этом шепчутся. Но кто был отравитель – неизвестно.

– Неизвестно? – Софья отняла ладони от лица и с надеждой посмотрела на Ржевского.

Ах, как она была прекрасна в эту минуту! Широко распахнутые глаза со следами нескольких пролившихся слезинок казались глазами печального ангела... Впрочем карий цвет больше подходит не ангелу, а чёрту. И будто в подтверждение этого в зрачках Софьи вдруг вспыхнул озорной огонёк.

– Значит, про отравителя ничего неизвестно? – опять спросила она.

– Увы, неизвестно, – продолжал Ржевский.

– А известно, кого хотели отравить?

– Тоже нет. Увы, – ответил поручик и вздохнул с сожалением, но дама почему-то развеселилась. Причина её весёлости была совершенно непонятна, но Ржевский очень быстро забыл об этом думать, видя, что озорной огонёк в прекрасных карих глазах разгорается всё сильнее. Этот случай не следовало упускать!

– Как ты меня напугал, Саша, – лукаво произнесла Софья.

Поручик, хоть и не до конца понял суть происходящего, изобразил такой же лукавый взгляд.

– Ты испугалась, что мы, возможно, сидели за одним столом с отравителем? Но это вряд ли...

– Нет. Я испугалась, потому что думала, что ты собрался меня упрекать.

– В чём? – Ржевский по-прежнему не очень понимал свою даму, но на всякий случай

обнял её за талию.

– Я думала, что сейчас ты назовёшь имя отравителя, и окажется, что это кто-то из моих друзей. И получится, что я вожу дружбу с преступником. Это такой позор! Такое падение в глазах общества! Я ужасно испугалась, что ты первый, кто начнёт меня упрекать.

– Софи! Прости меня! – воскликнул Ржевский, тут же вскочив с кровати и бросившись перед дамой на колени. – Чем я могу загладить вину?

Одной рукой поручик схватил ладонь дамы, чтобы прижать к губам, а второй рукой будто ненароком залез под дамскую юбку, поглаживая ножку в чулке.

– Сашенька, – всё так же лукаво продолжала Софья, – ты должен мне обещать, что если вдруг узнаешь что-то новое об этом деле, то немедленно мне расскажешь. Если отравитель – кто-то из моих друзей, я должна порвать с ним отношения до того, как о его злодейской сущности станет известно всем.

– Обещаю! – воскликнул поручик, страстно сжимая ручку и ножку дамы. И тут его осенило: – Никодимов!

– Никодимов?

– Да. Столичный франт, с которым ты вчера танцевала мазурку. Ты его хорошо знаешь?

– А в чём дело?

– Он арестован сегодня утром.

– За что?

– За участие в заговоре против монархии. Поэтому если тебя связывают с этим господином какие-то отношения, следует их прекратить.

– Саша, ты так мило заботишься обо мне, – с улыбкой сказала Софья. – Но Никодимов не относится к числу моих друзей. В этом доме он ни разу не был. – Она задумалась. – Ты сбил меня с мысли. О чём мы говорили? Ах да! О том, как тебе загладить вину.

– Но я заглаживаю её прямо сейчас, – возразил поручик, поглаживая ножку дамы, на этот раз – чуть выше колена.

– Сейчас не самое лучшее время заглаживать вину, – сказала Софья.

– Вину надо заглаживать чем скорее, тем лучше!

– Сюда могут войти в любую минуту.

– Ну, что ж. Придётся делать это при свидетелях. – Ржевский уже добрался до того места, где кончается чулок и начинаются панталоны.

– Саша! – строго зашептала Софья. – Я не шучу! Сейчас не время. Приходи послезавтра ночью.

– Ну, предположим, через забор я перелезу. А дальше? На ночь у вас двери не запираются?

– Я дам тебе ключ от чёрного хода. Ты тихо отопрёшь дверь и поднимешься ко мне в спальню. Лучше всего – вскоре после полуночи. Дом только-только засыпает и никого не удивит звук шагов на лестнице. Все подумают, что кто-то припозднился. А вот глубокой ночью звук шагов будет звучать очень подозрительно.

– Значит, ключ будет? – спросил Ржевский, который слушал не очень внимательно, увлечённый поглаживанием дамской ножки в том месте, откуда ножки растут.

– Да, ключ будет.

– Это меняет дело! – воскликнул поручик...

...Но уже с ключом в кармане покидая дом Тутышкиных, он вдруг обнаружил, что не помнит точно, которой ночью следует явиться к даме: «Завтра или послезавтра?» А

вернуться и переспросить было как-то неудобно. Оставалось надеяться, что эта подробность вспомнится сама или Фортуна поможет.

И ещё запоздало пришла мысль, что не удалось спросить о солонке. Если там яд, а не соль, то Софья может случайно отравиться. Но свою оплошность поручик рассчитывал исправить на предстоящем свидании.

* * *

Когда Ржевский покинул жилище Тутышкиных, уже стемнело. По обе стороны улицы тускло светились окна. Заборы и истоптанный снег под ногами едва проступали в темноте. А санки, запряжённые рысаком, и верный Ванька, уже более часа дожидавшийся господина, сделались вовсе невидимыми.

Можно даже сказать, что тьма сгустилась до той степени, когда всякий прохожий, даже самый благонамеренный, начинает проявлять некоторую склонность к бунту, то есть весьма плохо думать о городских властях, которые озаботились освещением лишь центральной части города. Вот и поручику тоже поначалу пришла бунтарская мысль, но он сразу напомнил себе о скором ночном свидании, а для таких приключений тёмная улица удобнее, чем освещённая.

И всё же холодная темнота вокруг нагоняла тоску, поэтому Ржевский, найдя свои санки, уселся в них и произнёс:

– Ванька, едем кататься. Правь туда, где светлее.

И вот санки полетели по тёмным улицам и переулкам, где ориентиром служили только пятна окошек.

Затем показалась некая площадь или пустырь – невозможно было с точностью сказать, потому что это обширное пространство было совершенно чёрным. Лишь где-то на дальнем краю горел фонарь, под которым виднелась полосатая будка, давая понять, что только там и начинается обитаемая местность, а здесь – одна пустыня.

Ванька, ориентируясь на огонёк, направил санки к будке. Рысак, поняв, где цель, сам прибавил ходу и с каждым мгновением бежал всё резвее. Кажется, было преодолено уже больше половины площади, когда конь вдруг прынул в сторону, да так резко, что санки чуть не перевернулись.

– Сто-ой, чёрт! – закричал Ванька, натягивая вожжи и наклоняясь в сторону, противоположную от той, куда кренились санки.

Ржевский, чтобы не выпасть, наклонился на тот же бок, что и Ванька. И тоже закричал коню «стой».

Судя по всему, рысак на что-то наткнулся. А может, ему только показалось, как бывает с лошадьми, особенно вечером или ночью.

Возможно, поручик и его возница в самом деле решили бы, что препятствие мнимое, если бы из темноты вдруг не раздавалась ругань:

– Сымай, говорят тебе! Ах ты...!

Ржевский ещё до того, как санки утвердились на снегу обеими полозьями, выхватил из-под Ванькиного сиденья коробку, в которой находились два пистолета, на всякий случай заряженные. Поручик уже успел вообразить, что ему выпала удача спасти красавицу от разбойников, которые прямо сейчас раздевают несчастную, так что перед своим спасителем она предстанет в полуголом виде.

– А ну прочь, каналы! – закричал Ржевский, доставая пистолеты и выстрелив из одного

из них в воздух.

Пространство вокруг на мгновение осветилось. Стали видны две бородатые фигуры в зипунах и ещё одна – лежащая ничком в истоптанном снегу. Бородачи пытались стащить с неё длинную накидку, похожую на салоп, но не успели.

Место действия снова погрузилось во тьму. Но, судя по дальнейшим звукам, разбойники оставили свою жертву и кинулись бежать. Ведь второй пистолет в руках поручика ясно давал понять, что будет, если поступить иначе.

Ржевский не стал преследовать бегущих, а меж тем Ванька зажжёт фонарь, чтобы картина события, только что случившегося, наконец прояснилась.

Поручик и его возница приблизились к лежащей фигуре, которая оставалась неподвижной. Широкий воротник накидки накрыл ей голову, поэтому издали нельзя было понять, красавица там или нет.

Наконец Ржевский протянул руку и откинул воротник, но увиденное заставило приоткрыть рот от изумления. На снегу лежала вовсе не женщина, и тем более не девица, а молодой человек. Был он рыжий, рябоватый и, несмотря на молодые года, с явно намечающейся лысиной на лбу. Цвет лица – серый, что называется «геморроидальный», но возможно, это объяснялось перенесённым потрясением.

Молодой человек открыл глаза, подслеповато сощурился на фонарь и произнёс:

– Салоп... Салоп цел? Украли?

– Нет, не украли. Он на вас, любезнейший, – стараясь быть приветливым, заверил его Ржевский. Пусть спасённый никак не походил на красавицу, да и вид имел такой, над которым обычно посмеиваются, но что-то в молодом человеке располагало к себе. Возможно, то, что он подобно Ржевскому был рыжим.

В этой рыжине ощущалось какое-то родство, а окажись на месте поручика брюнет или блондин, всё было бы иначе. Кто сам не рыжий, тот плюнул бы и поехал дальше, раздосадованный, что под салопом скрывается совсем не красотка.

– Это, право, совершенно того! – проговорил молодой человек, поднимаясь и ощупывая на себе салоп.

– Согласен. – Ржевский кивнул. – Но как получилось, что на вас салоп? Это же предмет женского гардероба. Посещали даму, а когда уходили, впопыхах сняли с вешалки не то?

– Нет-с. – Молодой человек помотал головой. – Это матушки моей салоп.

– А отчего же вы его носите?

– Да где ж шинель пошить, когда жалованья – двадцать четыре рубля в год! Двадцать четыре рубля – это ж совсем того!..

– А что ж так мало? – спросил поручик.

– Больше не заслужил-с. Здесь же не Петербург, чтоб маленькому человеку большое жалование платить. А в Петербурге где ж найти место! Вот батюшка крёстный у меня в Петербурге служит, столоначальник в сенате, а как пришёл мне возраст на службу поступать, так даже с такой протекцией не нашлось места. Хорошо, у батюшки крёстного зять гостил, который здесь служит. Вот он меня и того... – Молодой человек выразительно кивнул, а затем начал испуганно ощупывать верхнюю часть лба и затылок – как видно, в поисках головного убора.

– Значит, вы – чиновник? – спросил Ржевский.

– Нет-с. Служащий. В соляном отделении казённой палаты. Переписываю бумаги.

Теперь молодой человек оглянулся, выискивая головной убор в снегу. Наконец поднял

какую-то серую тряпку, отряхнул её, водрузил на положенное место, и только тогда тряпка приняла очертания, напоминающие картуз.

– А имя ваше как? – спросил поручик.

– Да что имя! Я человек маленький. А маленькому человеку довольно свою должность назвать, вот и представился. Должность о человеке даёт представление вполне. А имя, когда ты человек маленький, никакого представления не даёт... да и забывается сразу. Может, я того?

Ржевский не очень хорошо понял рассуждения о маленьких людях, зато отлично понял последнюю фразу – новый знакомый собрался откланяться.

– Погодите уходить, – сказал поручик. – Я доведу вас до безопасного места. Но сперва всё же назовитесь, ведь я должен знать имя попутчика.

– Акакий, – произнёс молодой человек. А дальше назвал фамилию, которую Ржевский тут же забыл. Наверное, фамилии маленьких людей и впрямь легко забываются. То ли Сапогов, то ли Валенков. Что-то из разряда обуви. А то, что молодой человек служит на должности писца, запомнилось.

* * *

Акакий действительно был человек маленький: места в санках занял всего ничего, так что Ржевский, сидя с ним рядом, не ощущал себя стеснённо.

Вот показались огни центральной части города, и только тогда поручик сообразил, что может довести своего подопечного не до освещённой улицы, а до самого дома. Спешить Ржевскому было всё равно некуда.

– А где ты живёшь, Акакий? – спросил он. Поручик не помнил, когда они с новым знакомым перешли на «ты» (и перешли ли вообще), но беседе это, кажется, не мешало.

– А? Что? – не понял Акакий, потому что увлечённо разглядывал большие дома и хорошо одетых прохожих.

– Спрашиваю, где ты живёшь.

Акакий пробормотал что-то неразборчивое, поэтому Ржевский крикнул Ваньке, чтобы остановил сани. Под стук копыт разговаривать было неудобно.

– Так где? В которой части города? – переспросил поручик.

– В Затмацкой.

– В зад... ницкой? – Ржевский даже удивился. – Интересный адрес.

– Нет, – собеседник смутился. – Я сказал: в Затмацкой части. Это за речкой Тмакой.

– И где эта часть находится? Где зад, я, конечно, знаю, но вот найти его на карте...

– Западная окраина города.

– А фонарей там нету?

– Нет-с.

– Далёкое тёмное место. Значит, я не ослышался: задница, – заключил поручик, а его новый знакомый, видя, что сани дальше не едут, спросил:

– Может, я того? – Он опять собрался уходить.

– Куда же ты пойдёшь?

– В Затмацкую часть.

– В самую задницу Твери? Один? Нет, – решительно ответил Ржевский. – Мы отправимся туда вместе. Если расскажешь, как добраться.

– А это – вон туда, – Акакий показал в ту сторону, где находилась губернаторская

резиденция. – А дальше – на мост и прямо по Подьяческой улице, – продолжал объяснять он, когда санки поручика, запряжённые резвым рысаком, лихо пролетели по уже знакомым дорогам.

После моста на пути оказался огромный пустырь, похожий на тот, где случилась история с грабителями. Справа вдалеке высились какие-то тёмные громады. Как пояснил Акакий – кирпичный и стеклянный заводы. А ещё одно здание рядом с ними, которое поменьше – церковь с кладбищем. Там хоронили рабочих с упомянутых заводов, а также тех, кого прирезали на пустыре.

– А вон и мой дом, – продолжал Акакий, указывая куда-то в темноту, когда санки повернули налево, проехали вдоль реки и повернули на Подьяческую улицу. В темноте по обеим сторонам были едва различимы деревянные дома в один-два этажа.

И тут поручику опять запоздало явилась хорошая идея: нового знакомого можно было не только довести до дома, но и накормить. Ржевский всё равно ещё не ужинал, а ужинать в одиночестве (то есть в компании одного лишь Ваньки) не хотелось.

– Слушай-ка, дружище, а кабак где-нибудь поблизости есть? – спросил поручик, когда санки остановились возле дверей дома, на который указал Акакий.

– Есть, – отозвался пассажир.

– А где?

– Налево свернуть и два перекрёстка проехать. Будет ещё один пустырь, а на краю пустыря – кабак.

– А хороший кабак или паршивый? – продолжал спрашивать Ржевский.

– Не знаю-с, – ответил Акакий. – Я там ни разу не был. Но сослуживец мой из соляного отделения, который комнату на одном со мной этаже снимает, говорит, что хозяин кабака – мошенник.

– А может, проверим, правду ли твой сослуживец говорит?

– А может, я того?

– Успеешь ещё дома насидеться. Я угощаю.

И вот санки подъехали к кабаку, рядом с которым по сравнению с близлежащими улицами было весьма многолюдно. Несколько человек разной степени весёлости толпились у двери с красноречивой надписью «в ход». В этот ход и направился Ржевский со своим новым знакомым.

* * *

Сколько бы ни уверяли газеты, что в Твери благодаря заботливому градоначальнику даже ночью светло как днём, уличное освещение всё же не сравнится с комнатным. Вот почему лишь в кабаке поручик разглядел, что его подопечный, облачённый в салоп, посинел от холода.

Действовать надо было незамедлительно, так что Ржевский, усадив Акакия за свободный стол и плюхнувшись рядом, громко крикнул:

– Эй, хозяин! Водки!

Водка в штофе скоро явилась. А к ней – горячие закуски, но Акакия из всех блюд больше всего впечатлила миска, куда горкой была навалена варёная картошка, исходящая паром. Осторожно подвинув миску к себе, новый знакомец Ржевского принялся греть над ней руки.

Акакий, помня о том, что за угощение платит не он, постеснялся попробовать даже одну

картошечку, а богиня Фортуна, которая в этот раз явилась внезапно и без зова, умилилась такой скромности. Именно тогда, когда поручик разливал водку по рюмкам, богиня толкнула его под руку, так что рюмка Акакия сама собой наполнилась до краёв, но ни капли не пролилось мимо. «Редкая удача!» – сказали бы завсегдатаи кабака.

Ваньке, который уселся за тем же столом с краю, водки не досталось. Фортуна ему никогда особо не благоволила, да и Ржевский держался мнения, что возница, если ещё предстоят разъезды, обязан быть трезвым.

– Дружище, а как же ты живёшь на двадцать четыре рубля в год? – спросил поручик у Акакия. – Может, тебе везёт в карты?

– Нет, я в карты не того, – пробормотал Акакий, разглядывая полную рюмку и в волнении примериваясь, как бы так отпить, чтобы ни капли не пропало, раз уж выпало счастье.

– Тогда, наверное, ты умеешь брать деньги в долг и не отдавать?

– Да, долги у меня того, – согласился собеседник, всё так же примериваясь к рюмке. – Я сапожнику Семёну уже полгода копейку должен, с тех пор как сапоги у него смазывал. Но может, он уже и забыл... А ещё я прачке Агафье недоплатил десять копеек ещё с того месяца.

– А прачка старая или молодая? – спросил Ржевский.

– Да, она – того.

– То есть молодая?

– Да, не старая, – сказал Акакий, отламывая от лежащей рядом краюхи кусочек хлеба и аккуратно окуная в рюмку, чтобы часть водки впиталась.

– А раз молодая, может, тебе её того? – предложил Ржевский. – Тогда она наверняка долг простит.

Акакий смутился:

– Прачку – того?

– Того.

– Нет! Как можно-с! Да и к чему оно? У меня долгов всё равно много. Я цирюльнику Тихону уже три месяца должен. Он меня в долг постриг, а скоро мне снова стричься. Вот я и думаю, чтобы долг не платить...

– Ну, Тихона вряд ли можно того, – заметил Ржевский.

– Нет! Никак нельзя! Но есть у меня бритвочка. Я думал голову не постричь, а побрить. После этого волосы скоро отрастут и будут ровные, как после цирюльника. Сорок копеек выгода!

Ржевский, который даже в самые трудные времена не считал копейки, слушал с удивлением.

А Акакий меж тем разговорился:

– Зато я за комнату деньги вношу исправно: хозяйка довольна. Только вот она хочет на пять копеек цену поднять. Говорит, что рубль двадцать пять в месяц – больно дёшево. А я думаю: если на пять копеек больше, это ж прям того!

– А может, тебе хозяйку – того? Даже если она старая, но за рубль двадцать пять в месяц... – Ржевский не договорил.

– Нет, нельзя. Она строгая, – ответил Акакий, уже успев съесть хлеб, пропитанный водкой и, кажется, слегка захмелев. Мысль о внебрачной связи уже не вызывала у него смущения.

– Неужели ты не можешь найти себе более доходное место службы? Ведь двадцать четыре рубля...

– Это совсем того, – подхватил Акакий. – А заработок есть. Я не только для соляного отделения пишу. Я и для частных лиц переписываю, если наймут. Вот сегодня был у поэта, который хотел набело свои вирши переписать.

– И сколько ты заработал?

– Пока нисколько. Поэт говорит, что деньги после. Сейчас у него нету, а будут, когда он вирши свои в журнал отправит.

– Боюсь, дружище, он тебе не заплатит, – сказал Ржевский. – Поэты сами вечно нуждаются.

– Заплатит, – уверенно возразил Акакий. – Денег получит и заплатит.

– А если вирши в журнал не возьмут?

– Возьмут, – так же уверенно объявил Акакий. – Тот поэт сам мне сказал, что эдакие стихи в любом журнале примут. Поэтому он мне их не дал с собой, чтоб я дома переписывал. «При мне, – говорит, – переписывай. А то возьмёшь, – говорит, – и от своего имени в журнал».

– И оттого ты так поздно домой возвращался?

– Да.

– Тогда хорошо, что у тебя денег при себе не было, а то бы их отняли. С такими доходами, как у тебя – хоть самому выходи грабить прохожих.

– Как можно! – в который раз возразил Акакий.

– А может, тебе жениться на богатой невесте? – предложил Ржевский и сам понял, что сказал глупость. Ему показалось, будто богиня Фортуна, сидевшая рядом, всерьёз размышляет, способна ли устроить подобное, даже если бы захотела. Ржевскому она предоставляла подобный случай не раз, но Акакию... наверное, нет. Богатые невесты на таких не падки.

Сам же Акакий, уже успевший осушить рюмку, совсем изменил взгляд на вещи. Женильба (даже на богатой) уже не казалась ему несбыточным делом:

– Не-ет, – протянул он. – Жениться – это одно разорение, даже если невеста с приданым. Если жениться, то прощай, честная жизнь. Придётся вором стать, потому что где ж взять столько денег, чтобы содержать жену!

– В самом деле? – спросил Ржевский, а Фортуна лукаво улыбнулась.

– Да вот, к примеру, начальник мой, господин Тутышкин, – продолжал Акакий. – Он невесту с приданым взял, а как женился, так с тех пор ворует тыщами. Потому что жалования у него двести пятьдесят рублей в год, а у жены его одно платье столько стоит. Он сам жаловался.

И тут до Ржевского дошло:

– Тутышкин? Тот самый? Как его по имени отчеству? Пётр Иванович?

– Фёдор Иванович, – поправил Акакий. – Начальник соляного отделения казённой палаты, где я писцом служу.

Ржевский крепко задумался и не замечал, как богиня Фортуна толкает его в бок: дескать, ну же, расспрашивай дальше!

– А что же, нет платьев подешевле? – наконец спросил поручик первое, что пришло на ум.

– Есть, – ответил собеседник. – Только она их носить не станет. Потому я и говорю, что

жениться – одно разорение.

– А разве на такой мелкой должности, где жалования всего двести пятьдесят рублей, возможно тысячами воровать?

– Да где ж ещё воровать, как не в казённой палате! – запальчиво воскликнул Акакий, но тут же испугался и с опаской оглянулся по сторонам. – Особенно в соляном отделении, – добавил он шёпотом, после чего подробно рассказал, как можно воровать в соляном отделении, особенно если есть сообщник из числа соляных приставов.

Правда, Ржевский из этого рассказа ничего не понял. Понял только, что солеварение и оптовая продажа соли – это монополия государства, то есть руководят этим чиновники, а все доходы идут не частным лицам, а в казну, но в действительности в казну поступает мало, ведь у чиновников простор для воровства весьма велик. Все попытки глубже проникнуть в суть обернулись для поручика лишь тягостным ощущением, что вместо головы – пустой чугунный котёл.

Ощущение прошло только тогда, когда Акакий спросил:

– А может, нам того, по домам?

– По дамам?! – оживился Ржевский. – Ха, дружище! Эка на тебя действует водка! Вначале ты и слышать не хотел о женщинах. А теперь разохотился? Ну, можно и по дамам. Пойду спрошу хозяина кабака, где их найти... А денег, чтобы заплатить дамам за услуги, у тебя, конечно, нет? Ну, ничего: я угощаю, раз ты подал отличную идею.

– Нет-с, я имел в виду по домам, домой. Время совсем позднее, – бормотал Акакий.

Глава пятая, в которой герой подвергается серьёзным опасностям, и угроза женитьбы – не самая страшная из них

Под утро Ржевскому явилось чертовски странное сновидение. Привиделось, будто выходит он солнечным летним днём из церкви, а рукам отчего-то тяжело. Чёрт подери! Да он в ручных кандалах! Пригляделся, а на них крупно написано: «Узы брака».

Перед церковью толпится народ, стоит десяток пустых пролёток, украшенных цветами и лентами. Из толпы выходит Шмелин в парадном жандармском мундире:

– Ну что же ты, брат? Сажай новобрачную в экипаж.

Ржевский оглянулся вправо и влево, но жены нигде не увидел. «Может, сбежала?» – с надеждой подумал он, но тут где-то рядом, за спиной раздался голос:

– Поручик, я здесь.

– Где? – спросил Ржевский, оборачиваясь, но не увидел никого в белом подвенечном платье. Вокруг лишь какие-то господа и дамы – свидетели венчания.

– Да вот же, здесь я. Здесь, – продолжал голос, однако это ничему не помогало. Ржевский уже два раза обернулся кругом, но жены не увидел.

Меж тем свидетели и толпа перед церковью начали подозрительно таращиться на Ржевского. И с каждым мгновением всё больше.

– Да он сумасшедший! В жёлтый дом его! – раздалось откуда-то, и поручик понял, что если сейчас же не найдёт невидимую жену, то вправду будет отправлен в дом для умалишённых.

Эта мысль встревожила Ржевского так сильно, что он проснулся. Однако после пробуждения тревога не ушла, ведь сегодня предстояло ехать на обед к губернатору, а там, конечно же, всё обставят так, будто Ржевский – жених Тасеньки, официально принятый в доме.

Поручик с тоской взглянул на заиндевевшее окно, за которым занималась заря. А чем эта заря занималась – понятно: приготавлила день, когда Ржевский потеряет свободу и окажется связан с девицей, которая ему совсем не нравится.

«Что же делать?» – думал поручик. И тут ему пришла спасительная мысль: «А что если явиться на обед небритым, пьяным и всем хамить? Губернатор с племянницей разочаруются. Сами не захотят такого жениха!» Правда, было заранее досадно, что в таком виде придётся показаться и другим дамам, но свобода дороже.

С этой мыслью Ржевский велел Ваньке, чтобы подавал одеваться. От бритья отказался, но зубы всё-таки почистил – не смог удержаться.

Теперь предстояло самое сложное – напиться ровно до той степени, чтобы выглядеть пьяным, но не слишком потерять ясность мысли. Ведь по пьяни можно заварить такую кашу, что после придётся долго расхлёбывать.

Подобное случалось несколько раз, а особо примечательной стала история во время Заграничного похода, когда Мариупольский гусарский полк квартировал в пригороде Парижа. Помнится, Ржевский напился со скуки и именно тогда подвернулся ему французик, который долго жил в России, но после войны двенадцатого года вернулся на родину.

Причина возвращения выяснилась во время разговора в ближайшем кабаке – французик оказался пламенным патриотом Великой Франции, но после нашествия французов на Россию этот патриотизм пришёлся русским не по вкусу.

Ржевский тоже скривился, словно от кислоты, и решил напомнить собеседнику, как русские и лично он, Ржевский, надрали задницу Наполеону и всей его Великой армии. Правда, горячительное способствовало особому красноречию, поэтому рассказ о военных победах получился в таких выражениях, будто речь не о битвах, а об эротических приключениях.

Французик, не очень хорошо знавший по-русски, всё понял превратно. Всё! Даже такие невинные фразы, как «зашёл французу в тыл», «взял его тёпленьким», «не удовлетворился этим», «занял господствующую позицию» и «французский артиллерист явно позабыл смазать ствол». Всё это, сдобренное изрядной порцией русского мата, французика просто ужаснуло.

Ржевский, видя, что со слушателем что-то происходит, поначалу принял его ужас за возмущение и полусхутом предложил стреляться с пятнадцати шагов.

– Пятнадцать шагов?! – вскричал французик. – Да я к вам даже на пушечный выстрел не подойду, месье! Вы страшный человек! – с этими словами он выбежал на улицу и больше Ржевский его не видел, однако вскоре все дамы и девицы, проживавшие поблизости, перестали обращать на поручика внимание.

Оказалось, что все они думают, будто Ржевский интересуется не женским полом, а мужчинами, и особенно – бывшими солдатами наполеоновской армии. А ещё через некоторое время товарищи по полку начали жаловаться Ржевскому, что о них местные красавицы того же мнения, потому что Ржевский, рассказывая, как надирал задницы французам, не раз упомянул, что его сослуживцы тоже в этом участвовали.

В общем, поручику было ужасно неудобно перед товарищами, и повторения таких историй он не хотел. Но, несмотря на сомнения, следовало действовать решительно, поэтому Ржевский решительно спустился на первый этаж гостиницы и решительно заявил хозяину, стоявшему за прилавком в зале:

– Водки! Большой штоф!

Хозяин, за минувшие дни успевший решить, что господин офицер не пьёт и потому не может служить источником обогащения, ужасно обрадовался. Так обрадовался, что даже подал закуску, которую Ржевский не заказывал.

– За счёт заведения, – радостно сообщил хозяин в ответ на вопросительный взгляд поручика, заметившего на столе квашеную капусту, огурцы, солёные грибы, три пирожка с неизвестной начинкой и четверть холодного поросёнка.

К столу подсел Ванька, сглотнул слюну, и только теперь Ржевский вспомнил, что слугу надо кормить. Вздохнув, поручик широким движением руки подвинул все тарелки к нему. Поскольку Ржевский собирался напиться не для удовольствия, то закусывать было нельзя. Иначе эффект будет не тот.

* * *

От водки, выпиваемой небольшими порциями в течение нескольких часов, эффект получился превосходный. Подъехав к парадному входу губернаторского дворца, Ржевский не смог самостоятельно подняться со своего сиденья. Пришлось звать на помощь Ваньку, который, покинув место кучера, протянул господину руку и вытянул из санок, как тянут из земли репу.

Слегка оскользнувшись на крыльце, поручик вошёл в переднюю, там ещё раз оскользнулся на мраморном полу, но ухватился за швейцара, пробормотал «прости, братец»,

и, набросив ему на голову свою шубу, начал взбираться по лестнице, напевая романс: «Братья, рюмки наливайте! Лейся через край, вино!»

Последние ступени Ржевский преодолел почти на четвереньках, затем выпрямился, и даже слишком – так, что чуть не завалился навзничь, – а затем проследовал за лакеем в обеденную залу, где, кажется, все уже собрались, но за стол ещё не садились. Поручик не успел это толком разглядеть, увидев, что на диванчике у стены под какой-то картиной вальяжно сидит чувственная блондинка с необычайно пышной грудью. Грудь, весьма приятной круглой формы, была, как две гири – и каждая по четверть пуда, не меньше.

Увы, на ней оказалось платье, то есть на блондинке, а не на груди, хотя можно сказать, что и на груди, ведь платье было дневное, то есть без декольте. Но тёмно-малиновый шёлк, из которого пошили платье, так туго облегал обе «гири», что казалось, вот-вот лопнет, обнажив потаённую красоту.

Из-за предвкушения от этой груди трудно было отвести взгляд, но поручик всё же сумел, поднял глаза чуть выше, к губам (а точнее – к пухлым нежно-розовым губкам) и уловил слегка рассеянную улыбку. Дама явно скучала в том смысле, который в это слово вкладывают гусары!

Забыв обо всём на свете, поручик подлетел к ней и, поймав её правую руку, с жаром приложился к самому основанию пальцев, хоть рука и была в перчатке.

Как и следовало ожидать, на указательном пальце под тканью перчатки прощупывалось гладкое обручальное кольцо ¹⁶¹. Значит, скучающая дама замужем! Прекрасно!

– Мадам, увидев вас, я будто увидел ангела! – воскликнул Ржевский. – Позвольте спросить: как вы здесь оказались?

– Я приглашена на обед к губернатору, – ответила дама.

– Какое совпадение! Я тоже! – воскликнул Ржевский и только тут сообразил, что забыл поздороваться с хозяевами дома, не говоря уже о Тасеньке.

Поручик сперва стусевался, но тут же подумал: «Оно и к лучшему. Ведь я собирался хамить, а тут само вышло».

– Добрый день, поручик, – раздался за спиной знакомый голос.

Ржевский обернулся через плечо и увидел губернатора:

– Князь Всеволожский! Добрый день! А я вас не видел. Куда же вы пропали?

– Не хотите поприветствовать мою супругу? – сухо спросил губернатор.

Поручик наконец отпустил руку незнакомой дамы, но губернаторшу, которая, помнится, была француженкой средних лет, не увидел:

– А где она?

Однако та обнаружилась сразу, как только Ржевский повернулся к губернатору всем корпусом, а не вполоборота. Оказалось, что всё это время она стояла рядом с мужем, просто угол обзора не позволял её заметить.

– Счастлив видеть вас, – произнёс поручик, прикладываясь к руке хозяйки дома, но позабыл, что сейчас стоит спиной к незнакомке в малиновом платье, продолжавшей сидеть на диванчике. Как только Ржевский нагнулся, его зад невольно оказался напротив её лица.

Незнакомка хмыкнула и стукнула поручика по заду сложенным веером. Ржевский, собравшийся было извиниться, теперь подумал, что всё идёт как нельзя лучше:

– Мадам, если я провинился, накажите меня по всей строгости! – воскликнул он, снова оборачиваясь к незнакомке. – Желательно – наедине.

Та явно поняла намёк и снисходительно улыбнулась, а затем поднялась с диванчика и

плавной походкой направилась в сторону какого-то престарелого усатого господина в зелёном генеральском мундире, стоявшего возле камина.

– Поручик, мне кажется, или от вас пахнет водкой? – всё так же сухо спросил губернатор.

– Не только пахнет – я её ещё и пил! – ответил Ржевский, снова поворачиваясь к нему.

– А зачем вы её пили, если вам предстоит обед у меня? – осведомился губернатор.

– О! Я как-то не подумал, что у вас тоже водка есть, – с нарочитым простодушием ответил Ржевский. – Но представьте меня вашей очаровательной гостье!

Всеволожский побагровел, но вдруг посмотрел куда-то за спину поручику и шумно выдохнул, сдерживая гнев:

– Хорошо. Только ради племянницы прощаю вам вашу выходку. – Губернатор подвёл Ржевского к престарелому усачу, всё так же стоявшему возле камина, и к пышногрудой блондинке в малиновом платье: – Генерал, познакомьтесь. Это Ржевский Александр Аполлонович, поручик в отставке...

Так поручика представили генералу Ветвисторогову, а блондинка в малиновом оказалась супругой генерала. Её звали Зоя Павловна.

«Генеральша Ветвисторогова! Так это её адрес мне дал Шмелин!» – вдруг вспомнил Ржевский, но не успел задуматься, как использовать этот козырь, потому что рядом раздался голос, слышанный во сне:

– Здравствуйте, Александр Аполлонович.

В обычных обстоятельствах услышать голос из грёз было бы приятно, но тот недавний сон был кошмаром, поэтому Ржевский вздрогнул:

– Здравствуйте, Таисия Ивановна.

И опять, как во сне, возникло ощущение, что он никак не может найти обладательницу голоса. Наконец Тасенька нашлась – под левым боком.

– Александр Аполлонович, пойдёмте, – сказала она, беря Ржевского под руку. – Одна дама очень хочет с вами познакомиться.

– Дама? – удивился поручик, оглядываясь на Ветвисторогову, но всё же позволил себя увести.

Тасенька повела его в другой угол обеденной залы, где в кресле сидела старушка лет восьмидесяти.

– Мы уже видались с тобой на балу, да толком не познакомились, – сказала старушка Ржевскому без всяких предисловий. – Ты лишь назвался и сразу пропал. Шустрый.

Поручик напряг память. Судя по всему, это была одна из тех старушек, сидевших в углу возле окна, которым он оставил Тасеньку после вальса. Других старушек не вспомнилось.

– Это моя бабушка, – пояснила Тасенька, представляя Ржевскому «даму».

Далее были названы имя, отчество и фамилия, но поручик запомнил только фамилию, потому что старушке она очень подходила – Белобровкина.

Тасенька меж тем добавила:

– Бабушка была знакома с самим Казановой. Даже уверяет, что у них был роман, когда Казанова приезжал в Россию. Это было шестьдесят лет назад, но бабушка до сих пор помнит.

– А вы знаете, что я водила знакомство с Казановой? – спросила старушка. – Ах, как он ухаживал за мной!

– Бабушка не очень хорошо слышит, поэтому иногда говорит невпопад, – тихо пояснила Тасенька.

– А ты, кажется, тоже дамский угодник? – Старушка кокетливо посмотрела на Ржевского.

Тот пожал плечами.

– Ага! – вдруг вскричал кто-то и панибратски хлопнул поручика по спине. – Давно не виделись! – Это оказался Бенский.

– Какими судьбами? – спросил Ржевский. – Здесь, кажется, обед только для своих.

– А я свой, – ничуть не смутившись, ответил Бенский. – Я родственник князя Всеволожского. – Он кивнул в сторону губернатора и назвал такую степень родства, которую в народе называют «нашему забору двоюродный плетень». Очевидно, Бенского позвали лишь затем, чтобы количество кавалеров и дам было равным.

Ржевский, вспомнив о том, что собирался вести себя неприлично, подумал: «Может, сейчас двинуть Бенскому в глаз?» Но Бенский, не будучи пьяным, мог легко увернуться, то есть достойной драки не вышло бы. Вышел бы только конфуз, а конфузиться не хотелось. Ведь поручик надеялся – несмотря на свой пьяный вид – впечатлить генеральшу Ветвисторогову, которая продолжала рассеянно улыбаться.

* * *

Сесть рядом с генеральшей Ржевскому, увы, не дали. Поручика усадили на длинном краю стола между Тасенькой и старушкой, а Ветвисторогова оказалась на противоположном краю – между мужем и Бенским. Губернатор уселся с торца, во главе собрания так, что Тасенька оказалась по левую руку, а генерал – справа. Губернаторша расположилась с другого торца и велела подавать обед.

На первое был куриный бульон с клёцками, а в качестве приправы – светская беседа.

– Думаю, господа, вы уже читали в газетах о том, что случилось в Петербурге, – произнёс Всеволожский, чтобы начать разговор. – Ужасно. Просто ужасно.

– Согласен, – ответил генерал. – Скверное дело. Устроили бойню посреди города.

– Это вы про то, что случилось на Сенной площади? – спросил Ржевский.

– На Сенатской площади, – поправил Бенский.

– Да, на Сенатской, – сказал Всеволожский и, повернувшись к Ветвисторогову, добавил: – Я рад, генерал, что мы одинаково смотрим на вещи. Поистине Николаю Павловичу не следовало начинать своё правление с кровопролития. Бойня. Настоящая бойня!

– Господа, это было на Сенатской площади, а не на Сенной, – громко сказала старушка Белобровкина.

– Да, теперь я знаю, – ответил ей Ржевский.

– Что? – не расслышала та.

– Знаю, что на Сенатской! – заорал ей поручик в самое ухо.

– Хорошо! – так же громко крикнула Белобровкина и удовлетворённо замолчала.

– Позвольте, – меж тем удивился генерал Ветвисторогов. – Но ведь бойню устроил не Николай, а бунтовщики, которые вывели солдат на площадь, тем самым сделав их пушечным мясом.

– Позвольте, – в свою очередь возразил губернатор. – Но ведь это Николай отдал приказ стрелять. И теперь его руки обгарены кровью невинных.

– Невинных бунтовщиков? – опять удивился генерал.

– Да. Невинных. Ведь они не сознавали, что делают. – Всеволожский вздохнул.

– Если вы про солдат, то соглашусь, – сказал Ветвисторогов. – Они думали, что

защищают права Константина Павловича на престол. Но заговорщики, которые вывели их на площадь, всё прекрасно сознавали.

– Нет, не сознавали, – скорбно покачал головой Всеволожский. – О, наивные мечтатели! Хотели всеобщей свободы и равенства! Хотели достичь этого без кровопролития, но кровь пролилась. И что же они получают теперь? Виселицу или сибирскую каторгу? Я искренне надеюсь, что Николай их всех простит – простит им этот невольный бунт, ставший следствием горячности их сердец.

Бенский решил встрять. Очевидно, чтобы в очередной раз поддеть поручика:

– Позвольте! Но если горячность сердца всегда приводит к бунту против монархии, то первый, кого следует заблаговременно отправить в Сибирь, это Ржевский.

– С чего бы?! – воскликнул поручик. – Я верноподданный!

– А я полагаю, что бунтовщики действовали весьма расчётливо, с холодной головой, – сказал Ветвисторогов.

– О! Не называйте их бунтовщиками! – запальчиво произнёс губернатор. – Они – пламенные патриоты. Только немного сбились с пути.

Ржевский, вспомнив о своём намерении хамить, обратился к губернатору:

– Раз вы им сочувствуете, значит, не зря у вас в библиотечном шкафу стоит голова ехидного старика Вальтера.

– Какого Вальтера? – не понял Всеволожский.

– Вольтера, – тихо поправила Тасенька.

– Ах, Вольтера! – хмыкнул губернатор, но замечание Ржевского ему не понравилось. – Да, я выступаю за свободу от тирании. И потому полагаю, что Николай должен всех простить. Так он покажет себя не тираном, а добрым государем, отцом-благодетелем.

– Но ведь заговорщики имели целью убить Николая, – заметил генерал Ветвисторогов. – Как же их простить? Чтобы они устроили новый бунт?

– Давайте сменим тему, – предложил губернатор. – Я пригласил вас, чтобы приятно отобедать, а этот разговор стал неприятен.

– Согласен, – кивнул генерал.

– Поддерживаю ваше решение, – сказал Ржевский.

– Господа, – громко произнесла старушка Белобровкина. – Этот разговор перестает быть приятным. Предлагаю вам сменить тему.

– Мы уже сменили, – ответил ей Ржевский.

– Что? – не поняла та.

– Уже сменили! – заорал ей поручик в самое ухо.

– Хорошо! – так же громко ответила Белобровкина и в свою очередь крикнула Ржевскому в ухо: – А о чём вы теперь говорите?!

Этот вопрос поставил поручика в тупик, но ненадолго.

– А давайте поговорим о позавчерашнем бале, – предложил Ржевский.

– Прекрасная тема! – одобрила Тасенька.

– Там ведь пытались отравить одного из гостей, – продолжал поручик.

– Даже такую прекрасную тему испортили, – недовольно произнёс Всеволожский.

– В самом деле, господа, – подала голос губернаторша. – Давайте оставим это. Делом занимается полиция. Что тут ещё сказать?

– А что? На балу кто-то пытался кого-то отравить? – заволновалась генеральша Ветвисторогова. – Это же ужасно! Я не знала. Значит, мы все были в опасности?

Ржевский, затаив дыхание, смотрел на её грудь, туго обтянутую шёлком платья. Грудь генеральши вздымалась от волнения, ещё сильнее натягивая ткань, и казалось, что теперь-то шёлк уж точно треснет, разойдётся, обнажив красоту. Но нет. Однако не следовало терять надежду! Особенно если сам можешь помочь мечте осуществиться.

– Насколько мне известно, сударыня, – начал Ржевский, – цель отравителя неизвестна. А это значит, что жертвой мог оказаться каждый. И даже вы!

Генеральша Ветвисторогова ахнула, а ткань платья на груди как будто затрещала.

– Даже вы! – повторил Ржевский. – Хотя мне сложно представить, что у такого ангела как вы могут быть враги.

Генерал Ветвисторогов нахмурился, а поручик продолжал:

– Имя отравителя тоже неизвестно. Неизвестный отравитель подсыпал яд в тарелку своей неизвестной жертве, но жертва по неизвестной причине не стала есть. Вместо неё отравился неизвестный лакей... то есть известный. Кажется, его зовут Федька, но это не важно. Он прислуживал за столом и решил съесть то, что не съели господа, поэтому отравился. Но не смог вспомнить, из чьей тарелки ел, поэтому имя жертвы неизвестно. А имя отравителя неизвестно потому, что он не пойман.

– Ах! Это ужасно! – снова воскликнула Ветвисторогова и ткань на её груди очень сильно натянулась.

Ржевский замер в сладостном предвкушении, однако Фортуна сегодня, судя по всему, была не в настроении помогать. Платье генеральши осталось целым.

– Поражаюсь вашей осведомлённости, Александр Аполлонович, – меж тем заметил губернатор. – Вы близки к тем, кто проводит следствие?

– Господин губернатор! – возмущённо воскликнул Ржевский. – С кем я близок, это моё личное дело!

– Да я не в этом смысле, – озадаченно пробормотал Всеволожский. – Как вы могли так превратно истолковать?

– Меня вчера допрашивали, – признался Ржевский. – Правда, допрашивали по другому делу, но после допроса у меня было такое чувство, как если бы мы со следователем стали ну очень близки. Когда следователь лезет без мыла во все дыры...

За столом повисла тишина. Дамы густо покраснели за исключением старушки Белобровкиной, которая, кажется, не расслышала последних слов. Она спросила:

– А по какому делу вас допрашивали?

– Да в связи с тем восстанием на Сенной площади, – ответил поручик.

– Сенатской! – Его поправили чуть ли не хором.

– В общем, позавчера на балу я познакомился с господином Никодимовым, – сказал Ржевский, – а он оказался связан с бунтовщиками. И меня допрашивали, чтобы выяснить, не бунтовщик ли я.

– Это безобразие! – воскликнула губернаторша. – Сегодня все темы неприятные. Давайте сменим тему.

– Согласен, душечка, – произнёс Всеволожский. – Давайте поговорим о чём-нибудь приятном.

– О дамах? – предложил Ржевский.

– Можно и о дамах, – вдруг подал голос Бенский и обратился к поручику. – Давно хотел вас спросить, Александр Аполлонович. Ходят слухи, будто вы после Заграничного похода женились. А жена ваша – кавалерист-девица Александра Азарова.

Чета Ветвистороговых, которым, конечно, сказали, что Ржевский – почти жених Тасеньки, весьма удивилась. Старушка Белобровкина осталась невозмутимой. Наверное, опять не расслышала. Губернатор переглянулся с супругой, а затем оба они посмотрели на Тасеньку.

– Александр Аполлонович, это правда? – дрогнувшим голосом спросила та.

Генеральша Ветвисторогова бросила на поручика неодобрительный взгляд, который будто говорил, что в жизни, конечно, всегда есть место обману, но надо же знать границы!

Ржевский поспешил оправдаться, ведь на этот раз Бенский пытался выставить его в дурном свете совершенно незаслуженно.

– Слухи врут, Сергей Сергеевич! – с видом полного превосходства заявил поручик. – Во-первых, это не я, а родственник мой – Дмитрий Ржевский. Во-вторых, он не женился, а был помолвлен. И, в-третьих, кавалерист-девица вовсе не Азарова, а Дурова. И звали её не Александрой, а Надеждой... Не знаю, на что надеялась эта Дурова, когда крутила с Дмитрием роман, но когда помолвку расторгли, девица сочла себя весьма обиженной.

– О! – Бенский притворился, будто не собирался никого порочить, и с самым невинным видом спросил: – А что же дальше? Кавалерист-девица вызвала вашего родственника на дуэль?

– Нет-с, – всё так же с видом превосходства ответил Ржевский. – Она села за мемуары и объявила: «Обо всех напишу, а про этого мерзавца ни словом не обмолвлюсь».

– А родственник ваш что? – спросила губернаторша, уже успевшая оправиться от потрясения.

– А ничего. – Поручик пожал плечами. – Он так и не понял, почему отсутствие его имени в мемуарах может быть обидно. Если хотят обидеть, то напротив – упоминают в мемуарах и выдумывают всякий вздор. А девица Дурова ничего не выдумала. Странная особа. В общем – Дурова и есть.

Ржевский улыбнулся собственному каламбуру, но в то же мгновение понял, что сам дурак. Только что был отличный шанс избежать помолвки! Следовало всё подтвердить, а не отрицать, ведь женатому нельзя жениться. А теперь шанс оказался упущен.

«Если б не водка, я бы соображал лучше», – упрекнул себя Ржевский.

– Господа, – бодрым и весёлым голосом произнесла Тасенька, – а я, кажется, знаю тему, которая всем понравится. Александр Аполлонович замечательно рассказывает о своих приключениях на войне. Пусть он нам что-нибудь расскажет. Вы же расскажете, Александр Аполлонович? – она легонько тронула Ржевского за руку.

«Как с женихом со мной обращается!» – подумал поручик, но был не в силах сказать «не трогайте меня, барышня» или как-то по-другому дать понять наглой девице, что её фамильярность неуместна. Когда она спросила, правда ли, что поручик женат, голос её так искренне дрогнул, что даже у бесчувственного чурбана сердце ёкнет. Подвергать Тасеньку новому испытанию сейчас было как-то стыдно.

– Александр Аполлонович, а ты что же, женат? – спросила Белобровкина.

– Нет, не женат! – заорал ей Ржевский. – Это всё слухи!

Меж тем совершилась перемена блюд. К столу подали утиное конфи, а если попростому, то тушёные утиные ножки с картофелем.

Также подали красное вино. И как ни пытался губернатор делать знаки лакеям, что поручику надо наливать поменьше, Ржевский вытребовал себе законную долю. Хватал лакеев за ливреи, кричал «эй, не жалеи!» и не отпускал до тех пор, пока бокал не оказывался

наполнен почти до самых краёв.

* * *

После первого же бокала красного вина, отлично дополнившего гостиничную водку, Ржевский подумал, что избежать помолвки ещё можно. Ведь губернаторша – француженка, и если, как все просят, рассказать что-нибудь о войне, то можно выбрать не просто занятную историю, а такую, где французы представлены в глупом виде. Губернаторше-француженке это не понравится. А если она будет расстроена, то и губернатор – тоже. И помолвка с племянницей губернатора отменится сама собой!

Конечно, поручик, ещё только собираясь на обед, решил хамить, но лишь теперь понял, как хамить и кому:

– Прежде, чем начать, господа, – обратился Ржевский к собранию, – мне нужно найти кого-нибудь, кто знает французский. Вы же знаете французский? – спросил он губернаторшу-француженку.

Та даже не сразу нашлась, что ответить.

– Да, – наконец сказала она по-русски.

– Прекрасно! – воскликнул Ржевский. – Тогда вы сможете меня поправить, если я стану не так произносить французские фразы.

– Но что у вас за история, поручик? – не выдержала Ветвисторогова.

– А история такая, – начал Ржевский. – Было это в ноябре двенадцатого года, после сражения на реке Березине. Наш полк преследует отступающих французов. Меня с отрядом посылают на разведку. По пути – деревенька. Заезжаем – ни души! На всякий случай осматриваемся. Вдруг из сарая вылезает француз, закутанный в лоскутное одеяло, на носу висит сопля...

Губернаторша с подозрением посмотрела на поручика. Судя по всему, настроилась обидеться, так что Ржевский готовился продолжать в том же духе, но услышал голос генеральши Ветвистороговой:

– Фи! Поручик, избавьте нас от таких подробностей.

Это был тяжёлый выбор! Разозлить губернаторшу означало в то же время потерять благоволение красавицы, которая по всем признакам была настроена изменять мужу. Но если не злить губернаторшу, то помолвка с Тасенькой становилась почти неизбежной.

Ржевский мысленно выругался.

– Сопля? – произнёс он вслух. – Я сказал «сопля»? Да нет же! Сабля! Сабля висела...

– На носу? – ехидно спросил Бенский.

– На боку! – ответил поручик. – На боку у него висела сабля. Но по всем признакам он не вынимал её из ножен очень давно.

Губернаторша слушала с благожелательной улыбкой, а вот Ветвисторогова отвлеклась, высказывая некое пожелание лакею.

Ржевский решил, пока она не слышит, снова попытаться испортить настроение губернаторши:

– А ещё, помню, шла от этого француза такая вонь!

Ветвисторогова обернулась к нему:

– Фи! Поручик, я же просила!

– А что я сказал? – Ржевский изобразил недоумение. – Шла от этого француза такая...

– Вы сказали «вонь», – напомнил Бенский.

– Нет, я хотел сказать: «Вон ту перечницу мне передайте, пожалуйста».

– А что же исходило от француза? – не отставал Бенский.

– Так я и говорю: шла от него такая... то есть окружала его такая... аура незащитности!

Дамы, и даже старушка Белобровника, сочувственно вздохнули.

– А дальше, – продолжал Ржевский, – простите, дамы, если что не так, но я не могу погрешить против истины. В общем, падает этот француз на колени перед мордами наших лошадей и кричит жалобно: «Я пердю и давлю комара». Я понять не могу, откуда комары. Ноябрь на дворе! И только после мне объяснили, что на французском языке «я пердю и давлю комара» означает «я потерял из виду моих товарищей».

– Же пердю дэ вю мэ камарад, – невозмутимо произнесла губернаторша.

– Вот-вот! – Ржевский кивнул и на всякий случай повторил. – Я пердю и давлю комара.

– Однако губернаторша осталась такой же невозмутимой и нисколько не обиделась из-за соотечественника, представшего в глупом виде.

Ветвисторогова снисходительно улыбнулась. Бенский хмыкнул.

– Так значит, вам повстречался француз, отставший от армии? – уточнил генерал Ветвисторогов.

– Именно! – ответил Ржевский. – Но говорил он почти по-русски. Ведь так и сказал: «Я пердю и давлю комара». Я спрашиваю: «Какого комара?» Он лопочет что-то. Я не понимаю, но вдруг слышу слово «литр».

– Возможно, он сказал «милитэр», – предположила Тасенька. – То есть «военный».

– Нет. Как после оказалось, военным он не был, – возразил Ржевский. – Но слово «литр» было. И тут меня осенило: «Да ты пьян, братец!» Он отрицает. «Не пьянист», – говорит.

Ветвисторогова снова улыбнулась снисходительно. Её муж хохотнул, Бенский опять хмыкнул, а Всеволожский лишь покачал головой.

– «Пьянист» – это тот, кто играет на фортепьяно, а не пьяница, – наставительно заметила губернаторша. Кажется, упоминание, что француз был пьян, её слегка покорибило, но не настолько, чтобы обидеться.

– А! – протянул Ржевский. – Теперь понятно, почему он тогда сказал: «Не пьянист. Актёр!» Я всё не мог взять в толк, как связаны пьянисты с актёрами. Разве актёры не пьют? А теперь ясно.

– Очень хорошо, что теперь вы всё понимаете. – Губернаторша довольно улыбнулась, а поручик едва смог выдать из себя ответную улыбку, потому что его план летел к чёрту.

Впрочем, следующая часть истории давала надежду, что благожелательное настроение губернаторши-француженки испортится.

– Короче говоря, – продолжал Ржевский, – я его спрашиваю: «Если ты актёр, а не солдат, то какого рожна тебе тут надо?» Он глаза выпучил: «Рожна, сильвупле».

– Может, «аржан», а не «рожна»? – спросила губернаторша.

Ветвистороговы и Бенский улыбались.

– Может и «аржан», – Ржевский снова кивнул. – Помню, он как-то странно произносил слово «рожна».

– Если так, то он просил у вас денег.

– «Аржан» по-французски «деньги», – тихо добавила Тасенька.

– Ах, вот в чём дело! – воскликнул поручик. – А я-то думал, что он на ссору нарывался, лез на рожон.

– Что значит «лез на аржан»? – удивлённо спросила губернаторша.

– Не «на аржан», а «на рожон», – поправил Ржевский. – Рожон – это кол или рогатина, которые нужны в охоте на медведя. Когда разъярённый медведь встаёт на задние лапы, ему в брюхо тычут этим колом или рогатиной, а другой конец упирают в землю. Медведь идёт вперёд, натывается на рожон и получает смертельную рану. Отсюда выражение «лезть на рожон».

– О! – воскликнула губернаторша. – Русский обычай! Как интересно! Я это запомню... Но что случилось с тем актёром?

– Я же говорю: мы его не так поняли, – продолжал объяснять Ржевский. – Я его спрашиваю: «Какого рожна тебе тут надо?» Он говорит: «Рожна, сильвупле». Товарищи мои спрашивают этого француза: «Ты что же? Сам на рожон лезешь? По мордам получить хочешь?» Он сначала вроде одумался. «Нет, нет, – говорит, – не по мордам!»

– Я почти уверена, что он сказал: «Же наве па дю мордан!» – произнесла Тасенька. – В переводе «я вовсе не язвлю вам» или «я на вас не нападаю». – Но Ржевский лишь отмахнулся:

– Товарищи мои успокоились, – сказал он, глядя на губернаторшу, – а затем этот актёр опять: «Рожна, сильвупле». В общем, решили мы отвезти его в штаб. Пусть там разбираются. А тот ехать не хотел. Ну, мы ему дали по мордам, чтоб не брыкался.

– Ах, не надо было! – всплеснула руками губернаторша. Но скорее испугалась, чем обиделась.

– Дали пару раз, и он затих, – добавил поручик, с надеждой глядя на собеседницу.

– Ах, как же так! – воскликнула губернаторша, но, увы, без всякого гнева.

– Зато в штабе, – продолжал Ржевский, – этот француз прижился. Там его лучше понимали и велели ему, раз уж он актёр, развлекать высокое начальство, которое как раз в штаб пожаловало. Ну, француз поставил пьесу «Голодный Наполеон в сожженной Москве». И главную роль исполнил. Я сам не видел, но говорили, что очень смешно. Особенно когда Наполеон восклицает: «Тут пердю!» А по-французски это значит: «Всё потеряно».

– Нет. «Тут э пердю», – поправила губернаторша.

Поручик покаянно склонил голову:

– Простите. «Тута пердю!»

Ветвисторогова продолжала снисходительно улыбаться. Её муж и Бенский веселились, хоть и старались сдерживаться. Губернатор сохранял бесстрастное лицо, будто говорил: «Если гостям нравится, то я готов слушать любую глупость». Но главное – губернаторша оказалась в числе тех, кому всё происходящее нравилось! Рассказ подошёл к концу, а рассердить её так и не удалось.

Она, видя, что поручик надолго замолчал, спросила:

– А что же дальше?

– Ничего. Больше я об этом французе ничего не знаю.

– Как жаль! – вздохнула губернаторша. – Очень интересный рассказ.

– Я надеюсь, – Ржевский решил прощупать почву, – что вас как представительницу Франции в этом рассказе ничего не обидело.

Француженка на мгновение задумалась.

– Если русские смеются над поверженным Наполеоном, – сказала она, – я могу это понять. Конечно, смеяться над побеждённым – не очень благородно, и всё же я могу это понять. Но скажите мне: по-русски слово «пердю» тоже что-то означает?

Губернатор встрепенулся:

– Душечка, это не столь важно, да и объяснять довольно долго. Лучше я тебе после расскажу.

Губернаторша не унималась:

– А слово «мордан» по-русски что-то значит?

Тогда Всеволожский решил пресечь беседу, обратившись к другой стороне:

– Александр Аполлонович, вы нас хорошо развлекли, но хватит о французах. Война давно окончена. Теперь Франция для нас не враг, а друг. Прошлое забыто. Мы не помним зла, и французы тоже стараются забыть, сколько разрушений принесли русские войска, когда воевали с Наполеоном в Европе, в том числе во Франции.

Поручик вдруг почувствовал, как внутри всё закипает:

– Мы помогали французам избавиться от Наполеона-узурпатора, который втянул их в войну со всем миром. Я за это свою кровь проливал, а теперь мне предъявляют счёт за разбитую посуду? Ну, уж извините, господин губернатор! Война есть война.

– Война – это кровь и смерть, – со вздохом произнёс Всеволожский.

– Наполеон об этом не думал, когда шёл на нас, – заметил Ржевский. – А как русские пришли в Европу, так все сразу вспомнили, что война – это страшное дело.

– И всё же русская армия нанесла Франции большой ущерб, и за это нам следует просить у французов прощения, – сказал губернатор.

Генерал Ветвисторогов недовольно нахмурился. Бенский начал беспокойно поглядывать на них, словно выбирая, чью сторону поддержать, если его призовут высказаться.

Дамы выглядели совсем растерянными. Кроме старушки Белобровкиной, которая, как всегда, не слышала больше половины разговора.

– Победили Наполеона, и слава Богу! – громко сказала она.

– Победили, но какой ценой! – заметил ей Всеволожский.

– Можем повторить-с, – сквозь зубы процедил Ржевский.

– Что? – теперь губернатор нахмурился даже сильнее, чем генерал Ветвисторогов минуту назад.

– Можем повторить-с, – уже громче и увереннее произнёс Ржевский.

– Ах, вот как?! – воскликнул губернатор. – Так вы, значит, Александр Аполлонович, оправдываете войну?

– А чего вы ждали от гусара? – спросил поручик.

– Гусара в отставке, – напомнил Всеволожский.

– Бывших гусар не бывает! И вообще я собираюсь вернуться в армию. – Поручик взял свой бокал, ещё наполовину полный красным вином. – За здоровье присутствующих дам! – И осушил до дна.

– Значит, вы не чувствуете никакой вины перед французами за то, что творили на их родине?

– Нет-с, – ответил Ржевский с нахальной улыбкой, прямо-таки излучая уверенность в себе. Он всегда обретал уверенность, когда не задумывался над тем, что делает и говорит.

Пожалуй, если бы поручик задумался, то смог предсказать, что случится, но он ни о чём не думал, поэтому дальнейшие события стали для него полной неожиданностью.

– Вон из моего дома, варвар! – закричал князь Всеволожский, вскакивая из-за стола.

– А? – Ржевский всё ещё не сознавал свалившегося на него счастья.

– Вон! – снова крикнул губернатор.

До поручика наконец дошло: назревающая помолвка с Тасенькой отменяется!

– С удовольствием, – сказал он и тоже поднялся из-за стола, но в ту же секунду обнаружил, что вино, выпитое после водки, нанесло двойной удар – разом ударило в голову и под колени. Устоять на ногах оказалось крайне трудно. Пришлось даже схватиться за край стола.

– Честь имею! – произнёс Ржевский, кивнул Всеволожскому и генералу, а затем по очереди всем дамам: Тасеньке, Белобровкиной, губернаторше и с особенным чувством – Ветвистороговой. Бенского забыл случайно, но когда вспомнил, не стал исправлять оплошность: «Чёрт с ним».

А затем пришла мысль, что надо бы закрепить успех, так внезапно достигнутый.

Снова повернувшись к губернатору, Ржевский произнёс:

– Ну ты и орёл, князь!

Князь Всеволожский и остальные оказались слегка озадачены. Поручик через мгновение понял свою ошибку:

– То есть... ну ты и осёл, князь! Мог бы сразу понять, что я – не либерал.

С этими словами Ржевский развернулся и шагнул прочь, но тут обнаружил, что, отпустив край стола, не выпустил из рук скатерть. Фарфор, хрусталь и серебро посыпались на пол с мелодичным звоном. Тасенька немелодично взвизгнула. Возможно, ей на колени что-то упало. Старушка Белобровкина ойкнула. Наверное, на неё тоже что-то свалилось, но у Ржевского имелись заботы поважнее – как бы добраться до своих санок и не упасть, особенно на ступеньках, а то ещё распространятся слухи, что губернатор спустил его с лестницы. Нет, этого никак нельзя было допустить!

Уходить надо красиво, поэтому поручик пытался придать своей походке столько красоты, сколько возможно в нынешнем состоянии.

* * *

Добравшись до гостиницы, Ржевский кое-как поднялся в номер, повалился на кровать и провалялся так до самого вечера, то засыпая, то просыпаясь и счастливо похихатывая, ведь обед у губернатора прошёл почти идеально. Конечно, было жаль, что не удалось как следует поухаживать за генеральшей Ветвистороговой, ну да ладно.

И только тогда, когда за окнами сгустилась темнота, а Ванька зажжёт свечи, поручик вдруг резко оторвал голову от подушек и воскликнул:

– Чёрт побери!

Ведь свидание с Софьей предстояло вроде как сегодня! В полночь! А сколько оставалось до полуночи? И за это малое время следовало привести себя в порядок.

Ржевский, сев на кровати, подозвал Ваньку.

Тот подошёл, держа в руках канделябр.

Поручик с силой дыхнул; слуга сморщился, а огоньки свечей канделябра на секунду вспыхнули необычайно ярко и сильно. Очевидно, причиной тому были винные пары.

– Водкой от меня пахнет? – спросил Ржевский.

– Пахнет, – сокрушённо ответил Ванька.

В течение следующих двух часов Ржевский тщательно помылся, побрился, ещё раз почистил зубы, прополоскал рот одеколоном и намазал усы духами, а затем вновь облачился в гусарский мундир, проветренный на морозе.

Отражение в зеркале выглядело неплохо, но стоило только дыхнуть, как впечатление

портилось. На этот раз Ванька почти не скривился, но дамы к таким вещам более чувствительны и взыскательны, поэтому следовало предпринять ещё что-нибудь.

«А может, само исправится?» – с надеждой подумал Ржевский.

Он просидел в номере ещё около получаса, делая особое упражнение – как можно чаще вдыхая и резко выдыхая, чтобы весь запах «выдохся», а затем решил снова испытать удачу, но проверить себя не на Ваньке, а на другом человеке.

Спустившись на первый этаж гостиницы, в зал, поручик увидел полового:

– Эй! Человек! Челове-е-ек!

Половой почти сразу подскочил к нему и угодливо спросил:

– Водки?

– Нет, – досадливо ответил Ржевский и дыхнул: – Скажи-ка, пахнет ли от меня водкой.

– Есть такое. – Половой кивнул. – А надо, чтоб не пахло?

– Очень надо, – с чувством произнёс поручик.

– А вы, господин офицер, чесночком закусите, – посоветовал половой. – Средство верное.

Ржевский представил реакцию дамы.

– Нет, – сказал он, – только не чесноком! Уж лучше пусть пахнет водкой.

– Тогда огурчиков солёных скушайте, – предложил половой.

Совет оказался хороший, если не считать того, что запах солёных огурцов, не слишком подходящий для свидания с дамой, невозможно было перебить ничем. Оставалось лишь смириться.

И вот незадолго до полуночи Ржевский, от которого одинаково сильно пахло французскими духами и солёными огурцами, подъехал к дому Софьи Тутышкиной.

* * *

Как только санки остановились возле особняка Тутышкиных, Ржевский ещё раз нащупал в кармане ключ от задней двери, который дала Софья. Ключ от счастья! Если, конечно, даму не смутит запах огурцов.

«Пустяки! – ободрил сам себя поручик. – Скажу, что это модный парижский аромат. Ведь на счёт цветочного горшка она мне поверила».

Рассудив таким образом, Ржевский настолько уверился в успехе, что отрезал себе пути к отступлению. Выбравшись из санок, скинул шубу, которая явно мешала бы перелезть через забор, и велел Ваньке, чтобы ехал обратно в гостиницу. Нечего морозить коня.

– Вернёшься через четыре часа, – сказал поручик, а ведь случись что непредвиденное, он оказался бы один на холоде, даже без шубы, и ближайšie полночи не мог бы рассчитывать на помощь слуги. И всё же Ванька, зная, что его барин – человек рискованный, спорить не стал, поехал прочь, а Ржевский, напевая под нос романс «Ночною темнотою покрылись небеса», полез через забор.

Спрыгнув в снег, наваленный с внутренней стороны забора, поручик прислушался. Сторожевая собака гавкнула несколько раз, затем ещё несколько раз и ещё, но в итоге утомилась, потому что никто из людей к ней не вышел. Очевидно, все челядинцы крепко спали – холодной зимней ночью хочется именно спать, а не шастать по холоду, выясняя, чего это собака разлаялась.

«Все люди для покою закрыли уж глаза», – продолжал тихо напевать Ржевский всё тот же романс, выбрался из рукотворного сугроба и ещё раз ощупал в кармане ключ. Вещь была

на месте, да и чёрный ход нашёлся быстро, вполне ожидаемо оказавшись позади дома.

Ключ в замке повернулся почти бесшумно, но дверь всё же скрипнула, поэтому поручик, оказавшись в доме, выждал немного – может, кто-то всё же придёт проверить, что такое.

Никто не явился. «Все люди для покою закрыли уж глаза», – снова замурлыкал Ржевский, на ощупь нашёл лестницу и начал подниматься, ступая аккуратно и не на середину ступеньки, а ближе к перилам, ведь чем меньше доска ступеньки прогибается, тем меньше скрипит.

Почти бесшумно добравшись до покоев Софьи и уже готовясь постучать в дверь спальни, поручик снова замурлыкал: «Внезапно постучался у двери Купидон». И в этот самый миг за дверью послышались приглушённые голоса: мужской и женский.

Женский принадлежал Софье, а мужской – не её мужу, а кому-то другому, но этот голос тоже казался знакомым.

– Я не могу, – говорила Софья. – Не могу. Может, лучше ты сам?

– То есть я всё должен делать сам? – недовольно возразил ей мужчина. – Я делаю всё, ты – ничего, но счастье от того, что мы совершим, поровну? Да?

Софья промолчала.

– Нет, моя дорогая. Тебе тоже придётся участвовать.

«Ха! – подумал Ржевский. – А я вовсе не так требователен. Если дама в постели ничего делать не хочет – лишь наслаждаться, не имею ничего против. Я всё сделаю сам». У него даже подозрения не возникло, что собеседники могли обсуждать что-то другое.

– Мне вдруг стало его жалко, – сказала Софья.

«Кого ей жалко? Меня?» – Теперь Ржевский чувствовал возмущение. Он уже успел сообразить, что прийти следовало завтра ночью, а не сегодня.

Да, теперь поручик вспомнил: Софья, назначая ему свидание, сказала «послезавтра», а не «завтра». А всё потому, что на сегодняшнюю ночь назначила свидание другому любовнику, который сейчас разговаривал с ней в спальне!

Вспомнились слова Тасеньки, сказанные на балу: «Госпожа Тутышкина уже не первый год изменяет мужу с одним и тем же любовником».

«Значит, вот как! – мысленно кипел Ржевский. – Она наставляет мужу рога с другим, а меня ей жалко?!» Поручику, не сомневавшемуся в своей значимости, всегда казалось, что если где-то о ком-то говорят, то о нём, Ржевском! А о ком ещё?

– Жалко этого старого пердуна? – спросил мужской голос.

«Разве я стар? – удивился Ржевский. – Да мне ещё и сорока нет». Но слово «пердун» живо напомнило ему недавний обед у губернатора, где звучала история со словом «пердю».

«Погодите-ка, – вдруг подумал поручик. – Я знаю, чей это голос. Бенский! Значит, он – постоянный любовник Софьи».

Да. Всё указывало на это. Недаром же Бенский на балу так нагло говорил Софье комплименты, оправдываясь тем, что, дескать, друг семьи Тутышкиных.

«И теперь ясно, – продолжал рассуждать Ржевский, – отчего Бенский всё время стремится очернить меня перед Софьей и другими дамами. Я же вторгся в его владения!»

Правда, всё ещё оставалось непонятным, почему Бенский считал Ржевского старым пердуном, если они – ровесники, но Ржевский не стал над этим размышлять и просто открыл дверь.

* * *

– Кого это вам жалко, сударыня? – небрежно спросил поручик, входя в спальню, освещённую лишь одной свечой – на туалетном столике.

Софья в сорочке и пеньюаре стояла посреди комнаты. Увидев неожиданного гостя, тихо вскрикнула.

Ржевский, несмотря на полумрак, оценил завлекательный облик дамы, а затем обратил внимание на её кавалера, вальяжно сидящего в кресле – без фрака, но, к счастью, не в белье. Видеть Бенского (а это был именно он) в раздетом виде Ржевскому не хотелось бы. А то ещё приснится!

Меж тем вальяжная поза Бенского сменилась напряжённой:

– Что-о-о? – прорычал он, но всё же достаточно тихо, чтобы не разбудить весь дом. – Это что такое?

– Так кого же вам жалко, сударыня? – повторил Ржевский.

– Ты всё слышал? – в отчаянии прошептала Софья.

– Да-да. – Ржевский оставался таким же небрежным. – Но я так и не понял, кого вам жалко.

– Мужа, – пролепетала дама.

Ржевский растерялся. Только что он чувствовал обиду, считая, что Софья лишь жалеет его, но теперь оказалось, что жалкая роль досталась не ему, а Тутышкину. Это же совсем другое дело! Быть жалким поручик не мог себе позволить, а вот измену дамы, не являющейся его женой, готов был простить.

«Если женщина много лет встречается с одним любовником, то отвязаться от него не так просто. Вот и не смогла в одночасье порвать старые связи», – подумал Ржевский, глядя на Софью, которая теперь была не просто в смятении, а в ужасе. Она, конечно, вообразила, что роман со знаменитым поручиком окончен, и поэтому пришла в ужас, бедняжка. Или она не поэтому так испугалась?

Софья смотрела в сторону кресла, где сидел Бенский, а когда поручик тоже посмотрел туда, то обнаружил, что соперник успел не только подняться на ноги, но и откуда-то вынуть небольшой пистолет. Такие обычно используют путешественники, если боятся грабителей.

«Заряжен или нет?» – думал Ржевский. Шансы на то и другое были равные, а Бенский начал целиться.

– Если вы намерены устраивать дуэль, то лучше не здесь, – сказал поручик. – Переполошите весь дом.

– Значит, вы всё слышали? – вместо ответа спросил Бенский.

– Слышал, – спокойно произнёс поручик. Он прекрасно понимал, что собеседник взбешён, то есть может совершить что-то, о чём позже пожалеет.

Сохранять спокойствие было всё труднее, но тут Ржевский, как часто бывало с ним в минуту опасности, поймал кураж.

– Вы неподобающе обращаетесь с дамой, – заявил он Бенскому. – Если дама не хочет что-то делать, вы не вправе её заставлять. – Собеседник собрался возразить, но поручик заговорил снова: – Да-да. В таких случаях всякий уважающий себя мужчина должен сделать всё сам ради её удовольствия, а если вы не хотите, то я охотно займу ваше место.

– Что? – Бенский усмехнулся. – Займёте моё место? Значит, хотите жениться на Софье?

Вот теперь Ржевский по-настоящему испугался. Только отвертелся от одной женитьбы, а тут другая!

– Я... Я не думал об этом, – пробормотал поручик. – Софья ведь пока что замужем.

– Даже если завтра овдовеет, не надейтесь, – с угрозой сказал Бенский, но для Ржевского эти слова прозвучали не угрожающе, а успокаивающе.

«Значит, не женюсь», – с облегчением подумал поручик, а Бенский продолжал:

– Нас с Софьей слишком многое связывает. А если захотите предать огласке то, что видели и слышали здесь, я вам не позволю. Давайте-ка выйдем на улицу.

Ржевскому вдруг показалось, что он превратно понял суть подслушанной беседы, и что речь шла совсем не о постельных утехах. На секунду появилась престранная идея, что Софья и Бенский обсуждали убийство господина Тутышкина: Софья отказывалась участвовать и говорила, что ей жалко мужа, а Бенский не хотел совершать преступление в одиночку.

А что если в той солонке действительно был яд, и Софья на празднике у губернатора собиралась травить мужа у всех на виду, но когда отравление не удалось, передумала, начала сомневаться. И вот разговор об этом преступном замысле оказался подслушан! Оттого Бенский и схватился за пистолет. А теперь хотел вывести случайного свидетеля на улицу, чтобы там застрелить?

«Нет, вздор, – одёрнул сам себя поручик. – Софья – ангел, хоть и изменяла мне. А Бенский сейчас просто защищает честь дамы. Он же сам только что сказал, что не хочет огласки».

– Давайте-ка выйдем, – твёрдо повторил Бенский.

– А я не хочу ничего предавать огласке, – ответил ему Ржевский. – Я лишь хочу сказать, что если вы попытаетесь принуждать даму, то она всегда может обратиться ко мне. Я в отличие от вас готов всё сделать сам.

– Даже если нет шанса жениться? – спросил Бенский.

– Даже в этом случае.

– Но без женитьбы вы не сможете пожинать плоды от своей любезности.

– Ещё как смогу, – возразил Ржевский, хотя ему опять на мгновение показалось, что речь не о постельных утехах. Бенский как будто говорил о том, что после смерти Тутышкина можно жениться на Софье как на богатой вдове. А если Ржевский не сможет жениться, то делать Софью вдовой нет смысла.

«Вздор. Вздор», – в очередной раз повторил себе поручик и даже тряхнул головой, как от наваждения.

Меж тем Софья удивилась не меньше Бенского:

– Саша, ты правда готов сделать всё сам?

– Ради тебя я могу и больше, – ответил Ржевский, и опять появилась навязчивая мысль, что произошло недоразумение: «Что это я? Сам только что вызвался убить Тутышкина?» Поручик снова тряхнул головой, повторяя про себя: «Вздор».

– Правда? – ещё раз спросила Софья. – То есть ты хочешь, чтобы я принадлежала тебе, даже если ты не сможешь жениться?

– Да.

– И не чувствуешь ко мне отвращения даже после того, как...

– ...застал в твоей спальне вот этого господина? – докончил Ржевский. – Софи, я готов тебя простить. А с этим господином мы разберёмся после.

– Что значит «после»? – вскинулся Бенский. Рука с пистолетом сделала резкий взмах, и Ржевский прынул в сторону, пытаясь избежать пули, если оружие всё-таки выстрелит.

К счастью, выстрела не последовало.

– Нет, давайте разберёмся сейчас, – решительно произнёс Бенский.

– Если вы настаиваете, – ответил Ржевский. – Я бы многое мог вам сказать, господин Бенский, но скажу одно: буду признателен, если вы более не станете посещать спальню Софьи.

– Даже в качестве мужа? – уточнил Бенский.

– Да, даже если женитесь, – сказал поручик.

Собеседник поднял брови.

– Ого! Смелое требование! А взамен вы, поручик, обещаете сделать всё сами?

– Да!

Бенский почему-то сразу согласился, опустил пистолет:

– Поручик, если вы сделаете, как обещали, то я со своей стороны обещаю в спальню Софьи не приходить. Несмотря на то, что нас с Софьей многое связывает.

Ржевский не мог поверить, что дело решилось настолько просто. В этом чудился подвох, но упускать удачу, которая сама идёт в руки, не следовало.

– На том и согласимся, если у дамы нет возражений, – сказал поручик.

Софья, чуть помедлив, молча кивнула и продолжала смотреть на Ржевского с радостным удивлением.

Бенский тоже смотрел на Ржевского и, наверное, подобно поручику подозревал подвох. Поэтому спросил:

– Вы действительно хотите сделать всё сами?

– Разумеется!

– Но как именно вы это сделаете?

Ржевский не понял, почему Бенского волнуют столь интимные подробности:

– Что за вопрос! Это вас не должно касаться.

– Вам даже солонка не нужна? – спросил Бенский, надевая фрак и убирая пистолет куда-то во внутренний карман.

«А откуда он знает о солонке? – удивился Ржевский. – Ведь на празднике, когда Софья спрятала солонку в ридикюль, Бенского за столом ещё не было. Софья тогда обмолвилась, что возьмёт солонку на память о приятном обществе, то есть обо мне. Но если вещь взята на память обо мне, зачем Софья рассказала всё Бенскому?»

Поручик не стал об этом задумываться, вспомнив о другом своём соображении: если в солонке яд, но насыпала его туда не Софья, а некий злодей, то Софья, ничего не знающая об этом и забравшая солонку, может случайно отравиться.

Чтобы лишний раз не волновать даму, Ржевский решил просто взять опасную вещь себе.

– Кстати, Софи, – сказал он. – Может, ты отдашь мне солонку? Ту, из сумочки.

Софья даже не спросила, зачем, а подошла к секретеру, открыла один из ящиков и вынула оттуда нечто, завернутое в белый носовой платок.

– Возьми, Саша, – сказала она, отдавая свёрток поручику.

– Солонка внутри? – на всякий случай уточнил Ржевский.

– Да.

«Надо же, как Софи заботится о вещи, которая напоминает обо мне», – подумал поручик, пряча свёрток в карман. К тому же благодаря платку можно было не беспокоиться, что содержимое солонки, что бы в ней ни было, попадёт на руки.

Вдруг за дверью послышался девичий голос:

– Барыня!

Софья, ещё мгновение назад казавшаяся немного рассеянной из-за всего случившегося, сразу подобралась, решительным шагом подошла к двери, открыла её и спросила:

– Что тебе, Маша?

– Барыня, тут у вас очень шумно, – сказала девица, судя по всему – горничная. – Барин проснулся, позвал лакеев. Хотят идти к вам и посмотреть, что случилось.

– Придётся выбираться через окно, – сказал Бенский.

Горничная услышала и возразила:

– Незачем. Через чёрный ход пока можно.

Никакого удивления она при этом не выказала. Очевидно, знала, кто в гостях у её хозяйки. Однако девушка сильно изумилась, когда вслед за Бенским из спальни вышел Ржевский.

– После будешь удивляться, – бросил ей Ржевский, торопливо спускаясь по лестнице вслед за Бенским.

Оказавшись во дворе, поручик также вслед за Бенским перелез через забор, и вот тут едва не произнёс вслух: «Чёрт побери!» Лишь теперь вспомнилось, что Ваньке велено приехать в конце четвёртого часа ночи. Но было только полпервого. В лучшем случае час. И даже шуба осталась в санках! А вот Бенского ждала небольшая карета на полозьях, то есть возок.

Ржевский проследовал за Бенским к двери возка. Совершенно некстати вспомнилась очередная строка из романса о ночном госте Купидоне: «Впусти, обмёрзло тело». Эти слова в романсе произносил Купидон, страдающий от непогоды на улице, но если крылатый стрелок слегка лукавил, желая под любым предлогом пробраться в дом, то Ржевский буквально чувствовал, что замерзает, и что через час превратится в обледенелую статую «Поручик Ржевский под окном дамы».

Поручик кашлянул и как можно вежливее произнёс:

– Не откажите в любезности. Подвезите меня до гостиницы.

– Садись, – ответил Бенский.

Ржевский не помнил, когда они успели перейти на «ты», но сейчас вряд ли следовало спрашивать. В возке было тепло, а на улице – чертовски холодно.

– А дело ведь не только в Софье? – спросил Бенский, когда возок тронулся.

– Что? – не понял Ржевский.

– Размышляю, почему ты вызвался всё сделать сам, – пояснил Бенский. – Похоже, неприязнь к Тутышкину у тебя весьма сильна. Сильнее, чем я полагал.

Ржевский не очень понял, почему речь зашла о Тутышкине, но беседу с Бенским, который так любезно согласился подвезти недавнего соперника, следовало поддержать.

– Тутышкин – свинья, – ответил поручик.

– И мир ничего не потеряет, если этот господин отправится к праотцам? – спросил Бенский.

– Решительно ничего, – твёрдо произнёс Ржевский, хотя всё ещё не понимал, к чему эта беседа.

Не понял он и тогда, когда возок остановился возле гостиницы и Бенский сказал на прощание:

– Надеюсь, Тутышкин умрёт в ближайшие дни.

Глава шестая, в которой герой получает сразу три письма от разных дам и оказывается в тупике

Поутру Ржевский проснулся почти без головной боли, но жажда мучила зверски. В номере было всё так же холодно, как и всегда, поэтому поручик, не вылезая из-под одеяла, крикнул:

– Ванька, квасу!

Сундук, на котором обычно спал слуга, по-прежнему стоял в углу, но сам слуга куда-то делся. Значит, время было не слишком раннее.

– Ванька! – снова крикнул Ржевский. Не получив никакого ответа, он уже начал беспокоиться, что придётся отправиться на поиски кваса самому, но тут Ванька появился в дверях.

Услышав про квас, слуга снова скрылся, и прошло ещё много томительных минут прежде, чем поручик приложился к вожделенной кружке. О! Наслаждение! Блаженство! Почти такое же, как обладание женщиной. О! Ах! Ммм!

– Кхм, – кашлянул слуга.

Ржевский не стал бы прерываться из-за такой малости, но кружка опустела, поэтому он наконец посмотрел на Ваньку и спросил:

– Чего тебе?

– Вам тут пижут, – ответил слуга, и только тогда поручик заметил, что Ванька протягивает ему медный поднос, но вовсе не затем, чтобы барин поставил туда пустую кружку. На подносе лежали три письма и одна записка.

Мысль о том, что придётся что-то читать, то есть напрягаться, складывая буквы в слова, вызвала боли в затылке. И всё же следовало узнать, что пижут, поэтому Ржевский начал с самого короткого послания – с записки.

Развернув сложенный вчетверо лист, поручик прочёл:

«Александр Аполлонович,

я сердечно рад обнаружить в Вас истинную любовь к Отечеству, а также прямоту взглядов и смелость в отстаивании оных. Сие в нынешние времена – большая редкость, а потому милости прошу сегодня отобедать в моём доме в три часа пополудни.

С уважением,

Ветвисторогов

P.S. Дом мой найти легко. Вам его всякий человек укажет».

Кажется, Фортуна опять постаралась, хоть было и не совсем ясно, собирается ли присутствовать на обеде генеральша, и что она думает о мужнином госте.

Размышляя об этом, поручик вскрыл одно из писем – маленький конверт, от которого исходил сильный запах роз, и в конверте нашёл ответ на все вопросы:

«Александр,

если Вы уже прочли записку от моего мужа, то знаете, что сегодня Вам надлежит у нас обедать. Не скрою, я этому рада. В доме губернатора Вы произвели на меня весьма приятное впечатление, и всё же я бы предпочла, чтобы на этот раз от Вас водкой не пахло. Будьте молодцом, во время застольной беседы во всём соглашайтесь с моим мужем, а если я стану с ним спорить, принимайте его сторону, а не мою – это очень важно! Сделайте, как я прошу, и тогда сможете рассчитывать не только на обед в нашем доме, но и на особенный десерт от

меня.

С надеждой на более близкое знакомство,
Ветвисторогова».

Ржевский почесал в затылке. «Особенный десерт от генеральши – это, конечно, хорошо. Но вот удастся ли её соблазнить?»

Ещё одно письмо оказалось от Софьи. Она сообщала, что её муж отправился на службу в казённую палату и вернуться должен был не ранее половины третьего.

«Приезжай сразу, как сможешь, – просила Софья. – Я чувствую себя виноватой перед тобой за вчерашнее, поэтому не могу ждать до полуночи, когда у нас назначено свидание. Ты ведь помнишь о нём? Приезжай сейчас же, Сашенька, я жду тебя.

Твоя Софи».

– Ванька, а который сейчас час? – спросил Ржевский.

– Да уж, поди, половина двенадцатого.

– Что?!

Армейская привычка быстро собираться по сигналу тревоги сослужила отличную службу. Через четверть часа Ржевский стоял посреди комнаты, успев и умыться, и побриться, и одеться. Кудрявый вихор надо лбом лихо завивается кверху, усы торчат, зубы и сапоги начищены до ослепительного блеска. В общем, поручик был готов к баталиям всякого рода.

Ванька, человек невоенный, так быстро собираться не умел. Пока тот копался, Ржевский даже успел вскрыть третье письмо. Правда, читать не стал, потому что оно было ужасно длинное – лист, исписанный с обеих сторон мелким почерком. Да и полезность чтения была под вопросом, ведь в конце стояла подпись совсем не знакомой дамы – некоей Сесиль де Воланж. Судя по имени – француженка, но не жена губернатора, потому что губернаторшу звали иначе.

Разбираться было некогда, да и Ванька наконец запряг коня, и санки поручика отъехали от гостиницы в направлении дома Тутышкиных. А ещё через четверть часа рысак, весь дымящийся, подвёз санки к уже знакомым воротам.

Стучать даже не пришлось. Из ворот выглянула горничная Маша, держа в руках старый женский тулуп и цветастый платок.

– Накиньте, чтоб через двор пройти, – сказала горничная поручику.

Тот повиновался, и вот его повели через двор к чёрному ходу и далее уже известным путём в спальню хозяйки дома.

– Саша, ну наконец-то! – воскликнула Софья, видя любовника, закутанного по самые усы, но всё же узнаваемого.

Судя по всему, дама действительно долго ждала, потому что в процессе ожидания успела почти полностью раздеться. Скинув с себя остатки стыдливости, а именно – пеньюар, дама страстно впилась поручику в губы.

* * *

Баталия у Софьи и Ржевского получилась жаркая. Очаровательный противник сперва был оттеснён Ржевским к кушетке и повержен на неё. Однако поручик счёл позицию для последующей атаки не совсем удобной, поэтому заставил противника перегруппироваться так, что стало можно зайти с тыла. Но и эта позиция скоро была оставлена, а театр военных действий переместился в постель.

Переход от кушетки к кровати был долог и труден, сопровождаемый целым рядом мелких стычек, ведь обе стороны жаждали решающей схватки и едва могли сдерживаться. Но в то же время было очевидно, что вражеская армия заманивает Ржевского вглубь своей территории.

В начале финального сражения, происходившего уже в кровати, противник решил перехватить инициативу, и поручик позволил – вплоть до того, что неприятельская сторона на некоторое время буквально одержала верх и с высоты своего положения смотрела на Ржевского затуманенным от страсти взором. Но это продолжалась недолго – Ржевский снова захватил инициативу.

Финальная атака, сопровождаемая криками противника, готового капитулировать. Залп. И всё стихло.

– Саша, – прошептала Софья, немного отдышавшись, – а ты хочешь на мне жениться?

Ржевский, откинувшись на подушки и вытянув ноги, уже собрался задремать, но теперь сон как рукой сняло: «Что?! Опять?! Вчера же решили, что не женюсь».

– Ну, скажи, – не отставала Софья, повернувшись на бок, в сторону собеседника.

– Софи, я же... мы же... ты же...

– Да, вчера ты сказал, что не думал об этом, – продолжала Софья, – но с тех пор прошла целая ночь и утро. Я уверена, у тебя мелькала мысль, как нам было бы с тобой хорошо.

– Нам и сейчас хорошо, – ответил поручик.

Софья тихо рассмеялась.

– Шутник! Но ты же понимаешь, что я имела в виду.

– Софи, ты же замужем.

– А когда стану вдовой, что ты скажешь?

– Ведь Бенский хотел на тебе жениться...

– А ты вчера дал ему честное слово, что не будешь препятствовать, – dokonчила Софья.

– Да, я дал ему честное слово, – твёрдо произнёс Ржевский, – и, уж прости, намерен это слово сдержать.

Поручик полагал, что такая отговорка станет надёжной защитой от каприза Софьи, а все её рассуждения о свадьбе он считал именно капризом. Женщины так стремятся выйти замуж, что, даже будучи замужем, всё равно хотят выйти замуж. Вот и Софья хотела. Так считал Ржевский и поэтому несколько не удивился, когда услышал:

– А если я выйду за Бенского и снова овдовею?

Ну да. Софья, как и многие женщины, считала, что чем больше свадеб, тем лучше.

– А с чего Бенскому умирать? – спросил поручик, чтобы поддержать разговор. – Ему до старости ещё далеко.

– Ну-у-у, – мечтательно протянула Софья, – мало ли из-за чего можно умереть. И я опять стану свободна. Ты только подумай, Саша, как нам будет хорошо вместе.

«Экая фантазия!» – подумал Ржевский. Он не раз слышал подобное от других замужних красавиц и отчасти потому не хотел жениться. Когда речь о любовнике, женщина мечтает быть с ним вместе навсегда, а когда речь о муже, женщина мечтает поскорее стать вдовой.

– Кстати, на счёт «хорошо», – сказал поручик, всё так же лёжа на спине и глядя на ту часть своего тела, которая в отличие от рук, ног и туловища приняла положение вертикальное, а не горизонтальное. Он перевёл взгляд на Софью. – Мадам, позвольте пригласить вас на галоп.

– О! – воскликнула дама и быстро заняла положение наездницы.

Скачка была отчаянная и как нельзя более соответствовала выражению: «Конь бежит – земля дрожит». От неё и впрямь дрожала земля, а точнее – кровать.

Затем поручик приподнялся на локтях и согнул ноги в коленях, чтобы дать возможность своему коню подскакивать выше. Чем выше прыгает конь, тем меньше препятствий на пути к блаженству!

После этого задрожал прикроватный столик и канделябр на нём. Задрожала ширма для переодевания. Под конец задрожал и платяной шкаф.

Полотно рядом – портрет некоей дамы в напудренном парике – слегка покосилось. Дама в свою очередь покосилась на кровать и на происходящее там.

Маятник часов, стоявших на камине, как будто пытался раскачиваться в такт. Быстрее, быстрее, медленнее, быстрее, быстрее, быстрее. Цель скачки стремительно приближалась.

Перед глазами наездницы, должно быть, всё смешалось, потому что она предпочла их закрыть.

Последний, резкий скачок. Цель достигнута! А когда наездница ахнула и соскочила с коня, конь тут же упал.

– Уф. Доскакали, – блаженно прошептала Софья.

Маятник как будто замер, а затем вздрогнул от вскрика испуганной дамы.

– Боже мой! – воскликнула она. – Уже половина третьего. Сейчас придёт муж!

* * *

Поручик Ржевский слыл дамским угодником заслуженно, поскольку его при желании хватало на всех дам. Но, разумеется, при желании поручика, то есть его хватало на всех дам, которых он желал. А если говорить о желании дам, то Ржевского никак бы не хватило, даже если бы тот мог раздвоиться или расстроиться. Ведь дам, желающих поручика, насчитывались миллионы! И это только по самым скромным подсчётам.

К счастью для генеральши Ветвистороговой она была не только одной из тех дам, которые желали поручика, но одной из тех, кого желал поручик. Поэтому, когда Ржевский явился обедать к Ветвистороговым, генеральша по его страждущим взглядам никак бы не догадалась, что он уже в некотором роде пресыщен.

Три часа пополудни – слишком раннее время, чтобы показывать декольте, поэтому Ржевскому опять не удалось увидеть мадам Ветвисторогову во всей красе, но её шёлковое платье – на этот раз нежно-голубое – обрисовывало грудь ещё лучше, чем в прошлый раз. Ткань на груди натянулась так, что среди бантиков и пуговичек даже проступали очертания кружев белья.

Единственное, что мешало наслаждаться обществом такой дамы, было присутствие ещё одного гостя – Шмелина, офицера жандармов, которого генерал тоже считал истинным патриотом, потому и пригласил. Правда, Ржевского не оставляло подозрение, будто дело нечисто. Хоть Шмелин и говорил, что опасается ухаживать за генеральшей, но в амурных делах хороший приятель – хуже врага.

Ржевский, конечно, пожал ему руку и сказал, что очень рад, но на душе было беспокойно. От врага ты знаешь, чего ждать, а от приятеля можно ждать любого фортеля! Если же попробуешь принять меры, на тебя обидятся. Дескать, как можно ждать подвоха с дружественной стороны!

«Фортунушка, – мысленно взмолился поручик, – ты уж помоги мне, если я сам вовремя не замечу опасность». И богиня, кажется, услышала. Когда генерал с супругой и оба гостя

наконец собрались обедать, рассевшись за большим круглым столом посреди такой же круглой комнаты, Ржевский почувствовал, что Фортуна незримо присутствует рядом. Ну, хотя бы потому, что Ржевскому с ходу повезло – место ему досталось между генеральшей, сидевшей слева от мужа, и Шмелиным! А ведь могло бы и не повезти, и тогда рядом с генеральшей сидел бы Шмелин!

* * *

В отличие от губернатора, предпочитавшего французскую кухню, генерал Ветвисторогов любил кухню русскую. Вот почему для начала подали борщ.

Похлебав немного борща, хозяин дома с удовольствием оглядел двух своих гостей и сказал жене:

– Ты только посмотри на них, Зоя Павловна, – к супруге он всегда обращался по имени отчеству, – орлы!

– Орлы. – Генеральша кивнула с загадочной улыбкой.

Ржевский, услышав, что оказался не единственным «орлом», с подозрением покосился на Шмелина. Тот пожал плечами.

– Побольше бы нам таких, – сказал генерал.

– Безусловно. – Зоя Павловна снова кивнула. – Чем больше, тем лучше.

Ржевский опять покосился на предполагаемого соперника. Поручику вдруг представилась длинная очередь Шмелиных, которые выстроились к постели генеральши, а он, Ржевский, находится в самом хвосте. «Нет уж, лучше поменьше», – подумал поручик.

– Будь у нас побольше таких людей, как вы, – продолжал генерал, обращаясь к гостям, – мы бы и бунтов не боялись.

– Ах, не надо о политике. – Ветвисторогова тронула мужа за руку.

– Да оставь ты, Зоя Павловна, – пробурчал генерал. – Неужели я в своём доме не могу говорить начистоту? – Он опять повернулся к гостям. – Вчера у Всеволожского я промолчал, а здесь скажу, что не следует человеку, облечённому властью, так снисходительно о бунтовщиках рассуждать. Губернатор должен быть твёрже. А случись у нас в Твери бунт, как в Петербурге, то на нашего губернатора никак нельзя было бы положиться. Это ж страшно подумать, к чему его либеральность приведёт!

– А мне не страшно, – мягко перебила Ветвисторогова. – В газетах пишут, что ничего страшного в Петербурге не было. Небольшое возмущение в некоторых районах города, которое не нарушило общего спокойствия.

– Это они нарочно пишут, чтоб тебя не волновать, Зоя Павловна, – с добродушной улыбкой ответил генерал.

Ржевский, услышав о волнениях, тут же посмотрел на грудь генеральши: «Платье теснее, чем в прошлый раз, и если Ветвисторогова разволнуется, то, может, ткань всё-таки треснет».

– Конечно, спокойствие города нарушено не было, – меж тем произнёс генерал, обращаясь к супруге, – но тысяча бунтовщиков, которые собрались на площади перед Сенатом, это число значительное.

– А в газетах пишут, что собралось не тысяча, а триста, – возразила Зоя Павловна. – Возглавляло их семь или восемь офицеров, и к ним примкнули ещё несколько фрачников.

– Это опять же пишут, чтоб не волновать тебя и прочих обывателей, – сказал генерал. – На самом деле всё было серьёзнее. К тому же к восставшим присоединилась чернь, большая

толпа, десятки тысяч. И те тоже настроились бунтовать.

– А в газетах пишут, что толпа была небольшая, – продолжала спорить Ветвисторогова.
– И ещё пишут, что благоразумные прохожие не вмешивались, а к бунтовщикам примкнули только пьяные. Да и солдаты, которые на площадь вышли, тоже по большей части были пьяные.

– Где же ты это вычитала? – удивился генерал.

– В «Санкт-петербургских ведомостях». И в «Северной пчеле» тот же рассказ помещён слово в слово. – Зоя Павловна важно вздёрнула носик. – Только не говори, что это вздорные газетёнки. Сам же их выписываешь. Да и не может газета так обманывать, даже ради общего блага, чтобы преуменьшать опасность в десять раз!

Ветвисторогов только руками развёл, а Шмелин сказал:

– Полагаю, нам не следует спорить с дамой. Особенно с такой очаровательной.

Генерал повернулся к Ржевскому:

– Как вы понимаете, Александр Аполлонович, я получил сведения о бунте не из газет. У меня свои источники, но если Зоя Павловна настаивает...

Генеральша в свою очередь повернулась к Ржевскому, будто ждала, что он что-то скажет. Но что сказать? Поручик оказался озадачен, поэтому промолчал.

– В статье о бунте отмечено, что автор был сам очевидцем событий, – заявила генеральша.

Она опять как-то странно посмотрела на Ржевского, а тот мысленно обратился к Фортуне: «Фортунушка, ты бы подсказала, чего она от меня хочет». Но Фортуна молчала, отчаянно пытаясь изобрести знак, понятный даже самым недогадливым.

– Очевидцем событий?! – меж тем вскричал генерал. Как видно, жена слишком долго с ним спорила, и у него не выдержали нервы. – Что ж это за газета?! – Он обратился к лакею: – Принесите газету.

– В кабинете на столе. Принесите самую верхнюю, – добавила Зоя Павловна.

Ожидание прошло в тишине. Все молча ели остывающий борщ, а когда наконец явился лакей, неся на подносе газету, генерал положил ложку и взял в руки отпечатанный лист, где сверху была крупная надпись «Северная пчела».

– Эх! Я же без очков, – спохватился он и передал газету Шмелину, сидящему рядом. – Ну-ка, братец, прочти. Где там сказано, что автор всё своими глазами видел?

– Помнится, на второй странице внизу слева, – подсказала генеральша.

– Жена гражданского прокурора в Версале, госпожа Ренье, – начал читать Шмелин, – однажды забавляла в своём доме многочисленное общество приятным рассказом...

Читалось явно не то, что все ожидали, но поскольку Шмелина никто не остановил, тот продолжал:

– В пылу повествования у ней вырвалось неприличное выражение. Муж при всех остановил её следующими словами: «Молчите, сударыня, вы глупы!»

Генерал хохотнул, его плохое настроение улетучилось:

– Надо же.

Ветвисторогова нахмурилась.

– Жена замолчала и навсегда, – меж тем читал Шмелин, но с паузами, всё время ожидая, что его остановят. – В продолжение тридцати лет... ничто не могло заставить госпожу Ренье произнести хоть слово...

Генеральша всё больше хмурилась, а Ветвисторогов не мог перестать веселиться:

– Это что же у нас вышло? Гадание по газете? Зоя Павловна, мне кажется, газета хочет сказать, что ты неправа.

Ветвисторогова в досаде закусила губу.

Наконец Шмелин, покосившись на генеральшу и увидев, что сильно уронил себя в её глазах, остановился сам:

– Это не о бунте. Это раздел светских анекдотов. – Он глянул на первую страницу газеты. – Принесли не тот номер. Этот за 12 декабря. А бунт ведь был 14-го... [17](#)

– Несите другую газету! – дрогнувшим от гнева голосом велела генеральша лакею и добавила. – Напрасно вы думаете, господа, что это глупое совпадение заставит меня последовать примеру жены прокурора и замолчать.

Генерал, снова став добродушным, поспешил её успокоить:

– Зоя Павловна, да мы ничего такого не думаем.

– Мне очень нравится вас слушать, – добавил Ржевский, но генеральша почему-то посмотрела на него неодобрительно. Поручик начал подозревать, что дама ведёт некую игру, но что за роль ему отведена, было непонятно.

Шмелин тоже хотел что-то сказать генеральше в утешение, но та затараторила:

– А ещё в газетах пишут, что на Антильских островах страшные вихри! Особенно на острове Гваделупа.

– А это где? – спросил поручик.

– В Америке, – строго ответила генеральша. – Вот где беда, а не у нас! Там вихрем колокольню повалило. Со зданий крыши сорвало. А те дома, которые похуже построены, так и вовсе в руинах. Корабли, которые поблизости были и уйти не успели, все побились. Многие деревья с корнем выдраны.

– Так это ещё летом было, – заметил генерал.

– А в газетах пишут сейчас, ведь жители до сих пор от бедствия не оправились, – не унималась Зоя Павловна. Настроение у неё окончательно испортилось. – Вот что у них в Америке творится, а у нас – тишина и благоденствие. И я никак не пойму, отчего все рассуждают лишь о бунте в Петербурге. В чей дом ни приди, везде разговоры об этом. А ведь всего-то кучка офицеров восстала! Но общество только о них и говорит. Кто-то возмущается их поступком, кто-то жалеет. А почему не пожалеть, к примеру, греков, которые прямо сейчас с турками сражаются...

– Да что ж такое, Зоя Павловна? – недоумевал генерал. – Чего ты так рассердилась?

– Довольно, – со слезами в голосе сказала Ветвисторогова. – У меня что-то голова болит. Я вас оставлю, господа. Но постараюсь выйти к десерту. – Она посмотрела на Ржевского и ещё раз по слогам произнесла: – К де-сер-ту.

Дама на что-то намекала, но Ржевский никак не мог понять, на что.

Генеральша встала из-за стола, и все трое мужчин – тоже, в знак вежливости.

– А вы, Александр Аполлонович, – добавила генеральша, уже направляясь к дверям, – не повторяйте моей ошибки и не вздумайте спорить с моим мужем. Лучше расспросите его, что на самом деле случилось в Петербурге.

Поручик вдруг начал смутно припоминать, что похожую рекомендацию ему уже давали – генеральша что-то такое упоминала в письме: во всём соглашаться с её мужем. Дескать, это очень важно. Но почему важно? Нет, смысл этой тайной игры было невозможно понять!

Когда Ветвисторогова вышла из столовой, генерал снова пригласил гостей садиться и сказал:

– Вы уж простите мою супругу. Это у неё бывает. Нервы. Но уверяю вас, что ничего серьёзного. Посидит немного у себя в спальне, и всё пройдёт.

Ржевский продолжал подозревать, что генеральша что-то задумала, поэтому решил следовать рекомендации – расспросить о петербургских событиях. Поручика они мало занимали, но раз мадам Ветвисторогова велела расспросить, то придётся. И ещё она велела не спорить, так что Ржевский преисполнился решимости во всём соглашаться с генералом, что бы тот ни сказал.

Меж тем лакей успел принести другую газету, а также очки, поэтому теперь Ветвисторогов прочёл сам:

– Ну да, – сказал он, проглядев первую и вторую страницы. – Всякий вздор для успокоения обывателей. Пишут, что солдатами на площади командовали семь или восемь офицеров, а к офицерам примкнули ещё несколько фрачников. Вот и весь бунт.

Шмелин доедал борщ, из вежливости поглядывая на генерала, а Ржевский отложил ложку и спросил:

– Так значит, бунтовщиков было больше?

Генерала как будто прорвало:

– Конечно! Одних только офицеров и их сообщников из числа дворян – полторы сотни. Большинство уже арестованы, но не все, потому что не все находились в Петербурге.

«Ну, это я знаю», – подумал Ржевский, вспомнив историю с Никодимовым.

– А знаете, что самое страшное? – скорбным тоном спросил генерал.

– Что же?

– Большинству из этих бунтовщиков нет даже тридцати. Совсем молодые люди, которых испортили своим влиянием либералы и масоны. – Ветвисторогов в сердцах кинул свою ложку на стол. – Потеряли мы наше юношество!

Шмелин сохранял спокойствие. Очевидно, для него эти рассуждения не являлись новостью.

– Ну, может, не всё потеряно, – попытался успокоить генерала Ржевский.

– Большинство потеряно, – сокрушённо проговорил генерал. – Это влияние Запада. Особенно – французских гувернёров. Из них каждый второй – якобинец.

– Про карбонариев не забывайте, – добавил Шмелин.

– Да-да, – согласился генерал. – Из этих гувернёров кто не якобинец, тот карбонарий. Вот они и воспитывают наших дворянских детей, с малолетства кормят революционными идеями, а там уже либералы с масонами доделывают начатое. И вот он – бунт!

– Простите. А якобинцы – это кто? – спросил Ржевский.

– Бунтовщики, – коротко ответил Ветвисторогов, а Шмелин пояснил:

– Они во Франции устроили революцию, свергли монарха, провозгласили республику.

– А Наполеон тоже из них? – спросил Ржевский.

– Нет, Наполеон после пришёл и сделал Францию империей, а якобинцы были очень недовольны.

– Значит, Наполеон лучше якобитов? – продолжал спрашивать поручик ради поддержания разговора.

– Якобинцев, а не якобитов, – поправил Шмелин.

– А есть разница? – не понял Ржевский.

– Все они – бунтовщики! – важно изрёк генерал.

– Яcobиты – бунтовщики английские, а яcobинцы – французские, – пояснил Шмелин.

– А карбонарии? – спросил Ржевский.

– Это бунтовщики итальянские, – так же важно изрёк генерал.

Ржевский задумался:

– Погодите, – сказал он, совершенно не собираясь спорить. – Но как же французские губернёры могут быть итальянскими бунтарями?

– Франция и Италия – это ж рядом, – ответил Шмелин. – Культурный обмен, так сказать.

– Англия тоже рядом, – заметил Ржевский, сам не зная, для чего, ведь он совсем не собирался спорить. – Значит, яcobиты и яcobинцы – один чёрт?

– Нет, братец, – сказал Шмелин. – Яcobиты – бунтовщики иного рода.

– Яcobиты – они за монархию, – пояснил генерал, – но не за ту, которая ныне в Англии правит, а за другую.

– Это как? – не понял поручик. – Монархия – государственный строй с монархом во главе. Как она может быть другая?

Генерал небрежно махнул рукой:

– Да я не о том. Яcobиты сродни нашим смутьянам с Сенатской. Наши смутьяны хотели свергнуть государя Николая Павловича, а на его место посадить другого монарха. Вот и яcobиты хотят одну династию свергнуть, другую утвердить.

Ржевский вспомнил свой разговор с бунтовщиком Никодимовым:

– А я полагал, что наши заговорщики хотели отдать власть не новому монарху, а нескольким диктаторам.

– Не совсем, – сказал генерал. – Поначалу – диктаторам, а после, если будет на то воля народа, устроить конституционную монархию.

– Либо республику, – добавил Шмелин. – За республику они тоже выступали.

– Погодите, – поручик уже совсем запутался. – Так они, которые наши смутьяны, всё же яcobиты или яcobинцы?

– Яcobинцы, – сказал Шмелин.

– Яcobиты, – сказал генерал, но тут же исправился. – Тьфу ты чёрт! Совсем запутал! Яcobинцы.

– А зачем тогда сравнение с яcobитами? – продолжал недоумевать Ржевский.

– Да затем, что ты спросил! – недовольно ответил генерал.

– Но ведь это только яcobиты – монархисты, – возразил Ржевский, – а яcobинцы – за республику, и коль скоро наши смутьяны допускали конституционную монархию, то... – Поручик в самом деле не собирался спорить. Ему было просто непонятно.

– То что? – раздражённо перебил генерал.

– Странно получается, – сказал Ржевский, будто не видя собирающуюся грозу. И он совершенно не собирался спорить. Всё как-то само вышло. – Странно получается, – повторил он, – французские губернёры воспитывают яcobинцев, а вырастают яcobиты. Вот вы говорили, что губернёры кормят дворянских детей революционными идеями. Видать, недокармливают.

– Яcobиты – это чисто английское явление, – заметил Шмелин. – Они не монархисты в широком смысле слова. Яcobиты выступают за то, чтоб на английский престол взошли прямые потомки короля Якова Второго.

Ветвисторогов посмотрел на Ржевского разочарованно:

– Эх, братец! Да ты, как я погляжу, дур...

Он не успел договорить, потому что открылась дверь, вошёл лакей и доложил:

– Простите, барин, но к вам господин Тайницкий. Я сказал, что вы обедаете, но господин Тайницкий очень требуют принять. Говорят, что дело срочное.

«Тайницкий? Что за птица? – поначалу не понял Ржевский, но почти сразу вспомнил: – Это же тот чиновник из Петербурга. С секретным предписанием».

Генерал поднялся из-за стола и обратился к гостям:

– Что ж, прошу простить, господа. Заканчивайте обед без меня.

Но лакей вдруг добавил:

– Господин Тайницкий господина Шмелина тоже требуют. Когда узнали, что вы обедаете с господином Шмелиным, то сказали, что вы оба нужны по важному делу.

Шмелин тоже поднялся на ноги, одёргивая мундир, а Ветвисторогов воззрился на Ржевского.

Поручик, которого чуть не обозвали дураком, уже готовился услышать предложение покинуть дом, но у генерала в последний момент чувство гостеприимства взяло верх над раздражением.

– Ну, раз такое дело, тогда мы с господином Шмелиным пойдём, – сказал поручику Ветвисторогов, – а вас, пока мы не вернёмся, пускай моя супруга развлекает. – Генерал обратился к лакею: – Скажите Зое Павловне, чтоб оставила свою мигрень и шла сюда. Тут гость один скучает. Правила требуют её присутствия. Пускай покажет гостю мою коллекцию оружия. Так и время быстрее пройдёт.

Когда все удалились, Ржевский готов был упасть на колени и благодарить Фортуна, которая так чудесно всё устроила. Зоя Павловна будет его развлекать! Потому что сам муж ей велел!

Богиня Фортуна, должно быть, вся взмокла, пока проворачивала такую трудную комбинацию, поэтому поручик произнёс страстным шёпотом: «Фортунушка, как же ты расстаралась, милая! Лучшего исхода и представить невозможно. А теперь отдохни, лапушка. Дальше я сам».

* * *

Зоя Павловна не вошла, а, можно сказать, вплыла в столовую лебяжьей походкой. Увидев Ржевского, одиноко сидящего за столом и поедающего жареного зайца, поданного на второе, томно вздохнула.

– Ах, поручик, как вы непослушны! Я ведь велела во всём соглашаться с моим мужем. А вы что сделали? Почти вывели его из терпения. Вас могли выставить вон, и тогда не досталось бы вам десерта.

Ржевский, пока она говорила, отложил столовые приборы, а затем торопливо вытер рот и усы салфеткой.

– Мадам, – сказал он, ловко поднимаясь из-за стола, – но вы тоже не соглашались со своим супругом.

– Я... – Генеральша на мгновение запнулась, но, очевидно, решила сразу раскрыть все карты. – Я не соглашалась с ним нарочно. И даже недоразумение с газетой сама подстроила, чтобы иметь предлог отправиться к себе в спальню.

– В спальню? – Ржевский в одно мгновение подлетел к даме, взял её за руку и

многозначительно заглянул в глаза. Дама потупилась и опять вздохнула, ещё более томно:

– Да, в спальню. А через некоторое время в столовую явился бы лакей и сказал, что ваш кучер очень просит вас прийти, потому что с рысаком, который возит ваши санки, что-то неладное. Вы бы отправились на конюшню, а оттуда явились бы ко мне.

– В спальню? – Ржевский, по-прежнему сжимая в ладони пальчики дамы, свободной рукой обнял Зою Павловну за талию. – Тогда предлагаю проследовать в спальню прямо сейчас.

– Но муж хотел, чтобы я показала вам оружейную комнату, а не спальню, – заметила дама.

– Позднее мы можем осмотреть и оружейную, – сказал поручик, – а начать предлагаю со спальни. Мне всегда нравились спальня интерьеры и постельные тона.

– Постельные? – с некоторым удивлением переспросила Зоя Павловна.

– Да-с.

– Может, пастельные?

– Не вижу разницы, – пробормотал Ржевский, притягивая к себе даму настолько, насколько позволяла её пышная грудь, ставшая чем-то вроде буфера между ним и остальным телом генеральши.

– Ах, поручик, – Зоя Павловна испустила очень замысловатый вздох, являющийся чем-то средним между смехом и стоном наслаждения. – Пастель – это такие мелки, которые используются для нанесения мягких, размытых линий. И слово «пастельный» происходит от слова «пастель», а не от слова...

– Я понял. – Ржевский тоже издал замысловатый звук – что-то среднее между мурлыканьем и рыком страсти. – Мадам, позвольте...

– В оружейную, – строго произнесла дама, и поручику пришлось подчиниться.

* * *

Коллекция у генерала была настолько занятная, что поручик аж на пять минут забыл о прелестях генеральши.

В комнате, именовавшейся «оружейная», в специальных шкафах хранилось много всяких археологических редкостей. К примеру, кольчуги, мечи, копья и бердыши времён Иоанна Грозного, а также арбалеты и пищали времён первых Романовых. У противоположной стены – множество французского оружия и обмундирования, в том числе треуголка, которую Зоя Павловна вынула из шкафа и предложила поручику рассмотреть.

На подкладке виднелись инициалы «Н.Б.», означавшие «Наполеон Бонапарт». Правда, буквы были русские, а не латинские, и никто не мог объяснить причину, но, по словам Зои Павловны, генерал всё равно считал треуголку подлинной и не терпел, когда кто-то сомневался.

Наконец треуголка вернулась на законное место, а Ржевский, разглядывая золотой эплет в том же шкафу (и особенно надпись «Всё, что осталось от французского генерала»), вдруг услышал томный голос Зои Павловны:

– Лучше взгляните сюда, поручик.

– Куда? – Ржевский повернулся на голос, но уже и сам понял, куда.

Оказалось, что генеральша успела расстегнуть верхнюю часть платья и перед глазами поручика предстала та самая потаённая красота, которую он последние два дня мечтал увидеть. Те самые груди по четверть пуда каждая, практически ничем не прикрытые, если не

считать мелких оборочек, которые служили чем-то вроде оправы бриллианту. Двум бриллиантам!

– О, мадам! – только и мог сказать поручик. – Теперь я понимаю, отчего молва называет вас самой красивой женщиной Твери.

Он поспешил прикоснуться к прекрасному. На ощупь прекрасное оказалось так же прекрасно, как на вид.

Ржевский почувствовал у себя душевный подъём и не только душевный. Наверное, так ощущают себя поэты.

– Мадам, – прошептал он, – теперь мне ясно, почему вы выбрали именно оружейную. Это же... – Поручик восхищённо посмотрел на грудь Зои Павловны. – Это же оружие. Я сражён!

– Сражены? – лукаво переспросила генеральша. – Вы полагаете, что моей грудью можно убить?

– Не знаю, – всё так же восхищённо отвечал Ржевский. – Но я могу утонуть...

– Где? В моих глазах?

– Нет, не там, – прошептал поручик и упал лицом в ложбинку между грудями, которая оказалась настолько глубокой, что голова воздыхателя скрылась там по самые уши. Если оставаться в таком положении долго, то можно задохнуться, но Ржевский знал меру. – Где у вас тут диван? – вынырнув, спросил он.

Диван в оружейной действительно был. И это не следует считать странностью. Мало ли, зачем в такой комнате понадобится диван! А вдруг люди, осматривающие коллекцию, устанут и захотят присесть. Или кому-то сделается дурно и придётся прилечь. Но сейчас двоим, оказавшимся на диване, было не дурно, а очень даже хорошо.

Для тех, кто желает знать подробности этой сцены, вот детальное описание происходящего:

– А!

– О!

– Ах!

– О!

– Ух!

– М-м-мадам...

– О да! Да! Да! Да! Да! Быстрее!

– Да!

– Медленнее!

– Как скажете.

– Быстрее!

– Да!

– Сильнее!

– Да!

– Сильнее!!!

– Да!!!

– О!

– А!

– О!

– Ах!

– О!

– Уф! Хорошо, – по окончании этого диалога выдохнула генеральша.

– Хорошо, – выдохнул поручик, в изнеможении падая лицом в ту же ложбинку между грудями генеральши, где существовала опасность утонуть.

Он и на этот раз не утонул – благополучно выбрался из «омута» и из объятий Зои Павловны, а когда вместе с ней покинул оружейную комнату и вернулся в столовую, то нашёл там генерала, беседующего со Шмелиным.

Все четверо откушали чаю, а к генералу, кажется, даже вернулось доброе настроение, потому что он пожелал представить Ржевскому своих сыновей: двух мальчиков, старшему из которых было шесть, а младшему – пять. Гостю, которого больше не собираются приглашать, детей не показывают.

Ветвисторогов с некоторой грустью сказал, что с прежней, ныне покойной, женой у него детей не было, а вот Зоя Павловна радуется пополнением в семействе. Также генерал отметил, что оба мальчика похожи на своего отца, как две капли воды, и хотя Ржевский не увидел особого сходства, но почёл за лучшее не спорить. К тому же Ветвисторогова сказала:

– Да, на своего отца, – она сделала многозначительное ударение на слове «своего», – они очень похожи.

– Может, ещё и третий будет. Как думаешь, Зоя Павловна? – весело сказал генерал.

– Возможно, – лукаво ответила Ветвисторогова и посмотрела на Ржевского, но тот предпочёл сделать вид, что не понял, к чему такой взгляд. Стать отцом поручик не стремился, хотя его никак нельзя было упрекнуть в том, что он этого избегал. Сколько потомков Ржевского сейчас жило в России, а также во всех странах, где останавливался Мариупольский полк во время Заграничного похода, не знала точно даже богиня Фортуна.

На прощанье хозяин дома предложил гостю «заглядывать ещё, как-нибудь в другой раз». Это обычно означает «подумаем, приглашать ли тебя снова», но Ржевский всё понял буквально. Он охотно согласился заглянуть «в другой раз», решив про себя, что, наверное, сделает это на днях, улучив такое время, когда генерал будет в отъезде, а генеральша – дома.

* * *

Занятый мыслями о генеральше, поручик вернулся в гостиницу, и только там вспомнил про длинное письмо от некоей француженки, которое так и не успел прочитать. Оно по-прежнему лежало на столе рядом с другими письмами, прочитанными.

Делать было больше нечего, ведь до полуночи, когда предстояло новое свидание с Софьей, оставалась уйма времени – даже солнце ещё не зашло. Вот почему поручик сел в кресло, повернулся, чтобы свет из заиндевевшего окна падал на лист, и принялся неторопливо читать.

«Кто же такая Сесиль де Воланж, которая отправила письмо? – думал он. – Молодая? Красивая? Почему я её не знаю?» Однако чтение не дало ответа на эти вопросы и более того – породило многие другие.

«Уважаемый, Александр Аполлонович», – так начиналось письмо, то есть в совершенно не характерной для француженок манере. Уж Ржевский-то знал!

«Не подумайте, что я Вам навязываюсь, – продолжала эта странная француженка, – но меня не оставляет чувство...» Чувство? Это слово казалось многообещающим! Поручик уже почти решил, что его приглашают на тайное свидание. Ночь. Балкон. Тайственная незнакомка в темноте спальни. Но оказалось иначе.

«Меня не оставляет чувство, что Вам грозит опасность, – признавалась Сесиль, – поэтому отправляю это письмо и очень прошу прочитать до конца». Ржевский задумчиво окинул взглядом немаленький лист, исписанный мелким почерком с обеих сторон.

– Ну, посмотрим, как пойдёт, – пробормотал он и продолжил чтение.

«Возможно, мои страхи напрасны, – предупреждала француженка, – и я буду рада, если это окажется так. Но события, виденные мной недавно на балу, а также дошедшие до меня слухи, которые ходят по городу, заставляют думать, что Вас опутали сетями коварной интриги. Вы невольно можете стать соучастником убийства, а если Вас всё же не удастся вовлечь в это ужасное дело, то Вас всё равно могут обвинить в преступлении».

– Что она несёт? Уж я бы заметил, если бы вляпался в такое, – пробормотал Ржевский, но чтение не бросил.

«На банкете, которым прерывался бал, я сидела рядом с Вами, – признавалась Сесиль, – и видела, как госпожа Тутышкина...» Получалось, что эта таинственная особа была на балу! И сидела где-то рядом! Однако Ржевский, как ни пытался, никого из своих ближайших соседей по столу вспомнить не мог – только чету Тутышкиных, Тасеньку и Бенского. «Кстати, откуда эта Сесиль знает Софью?» – подумал поручик.

«...Госпожа Тутышкина солила еду в тарелке своего мужа, – говорилось в письме. – Затем солонкой захотели воспользоваться Вы, но госпожа Тутышкина не позволила. И не только Вам, а вообще никому. Под благовидным предлогом она убрала солонку в ридикюль. И именно поэтому я подозреваю, что в солонке был яд, и что госпожа Тутышкина знала о нём. Она хотела отравить мужа прямо во время банкета, но господин Тутышкин по счастью не успел ничего съесть. Тарелку забрал лакей, а после лакею стало плохо. И именно по этой причине он, когда в следующий раз вышел в зал, уронил торт на господина Бенского».

Ржевский невольно удивился, как незнакомая ему француженка оказалась такой наблюдательной. А главное – зачем ей обвинять Софью?

«Конечно, – продолжала та, – того момента, когда лакею стало плохо, я сама не видела, но помню, как лакей забирал наши тарелки. Я знаю этого несчастного. Его зовут Фёдор». Особа, сочинившая письмо, с каждым словом казалась всё более необычной. Что это за француженка, которая знает всех лакеев в доме губернатора? Может, приживалка губернаторши? Но тогда получалось, что эта Сесиль вовсе не молода, и вряд ли красива, ведь губернаторша не стала бы держать подле себя приживалку, которая моложе и привлекательнее.

В итоге версию с приживалкой Ржевский отмёл как неприятную, хоть и логически обоснованную. Ему нравилось думать, что Сесиль – красавица. От милого образа, уже начавшего складываться в воображении, но пока полускрытого туманом неизвестности, не хотелось отказываться.

«В начале, – рассказывала Сесиль, – подозревали, что у Фёдора холера, но затем доктор сказал, что Фёдора отравили ядом, который называют «белый мышьяк». Сейчас Фёдору намного лучше, но мне не удалось его ни о чём расспросить. Зато я расспросила доктора, как выглядит этот яд, и таким образом выяснила, что белый мышьяк похож на соль и даже вкус имеет солоноватый».

Ржевский всё больше недоумевал: «Вот ведь француженка расстаралась! Всё выяснила про яд. Но зачем ей заниматься тем, чем должна заниматься полиция?» А у полиции, насколько поручик мог судить, никаких вопросов к Софье не было.

«Думаю, эти свойства белого мышьяка и навели госпожу Тутышкину на мысль

поместить яд в солонку, – предполагала Сесиль. – Для отравления весьма удобно, но этот яд сложно раздобыть. Закон запрещает аптекарям отпускать яды частным лицам – это я тоже узнала у доктора. Из этого я заключаю, что у неё наверняка есть сообщник, который снабдил её ядом. Возможно даже, что это сделал господин Бенский, которого молва называет давним любовником госпожи Тутышкиной. Ему была бы выгодна смерть её мужа, ведь господин Бенский мог бы жениться на своей любовнице сам».

Поручик, продолжая читать письмо, всё больше морщил лоб, потому что ничего не понимал: «Отчего эта Сесиль была так уверена, что Софья – отравительница? Да ещё и Бенского подозревает!»

А Сесиль, будто угадывая мысли своего адресата, извинялась: «Заранее прошу меня простить, если все эти подозрения окажутся несостоятельны, но заклинаю Вас: обратитесь за советом к знающему человеку. Если не в полицию, то к частному сыщику или другому лицу, имеющему опыт в распутывании подобных делах. Если мои подозрения верны, то мадам Тутышкина может Вас обмануть и втянуть в преступление, из-за которого Вы окажетесь на каторге. Я не хочу, чтобы вы пострадали. Именно поэтому я сама не считаю возможным обратиться в полицию и рассказать о своих наблюдениях, пока Вы близки к мадам Тутышкиной. По городу ходят слухи, что у Вас с ней роман, и что Ваши сани был трижды замечены возле её дома. В том числе один раз – глубокой ночью».

Прочитав последние строки, Ржевский усмехнулся: «Ничего не скроешь от молвы! Даже глубокой ночью всё видит!»

А письмо меж тем всё никак не заканчивалось. Француженка была весьма словоохотлива, так и сыпала слова на бумагу:

«Возможно, Вы испытываете к мадам Тутышкиной глубокие чувства, и поэтому не стану советовать, чтобы Вы прекратили с ней всяческие отношения. Но, даже сохраняя их, вы можете обратиться за частным советом к начальнику полиции или другому знающему человеку. И если он скажет, что всё это пустяки, то так тому и быть, а если сочтёт мои подозрения верными, то лучше меня подскажет Вам, как поступить. В любом случае Вы будете вне опасности, а это для меня главное».

Ржевский тут же отметил для себя: «Как она обо мне заботится! Здесь определённо есть шанс». Он взял со стола конверт и осмотрел его в поисках обратного адреса, но ничего не нашёл. Не было адреса и в письме.

«Ответа Вашего не прошу, – так оно заканчивалось. – Думаю, что Ваши дальнейшие поступки, которые всё время на слуху, сами дадут мне ответ, вняли ли Вы моей просьбе.

Ваш искренний друг,

Сесиль де Воланж».

Ржевский почувствовал себя в тупике. И не только потому, что знакомиться с таинственной француженкой, не зная адреса, было затруднительно. Поручик чувствовал себя озадаченным и потому, что в послании говорилось о нештучной опасности.

Что делать? Просто бросить это письмо на стол и забыть? Нет. Это казалось опрометчивым. А ведь сегодня ночью Ржевский должен был снова увидаться с Софьей.

Отправляться на свидание, при этом имея подозрения на счёт неё, было как-то неприятно. А как их развеять? Посоветоваться со знающим человеком – предложение хорошее. Тут Сесиль попала в точку. Но с кем советоваться? Да и можно ли найти кого-то прямо сегодня, чтобы успеть и посоветоваться, и на свидание? К тому же поручик опасался, что не сумеет как следует изложить полицейскому или частному сыщику суть дела. «Вот

что-то мне тревожно. Беспокоюсь. А о чём беспокоюсь – объяснить толком не могу».

Ну, допустим, сыщику можно показать письмо француженки. В письме всё вполне складно написано. Ржевский даже отметил про себя, что француженка (кем бы она ни была) – отнюдь не дура, хотя излишне многословная.

Поручик в очередной раз задумался, насколько она красива, и перед глазами опять возник туманный образ: женщина на балконе особняка, а затем – в интригующем мраке спальни... Но эти фантазии следовало оставить хотя бы на время, чтобы придумать, как развеять подозрения и отправиться на встречу с Софьей без лишних мыслей в голове, потому что мысли на свиданиях с дамами только мешают делу.

В этот момент Ржевскому послышалось, как в гостиничном коридоре кто-то прошёл по скрипучим половицам, а затем открыл дверь где-то неподалёку.

«Тайницкий! – вдруг осенило поручика. – Вот, с кем можно посоветоваться! Он же служит в Министерстве внутренних дел. И встретиться с этим господином просто, ведь никуда идти не надо – мы же с ним соседи по номерам».

А затем поручика ещё раз осенило: «Ведь та самая солонка – у меня! И если в ней яд, то можно показать её Тайницкому, а тот пусть отдаст врачу или аптекарю, чтобы проверил». Правда, сходу не получилось вспомнить, куда же задевалась солонка.

Ржевский помнил, что, получив её от Софьи, положил эту вещь в карман рейтуз, затем доехал до гостиницы и уснул как убитый, а на следующий день, то есть сегодня, солонки в кармане уже не было. Ванька что ли вынул?

– Ванька! – позвал поручик.

Глава седьмая, в которой герой продолжает роман сроковой женщиной, а также берёт урок немецкого у одной барышни

Ванька был здесь же, в комнате – сидел на своём сундуке. И решил перекусить, пока господин читал письмо.

На том же сундуке, на чистом белом кружевном платочке, невесть откуда взявшемся, лежали кусочек чёрного хлеба и шматок сала, а рядом стояли фляжка и та самая солонка.

– Ах, ты... – только и проговорил Ржевский, кидаясь вперёд.

Ванька испугался и обеими руками схватил фляжку, думая, что хозяин намерен отобрать именно её, ведь из неё пахло водкой. Но поручик схватил солонку, а затем устоялся на платочек, где всё лежало. Это оказался Софьин платочек, в который ещё недавно была завернута солонка, то есть на него могли попасть частицы яда, поэтому Ржевский молча сгрёб свободной рукой хлеб и сало вместе с платком.

Слуга, по-прежнему крепко держа фляжку, ничего не понимал, а поручик велел:

– Открой мне дверь.

Дверь в номере была одна, поэтому пояснений не требовалось. Ванька исполнил приказание, а Ржевский стремительно вышел из номера и направился в соседний – к Тайницкому. И даже не задумался, что может не застать.

Переложив солонку в ту же руку, в которой были хлеб и сало, завернутые в платок, поручик освободившейся рукой взялся за дверную ручку, но дверь оказалась заперта, хотя из-под неё пробивался слабый свет. Ржевский постучал и на всякий случай глянул в замочную скважину.

Хозяин номера, одетый всё в тот же зелёный мундир, сидел в кресле за столом у окна над какими-то бумагами, но обернулся на стук. Смеркалось, поэтому слуга Тайницкого, старик с бакенбардами, зажигал свечи, а теперь замер с горящим свечным огарком в руках.

Между тем хозяин номера убрал все свои бумаги в ящик стола и велел посмотреть, кто пришёл. Слуга направился к двери.

– Здравствуйте, Иван... э... – громко сказал Ржевский, как только ключ перестал скрежетать в замке. Толкнув дверь плечом, поручик вошёл в комнату.

– Аминич, – сказал Тайницкий.

– Иван Аминич, у меня к вам дело, – начал поручик, усаживаясь в первое же свободное кресло, но Тайницкий перебил:

– Я – Иван Иванович. Аминич – это отчество моего слуги. Я хотел сказать Аминичу, чтобы закрыл дверь, которую вы толкнули плечом, потому что у вас заняты руки. Кстати, что это у вас в руках?

Ржевский, только что торопившийся начать разговор, теперь запнулся:

– Тут такое дело... – Он лишь теперь вспомнил, что позабыл в своём номере письмо, которое хотел показать Тайницкому. А без письма никак не получалось собраться с мыслями, поэтому поручик сказал первое, что пришло на ум: – А что за отчество такое – Аминич? Ваш слуга не из татар?

– Нет, русский. А отца его звали Аминь.

– Что за имя?

– Из календаря.

– Да? – поручик, конечно, не помнил наизусть дни памяти всех святых из календаря, но

имя всё равно казалось странным.

– Родители думали, как ребёнка крестить, – пояснил Тайницкий. – Им священник три раза календарь на разных страницах разворачивал и все имена, которые выпали, перечислял. Родителям ни одно не понравилось, а в конце страницы было написано «аминь». Так мальчика и назвали.

– Хорошо, что там не было написано «конец», – сказал Ржевский.

Чиновник строго взглянул на него:

– Но всё же вы не ответили. Что у вас в руках и что вас ко мне привело в такой час?

– Да вот это и привело, – ответил Ржевский, показывая собеседнику солонку, а также платок с хлебом и салом. – Вот это и привело. У меня есть подозрение, что здесь, в Твери хотят отравить одного важного человека. И так уж получилось, что я имею к нему некоторое отношение.

* * *

Ржевский, запинаясь, кратко изложил Тайницкому суть дела. А когда упомянул, что же находится в солонке, которую по-прежнему держал в руках, чиновник встрепенулся:

– Погодите, поручик! – Иван Иванович взял со стола газету, а затем велел Ржевскому аккуратно положить на неё солонку, платок и остальное. – Вымойте руки, – строго сказал Тайницкий, заворачивая в газету опасные предметы. – Аминич вам сейчас принесёт воду и полотенце.

Затем рассказ продолжился. Поручик рассказывал, а чиновник слушал, иногда поглядывая на стоявший на столе портрет усатого человека в гвардейском мундире, будто этот человек был третьим участником разговора. Усач был ещё молод, но выражение лица казалось очень серьёзным, без всякой тени юношеского легкомыслия.

Когда Ржевский решил спросить, кто же это, то услышал:

– Наш государь Николай Павлович.

Казалось, Тайницкий никак не может поверить, что Ржевский полностью искренен в своих утверждениях. И всякий раз, когда чиновник не верил, то посматривал на портрет государя.

– Верно ли, – спрашивал Тайницкий, – что вы уже наутро после бала знали, что во дворце губернатора могло совершиться преступление? – Он оглянулся на портрет государя, а затем уставился на Ржевского.

– Ну да, – сказал поручик.

– Но почему никому не сказали?

– О чём?

– О солонке. И о том, что лакей, которому стало плохо, прислуживал именно за вашим столом.

– Ну, я... – Ржевский заёрзал в кресле. – Мне было не до того.

– Что же вас отвлекло? – Тайницкий чуть подался вперёд.

– Свидание с дамой. С мадам Тутышкиной. То есть я собирался в гости, и меня больше заботило, где достать для дамы цветы.

– А после свидания?

– Ну, мне опять было не до того. Я столкнулся с грабителями, которые раздевали даму...

– Ещё одна дама?

– Да. Правда, это оказалась не дама... В общем, это совсем другая история. И я вернулся

домой лишь глубокой ночью. Поздно было кому-то что-то рассказывать.

– А на следующий день? – Тайницкий оглянулся на портрет Николая Павловича.

– А на следующий день я обедал у губернатора. – Ржевский тоже посмотрел на портрет: прямо и открыто – как честный человек, которому нечего скрывать.

Тайницкий меж тем снова уставился на поручика:

– Но утро у вас было свободно, чтобы пойти в полицию.

– Нет, утро у меня было занято.

– Чем же?

– Мне необходимо было напиться.

– Вы имеете такое сильное пристрастие к спиртному? – Чиновник удивился.

– Нет. – Ржевский помотал головой. – Мне необходимо было напиться, чтобы произвести на губернатора плохое впечатление, ведь он хотел меня женить на своей племяннице. Так что всё время до обеда я пил. По необходимости.

– А после обеда?

– А после обеда у меня было похмелье. В общем, опять не до полиции. К тому же я собирался на свидание с дамой.

– С кем именно? – не понял Тайницкий. – С мадам Тутышкиной или той другой, которая оказалась не дамой?

– С мадам Тутышкиной, – терпеливо пояснил Ржевский.

– Ах, вот оно что! Ночное свидание! – Чиновник принялся вспоминать самые первые минуты своей беседы с поручиком и сопоставил сведения: – И именно во время ночного свидания состоялся странный разговор, когда вы, сами того не желая, вроде бы вызвались убить господина Тутышкина?

– Да.

– Но на следующее утро вы опять не пошли в полицию?

– Нет, не пошёл.

– Почему?

– Потому что было некогда. – Ржевский вздохнул. – У меня было свидание.

– С кем?

– Всё с той же мадам Тутышкиной.

– С которой вы опять говорили про возможную смерть её мужа?

– Да.

– А после вы опять не пошли в полицию?

– Да. Потому что... – Поручик даже сам удивился, до чего насыщенная у него жизнь. – ...У меня было ещё одно свидание.

– С мадам Тутышкиной?

– Нет, с другой дамой.

– С той, которая оказалась не дамой?

– Нет, с ещё одной.

– А после?

– А после я пришёл к вам, Иван Иванович.

Под конец своего рассказа Ржевский всё же решил принести Тайницкому письмо от француженки, которое не раз упоминал.

Чиновник внимательно прочёл, опять обернулся к портрету государя, будто советуясь с ним, и резюмировал:

– Что ж... Письмо сочинила очень умная мадемуазель.

Ржевскому на мгновение показалось, что Тайницкий разговаривает с портретом, и что портрет обладает мистическими свойствами – сообщает собеседнику то, чего обычный человек знать не может.

– Почему «мадемуазель», а не «мадам»? – Поручик заволновался. – В письме ничто не указывает на возраст.

– Сесиль де Воланж – это юная красавица, – сказал Тайницкий.

– Но откуда вы знаете, что она красавица? – Поручик ещё сильнее разволновался и снова посмотрел на портрет государя. – Это вам сообщил?..

– Никто мне это не сообщал. Просто я читал книгу.

– Книгу?

– Ну да. «Опасные связи» Шодерло де Лакло. Роман в письмах. Сесиль де Воланж – одна из героинь романа, – пояснил Тайницкий. – Думаю, поручик, что особа, приславшая вам письмо, даже своим псевдонимом намекала, что вы играете с огнём, и что ваши связи весьма опасны.

– Значит, Сесиль – ненастоящее имя? – Ржевский наконец начал понимать.

– Оно вымышленное. – Тайницкий покачал головой.

– А почему она не хотела подписаться настоящим?

– Не знаю, поручик. Вам видней. Ведь это ваша знакомая.

– Я её знаю? Но откуда это знаете вы? – Ржевский в который раз покосился на «всезнающий» портрет государя Николая Павловича, а Тайницкий, видя направление взгляда, лишь улыбнулся.

– Поручик, в письме столько подробностей о вас, что сомнений не остаётся: эта особа вас хорошо знает.

– А не могли бы вы... – Ржевский на мгновение запнулся. – Не могли бы вы помочь её найти? Ну и заодно...

– Что?

– Проверить, правда ли Софья... то есть мадам Тутышкина... хочет убить своего мужа.

– Поручик, – сказал Тайницкий, – с учётом всего того, что я от вас узнал, у меня почти нет сомнений в её преступных намерениях. Рекомендую вам пойти в полицию.

Ржевский почувствовал, что не готов изложить всю историю, только что рассказанную Тайницкому, ещё раз. И ради чего? Чтобы в итоге остаться без любовницы? «К тому же, – думал поручик, – доносить – это нехорошо, хотя убивать мужей – тоже нехорошо».

– А может, как-нибудь без полиции? – осторожно спросил Ржевский. – Всё-таки речь идёт о дворянке. Не хотелось бы скандала. Да и преступление пока не совершено. Может, мадам Тутышкина одумается? Ведь ещё не поздно.

– Поручик, – ответил Тайницкий, – дела об отравлениях – вне моего ведения. Я сюда прибыл с другим поручением. – Чиновник оглянулся на портрет государя.

Ржевский тоже посмотрел на портрет и изобразил смиреннейшего просителя:

– А может, всё-таки... в свободное от службы время... – Поручик снова посмотрел на Тайницкого. – Вы же сказали, что у вас есть сомнения.

– Я сказал, что их почти нет, – напомнил чиновник.

– Так, может, сначала проверим, что в солонке? На всякий случай. А затем вы частным порядком поговорите с мадам Тутышкиной. Пусть признается, откуда взяла яд. А?

– Я так понимаю, что в полицию вы не пойдёте? – спросил Тайницкий. По голосу было

понятно, что он уже готов согласиться, поэтому Ржевский ничего не ответил, чтобы неосторожным словом не разрушить всё. – Хорошо, – наконец сказал Тайницкий. – Может, вы и правы. Улик в этом деле маловато. Для скандала хватит, а вот для того, чтобы дело дошло до суда, может и не хватить.

Поручик по-прежнему молчал, чтобы чего-нибудь не ляпнуть, а Тайницкий опять взглянул на портрет Николая Павловича, будто испрашивая разрешение, и сказал:

– Я завтра же отдам солонку на экспертизу и завтра вечером жду вас на разговор. Не придёте – сам расскажу полиции всё, и пусть там разбираются и с мадам Тутышкиной, и с вами. Не забывайте, что мой временный кабинет – в полицейской части, так что визит к начальнику полиции не займёт у меня много времени.

– Этого не потребуется. – Ржевский помотал головой. – А в котором часу мне к вам зайти?

– Приходите, как сегодня.

– Хорошо.

– А сейчас отправляйтесь спать, – сказал чиновник.

Поручик хотел было повиноваться, но вдруг вспомнил:

– Но я не могу спать! У меня свидание... с мадам Тутышкиной.

– Отмените.

– А... – Отменять свидание Ржевскому не хотелось. – А если она что-то заподозрит?

– Ну, хорошо. Идите, но не болтайте там. Лучше вообще обойдитесь без разговоров.

Ржевский задумался. Если ничего не говорить на протяжении всего свидания, то надо всё время что-то делать – чтобы времени и сил на разговоры просто не осталось. Это было трудно, но вполне возможно.

– То есть я к ней прихожу – и сразу к делу? – уточнил поручик. – Чтоб без разговоров.

– А вы сможете?

– За кого вы меня принимаете? Конечно!

* * *

Поручик Ржевский был уверен в своих силах. Поэтому, оказавшись у забора Тутышкиных незадолго до полуночи, повёл себя так же, как в прошлый раз: велел Ваньке, чтоб приезжал забирать своего барина не раньше, чем через четыре часа. Четыре часа жаркой баталии без всяких перерывов на переговоры с противником – разве Ржевский на такое не способен? Случалось и дольше!

Ночь выдалась такая же тёмная и морозная, как в прошлый раз. Вокруг было так же тихо, и Ржевский так же, как в прошлый раз, принялся мурлыкать романс «Ночную темнотою покрылись небеса...»

Когда поручик перелез через забор и подошёл к особняку, где-то неподалёку точно так же начала лаять сторожевая собака, но так же скоро угомонилась.

«Все люди для покою закрыли уж глаза», – промурлыкал Ржевский. Ключ от чёрного хода он и в этот раз не позабыл. Тихо открыл дверь и осторожно поднялся по лестнице на второй этаж, где располагалась спальня Софьи.

На всякий случай прислушался. Было тихо: в спальне никто не разговаривал. Из щели под дверью пробивался слабый свет, как от единственной свечи.

– Внезапно постучался у двери Купидон, – тихо пропел Ржевский продолжение любимого романса, осторожно открыл дверь и вступил в полумрак комнаты.

Софья, облачённая в пеньюар и ночную сорочку, в томной позе лежала на кровати.

– Мадам, я к вам, – сказал поручик и начал раздеваться.

Софья соскочила с кровати и поспешила запереть дверь, но когда ключ повернулся в замочной скважине, дама почему-то не поспешила кинуться в объятия поручика. Она стояла и ждала.

Ржевский решил, что должен сам кинуться на даму, поэтому начал раздеваться ещё поспешнее. Но когда он избавился почти от всей одежды и остался в одних рейтузах, то услышал:

– Саша, нам нужно побеседовать.

«Этого ещё не хватало!» – подумал поручик. Ведь Тайницкий запретил вести с Софьей разговоры. Единственным выходом из положения было немедленное и решительное наступление!

Противник стремился уклониться от боя, а когда попал в кольцо окружения, то есть в объятия Ржевского, всё же сумел ускользнуть со словами: «Саша, не сейчас». Однако поручик не позволил врагу занять выгодную оборонительную позицию и методично преследовал вражескую армию на всём пути от двери до туалетного столика и от туалетного столика до окна.

Противнику ничего не оставалось, кроме как отступить к кровати, и там он после недолгого сопротивления был опрокинут. Отдельные части вражеской армии ещё пытались что-то предпринять. Например, руки противника упёрлись поручику в грудь.

– Саша, ну прошу тебя: давай сначала поговорим, – произнесла Софья. Однако Ржевский отверг даже самую возможность переговоров, развязывая ленточки пеньюара на даме и снимая с себя рейтузы.

Нынешняя позиция поручика позволяла вести только фронтальную атаку, но и этого оказалось достаточно, чтобы вражеская армия вскоре решила капитулировать, взмахнув белым флагом, то есть пеньюаром, отброшенным за ненадобностью. Правда, окончательная капитуляция всё откладывалась и откладывалась.

– Ах, ещё! Ещё! – шёпотом просила вражеская армия, которая по расчётам поручика могла бы окончить сражение ещё полчаса назад, но всё никак не сдавалась. Он уже начал подумывать о перегруппировке некоторых своих частей, а то одну из них – левую ногу – могло свести судорогой от долгого напряжения.

И всё же перегруппировка не потребовалось. Послышался тихий вскрик, означавший, что враг окончательно разгромлен, а Ржевский с чувством глубокого облегчения произвёл финальный залп и уткнулся лицом в плечо дамы.

– Теперь-то мы можем побеседовать? – спросила Софья почти сразу после этого.

Поручик сделал вид, что не услышал, лёг рядом и закрыл глаза, притворяясь, будто собирается заснуть.

– Саша, ну не спи! – Софья принялась его тормошить. – Нам надо побеседовать.

Ржевский отчаянно притворялся спящим.

Дама обиженно произнесла:

– Почему все мужчины так? Сделали дело – и сразу засыпаете.

«Это чтобы не разговаривать», – мысленно произнёс поручик, а вслух – захрапел.

– Саша, ты плохой актёр, – сказала Софья, снова начиная его тормошить. – Я не верю, что ты спишь.

– Ну, хорошо. Я не сплю, – сказал Ржевский, снова поднимаясь в атаку.

Дама, взглянув на ту часть тела поручика, которая поднялась в атаку наиболее явно, даже не поверила:

– Что? В самом деле? Уже?

– Мадам, перед вами не кто-нибудь, а поручик Ржевский!

Вслед за поднявшейся в атаку передовой частью потянулись все остальные. Враг, застигнутый врасплох, не оказал никакого сопротивления и оголил тылы, чем Ржевский немедленно воспользовался для довершения разгрома.

Вражеская армия, стоя на коленях и опираясь на локти, блаженно застонала, когда натиск поручика усилился.

– Ах, я почти... на вершине блаженства! – сказала она, однако поручик, помня о том, что случилось после предыдущего сражения, не торопился заканчивать битву. Следовало довести противоборствующую сторону до полного изнеможения.

«Ать-два, ать-два», – мысленно повторял Ржевский, но скорость этого «шага» периодически менялась. «Шагая» медленнее, поручик давал себе передышку, затем убыстрался, а затем снова замедлялся.

Эта тыловая атака могла продолжаться и дальше, если бы Софья не оглянулась через плечо. На лице дамы отражалось удивление, которое вот-вот грозило перейти в усталость и вопрос: «Скоро ты там?»

Ржевский понял, что пора заканчивать и в несколько «шагов» дошёл до цели, а дама, всё-таки доведённая до изнеможения, вздохнула и рухнула на перины, как загнанная лошадь:

– Уф, я даже забыла, о чём хотела с тобой побеседовать.

Ржевский мысленно возликовал.

– А нет – вспомнила, – продолжала Софья, и поручик понял, что уже не сможет её остановить.

Весь боезапас был израсходован в предыдущих двух битвах. Что делать? Снова притворяться спящим?

Но даже тех мгновений, которые Ржевский потратил на размышления, Софье оказалось достаточно, чтобы перехватить инициативу:

– Саша, ты сказал, что всё сделаешь сам, но ничего не делаешь, – сказала дама, оправляя на себе ночную сорочку.

– Как это не де...? – поручик не успел договорить.

– Когда и как ты убьёшь моего мужа? – спросила Софья.

Ржевский смотрел на неё растерянно. Момент истины наступил как-то слишком неожиданно.

Конечно, поручик допускал, что может случиться нечто подобное. Он же был не круглый идиот, то есть кое-что подозревал. А после прочтения письма от француженки стал тем более подозревать. И ещё больше насторожился после разговора с Тайницким. И всё же до конца не верил. А теперь то, что прежде было покрыто как будто кисейй, предстало в ясных и чётких очертаниях. И эта картина была ужасна!

В голове крутились обрывки мыслей: «Неужели Софья хотела отравить?.. То есть действительно?.. Она... она... она преступница?»

– Ты забрал солонку, – продолжала Софья, – Но как ты ею воспользуешься? Я хочу, чтобы ты рассказал мне свой план. Ведь он у тебя есть?

Ржевский не знал, что сказать. Значит, Тайницкий был прав! И таинственная незнакомка, скрытая под псевдонимом Сесиль де Волаж, тоже была права в своих

подозрениях! И даже Тасенька, чёрт её дери, была права, когда предупреждала, что надо бы побольше узнать о женщине прежде, чем заводить с этой женщиной роман! Всё то, что представлялось наваждением и вздором, оказалось истиной.

Поручик всё никак не мог оправиться от потрясения, и теперь стало ясно, почему Тайницкий запретил вести с Софьей беседы. Ржевский, наконец поняв, что происходит, уже не мог быть непринуждённым. И вообще как будто онемел. Чтобы потянуть время, он решил надеть исподнее и рейтузы...

А впрочем, как часто случалось в минуту опасности, поручик поймал кураж. Вспомнился отрывок из письма незнакомки, где говорилось о лакее, ставшем случайной жертвой Софьи. В письме упоминалось название яда, а также говорилось, что лакей не умер. Эти сведения можно было использовать:

– План у меня был, – заявил Ржевский. – Был, пока я не проверил яд. Ведь это мышьяк, да?

– Да.

– Не знаю, Софи, где ты взяла эту отраву, но она негодная. Ею не убьёшь. По крайней мере, не убьёшь с первого раза, даже если доза значительна.

Дама насторожилась:

– Но Сергей...

– То есть Бенский? – уточнил поручик.

– Да, Сергей сказал, что это хороший яд. Из аптеки.

– Какой аптеки?

– Городской.

– То есть он куплен здесь, в Твери? – продолжал спрашивать поручик, хотя сам не знал, зачем.

Софья, судя по всему, тоже не понимала, к чему эти вопросы, но продолжала отвечать:

– Да, Сергей так сказал.

– Но ведь аптекарь не вправе продавать яды частным лицам.

– Да. Но если приходит человек от доктора, тогда ему всё продадут. Сергей подделал рецепт.

– Но это же трудно, – заметил Ржевский.

– О! Сергей – большой мастер на такие вещи, – пояснила Софья. – Он на службе постоянно этим занимается. Там такой беспорядок с бумагами! Для отчёта то одной не хватает, то другой, и чтобы получить недостающую, проще самому её сочинить и подделать подпись, чем посылать за ней курьера за тридевять земель.

– Ах, вот как...

– Да. А у меня остался старый рецепт от доктора. Однажды я простудилась, он выписал рецепт на лекарства, затем – ещё раз, но второй рецепт не понадобился, потому что мне стало гораздо лучше. В аптеку не посылали, рецепт остался у меня, а Сергей взял его за образец и сделал свой. На яд. Написал, что им будут травить крыс. А правда ведь, мой муж похож на крысу? – Софья улыбнулась.

Поручик чуть не вздрогнул от этой улыбки, но совладал с собой.

– Крысе нужно гораздо меньше, чем человеку, – сказал он. – Значит, аптекарь продал вам не чистый мышьяк, а смешал его с чем-то.

– Да. – Софья кивнула. – Сергей говорил, что это смесь, поэтому сыпать надо побольше. А на чистый яд нельзя сделать рецепт, не вызывая подозрений.

- Для человека ваша смесь не подходит. Слишком слабая, даже если сыпать много.
- Но что же делать? – обеспокоенно спросила Софья.
- Достать чистый яд, – брякнул Ржевский первое, что пришло в голову.
- Но как?
- У меня свои связи, – уклончиво ответил поручик.
- И как скоро ты его достанешь?
- Скоро, – так же уклончиво ответил Ржевский.
- Ну, хорошо. Тогда я на тебя надеюсь.

* * *

Поутру, проснувшись у себя в гостинице, Ржевский испытал чувство, схожее с похмельем, хотя телесно никаких страданий не ощущал – было лишь противно на душе. И, увы, никакого рассола или другого целебного средства от такого похмелья не существовало. Даже водка помогла бы очень ненадолго – поручик, не впервые получая душевные раны, это знал. Оставалось лишь ждать – время лечит.

Вечером предстоял разговор с Тайницким, но всё, что Ржевский мог бы там услышать, было известно и так. Да, в солонке яд. Да, Софья – преступница. Хоть она и не убила мужа, но совершила покушение на убийство... или как это называется у полиции? Покусание? Покушение? Да, кажется, покушение.

И кто сказал, что крутить романы с роковыми женщинами – приятное дело? Вовсе нет! Острые ощущения – это, конечно, хорошо. И потому можно даже драться на дуэли, если идёт соперничество из-за женщины. Тем слаще после этого обладание красоткой! Но становиться орудием в её коварных руках – нет, увольте.

Выпив чаю и накормив слугу, Ржевский отправился бродить по городу. Однако прогулка не принесла ожидаемого удовольствия. Поручик помнил, как несколько дней назад, направляясь на допрос в полицейскую часть, смотрел на рождественские гуляния и жалел, что не может присоединиться. И вот теперь он вышел погулять, но время было упущено. Праздники закончились, и каждый прохожий на улице торопился по своим делам, в том числе красавицы – и те, что в платках, и те, что в шляпках. Они, занятые повседневной суетой, не имели желания знакомиться.

Ржевский совсем заскучал, но вдруг, шагая по оживлённой улице, увидел над одной из витрин надпись: «Аптека».

Сразу вспомнились слова Софьи о поддельном рецепте на яд, и поручику подумалось, что если найти этот рецепт, то предстоящий разговор с Тайницким не окажется совсем уж бесполезным. Рецепт – улика. Если его найти и предъявить Тайницкому, то из этого что-нибудь да выйдет. Тайницкий что-нибудь посоветует, а не просто в очередной раз скажет: «Идите в полицию». Дело примет новый оборот!

Рассудив так, но ещё не имея никакого плана действий, Ржевский зашёл в аптеку. Колокольчик над дверью звякнул, оповещая о новом посетителе. Аптекарь (лысоватый человек в пенсне и белом халате), стоя за прилавком, поднял голову и с приветливой улыбкой произнёс:

- Добрый день, хер офицер. Чем могу?
- Как ты меня назвал? – поручик аж глаза выпучил.
- Прошу прощения, господин офицер. – Аптекарь смутился. – Столько лет в России, а всё никак не привыкну обходиться только русскими словами. Мне уже не раз давали понять,

что слово «хер» вместо «господин» многих смущает.

Акцент явно выдавал в аптекаре немца.

– Так вы из Германии, хер аптекарь? – спросил Ржевский, этим обращением возвращая ему долг.

– Из Австрии. Так чем могу служить, хер... то есть господин офицер?

– Ммм... – сказал поручик, ведь он так и не успел придумать план. Однако, как и вчера при разговоре с Софьей, довольно быстро сориентировался: – А скажите мне, любезный, есть ли ещё в городе аптеки. Я не уверен, что пришёл в ту, которую надо.

– Моя аптека одна на весь город, – последовал ответ, – так что господин офицер никак не мог ошибиться ^{8}.

– Отлично! – воскликнул Ржевский, ведь это означало, что с поддельным рецептом на яд приходили именно сюда. И эта бумажка хранится именно здесь. А если не сама бумажка, то записи о ней.

Но как заставить аптекаря рассказать то, что нужно? Поручик решил начать издалека:

– Послушайте, любезный, а крыс в вашем городе много?

Теперь настала очередь аптекаря выпучить глаза:

– Не понял.

– Крысы. Такие большие серые, пищат...

– Я знаю, что такое крысы, – ответил аптекарь, – но не понимаю, почему вы завели о них разговор.

Поручик подумал, что раскрывать карты перед незнакомым человеком, пожалуй, не следует:

– Я в здешних местах недавно и хотел узнать поподробнее, как тут погода, природа. И какие звери водятся. Вот, например, крысы меня очень интересуют.

– Странные у вас интересы, хер... господин офицер.

– А что тут странного? Вот встречаются два воспитанных человека, заводят светский разговор о погоде, о здоровье. Разве это странно? Обычное же дело! А крысы к теме здоровья имеют самое прямое отношение, потому что разносят всякую заразу. Вот я и спрашиваю, много ли в городе крыс.

– Но откуда я могу знать? – удивился аптекарь.

Ржевский в свою очередь разыграл удивление:

– А отчего же не можете?

– Простите, не понимаю.

– Вы же ядами торгуете, которыми крыс травят. И должны вести учёт, много ли покупают отравы.

Аптекарь как-то подозрительно покосился на Ржевского, а Ржевский в свою очередь подозрительно покосился на своего визави и добавил:

– Мышьяка, например.

Аптекарь как будто начал о чём-то догадываться и спросил:

– А что? Были жалобы?

– На что?

– На нарушения в торговле. На ведение учёта.

– Были жалобы на качество товара, – сказал Ржевский. – Яд ваш не действует. Крысы не мрут.

– Господин офицер, – сказал аптекарь, – если вы из Медицинского департамента и

приехали меня проверять, то мне скрывать нечего.

– Очень хорошо, – ответил Ржевский, мысленно ликуя, что его приняли за чиновника. Ведь теперь он мог под предлогом проверки заставить аптекаря найти тот самый рецепт. – Тогда давайте начнём ревизию. Пропустите меня.

Поручик подождал, когда ему откроют проход за прилавок, и устремился в дверь, которая, конечно же, вела во внутренние помещения аптеки. Он увидел комнату со стеклянными шкафами вдоль стен, а в шкафах – множество пузырьков и баночек.

– Где у вас хранятся рецепты? – деловито спросил Ржевский.

– Я всё покажу, – ответил аптекарь, идущий следом, – но я не понимаю, к чему эти ухищрения и заходы издалека. Вы могли бы просто предъявить бумагу с предписанием о проверке... И я вынужден вас просить: предъявите мне её.

Ржевский, уже начавший чувствовать себя в аптеке почти хозяином, замер на месте.

– Да я, знаете ли... Она не при мне.

– Как это?

– Я её в гостинице забыл, после принесу.

Аптекарь кашлянул, собираясь с духом, а затем очень строго произнёс:

– Господин офицер, прошу вас покинуть аптеку.

– Но я должен проверить...

– Или я позову полицию. Не знаю, для чего вам вздумалось разыгрывать проверяющего, но давайте будем считать, что с вашей стороны это просто неудачная шутка, – голос звучал так же строго. – Или вы сейчас уходите, или будете объясняться с полицией.

«А вот полиции не надо», – подумал Ржевский. Он уже собирался призвать богиню Фортуну, чтобы та как-то повлияла на аптекаря, как вдруг меж двух шкафов открылась дверь, до этого бывшая плотно закрытой, и оттуда выглянула барышня в белой косынке, державшая в руках дымящийся ковшик с неким отваром.

Барышня была не то чтобы красавица, но в тот миг все её черты показались поручику замечательными, ведь каждая из них имела нечто общее с соответствующей чертой самого аптекаря. И глаза, и нос, и рот – всё. Дочка! Никаких сомнений в этом быть не могло.

Сомнений тем более не осталось, когда барышня спросила что-то по-немецки, но начала вопрос со слова «папа». Оно перевода не требовало.

Времени на то, чтобы использовать шанс, было мало, поэтому Ржевский просто улыбнулся барышне, употребив самую действенную улыбку из своего арсенала, означавшую: «Отныне и навек только вы в моём сердце».

Барышня улыбнулась в ответ, но, поймав взгляд отца, сделалась нарочито строгой. Отец и дочь перебросились парой немецких фраз. Промелькнуло имя Анна, а также знакомое выражение «хер офицер» и, судя по тому, как аптекарь посмотрел на поручика, вся фраза могла означать «господин офицер уже уходит».

Ржевский ещё сильнее уверился, что это надо так и понимать, когда аптекарь в ответ на очередной вопрос дочери решительно произнёс:

– Нахер.

Поручик даже не был уверен, что это всё ещё немецкий язык, а не русское предложение убираться к чёрту. И всё же следовало ещё раз атаковать аптекарскую дочку с помощью неотразимой гусарской улыбки.

Для пушего эффекта Ржевский подкрутил ус, а затем с видом победителя вышел на улицу, но далеко уходить не стал, остановился за ближайшим углом, откуда хорошо была

видна аптека, но если бы сам аптекарь выглянул на улицу, то не заметил бы, что за его заведением наблюдают.

Гусарская улыбка, несомненно, произвела на барышню впечатление. Поэтому при следующей встрече можно было начинать ухаживания, не опасаясь получить отпор. И именно эту встречу Ржевский рассчитывал устроить, прячась за углом. Ведь рано или поздно барышня выйдет из аптеки.

Ржевский поначалу надеялся, что Анна выйдет очень скоро и побежит по улице догонять своё счастье, однако прошло более получаса, а барышня не показывалась. Поручик уже начал думать, что Анна с ним разминулась, потому что решила выйти через чёрный ход, а не через главный. Вышла, не увидела поручика, стоявшего за углом и, расстроенная, вернулась к своим отварам.

Возможно, так оно и было, но вот спустя ещё четверть часа барышня всё-таки вышла через главную дверь – уже не в косынке, а в шляпке. Поверх платья – салоп, что говорило о готовности к долгой прогулке по морозу.

Оглянувшись, будто ища кого-то, Анна быстро пошла вдоль витрин, но, увы, в сторону, противоположную от того угла, за которым прятался Ржевский. Барышня не знала, где её поджидает счастье, а поручик, чтобы случайно не попасться на глаза папаше-аптекарю, сделал крюк через параллельную улицу и выскочил как раз навстречу девице.

– Опять мы с вами встретились, – сказал Ржевский. – Это судьба.

Анна ничего не ответила, но кокетливо улыбнулась. Поручик на мгновение забеспокоился, что она вообще не говорит по-русски, поэтому продолжил беседу так, что барышня оказалась бы вынуждена ответить.

– Позвольте проводить вас, – сказал он. – Куда вы направляетесь?

– Нах...

Ржевский уже почти испугался, но Анна снова улыбнулась и заговорила по-русски:

– Простите. Я хотела сказать не «нах хаузэ», а «домой». Домой. Готовить папе ужин.

– О! – Ржевский непритворно обрадовался и продолжил наступление: – Так вы не только миловидная особа, но и прекрасная хозяйка! Когда я увидел у вас в руках ковшик, то сразу предположил, что у вас талант поварихи. Я ведь не ошибся?

– Вы мне льстите. – Анна вся зарделась от удовольствия. – Но по воскресеньям, если у нас обедают господин доктор с супругой и моя тётушка Эльза, им всё очень нравится. Тётушка Эльза всякий раз говорит, что мне надо замуж, потому что я хорошая хозяйка.

При слове «замуж» Анна быстро взглянула на поручика, а тот постарался не отшатнуться и не перемениться в лице. И даже улыбнулся всё той же гусарской улыбкой, снова подкрутив ус.

– Не сомневаюсь, Анна... Вы ведь позволите мне вас так называть? Не сомневаюсь, что ваш будущий муж получит не просто жену, а настоящее сокровище.

Как видно, ухаживание удавалось, потому что Анна замедлила шаг и кокетливо спросила:

– А зачем вы приходили к моему папе?

– Ну, видите ли... – Ржевский на мгновение замолчал, а затем решил идти ва-банк: «Если уж врать, так врать!» – Видите ли, я... секретный агент на службе его императорского величества.

Анна приоткрыла рот от изумления, затем с недоверием окинула взглядом всю фигуру поручика, но результатом осмотра осталась довольна. Как видно, решила, что секретный

агент должен как-то так и выглядеть – высокий статный офицер средних лет.

– О! – воскликнула она. – Значит, дальше расспрашивать вас будет неуместно.

– Отнюдь, – тихо возразил Ржевский. – И я даже вынужден просить вас о помощи.

По дороге попался небольшой сквер, и поручик предложил барышне присесть на скамейку, чтобы обстоятельно всё объяснить.

– Ведь вы с отцом – российские подданные? – сперва спросил он, садясь рядом с аптекарской дочкой и доверительно заглядывая ей в глаза.

– Да, – ответила она. – Отец приехал из Австрии, а я родилась здесь.

– Значит, вам важна судьба нашего Отечества?

– Конечно.

– Отечество в опасности, – продолжал поручик. – В нескольких городах, и в том числе в Твери, зреет заговор против государственной власти.

– О! – Анна снова приоткрыла рот, но на этот раз смотрела на Ржевского с полным доверием. – Я не вправе спрашивать о подробностях?

– Вам, – поручик сделал многозначительное ударение на слове «вам», – я расскажу всё.

– О! – в очередной раз воскликнула дочка аптекаря.

– Существует тайный клуб. В нём состоят богатые дамы, которые устали от брачных уз. Все эти женщины вознамерились отравить своих мужей. Клуб так и называется: «Клуб отравительниц».

От изумления барышня даже забыла дышать, а Ржевский продолжал самозабвенно фантазировать:

– Так уж совпало, что мужья этих женщин занимают высокие посты. А почти одновременная смерть стольких чиновников – серьёзный удар по государственной власти, не говоря уже о том, что травить мужей – преступно. Чтобы пресечь злодеяние, я прибыл сюда. До меня дошли слухи, что обществом отравительниц приобретены большие порции мышьяка. Покупалось это всё по поддельным рецептам...

– В аптеке моего папы? – спросила Анна.

– Вы очень проницательны, – ответил поручик. – И моя просьба к вам состоит в том, чтобы...

– Вы хотите видеть рецепты, по которым мой папа отпускал мышьяк за последние полгода?

– Хотя бы за последние три месяца.

– Хорошо. – Барышня кивнула. – Завтра я посмотрю...

– Завтра? – Поручик нахмурился. – Эти сведения нужны как можно скорее. Лучше бы сегодня.

– Но сегодня я уже не смогу вернуться в аптеку так, чтобы не вызвать подозрений, – возразила Анна.

– А вечером? – спросил Ржевский. – Отужинаете с вашим папой, а затем скажете, что вам надо ненадолго зайти к соседке или подруге...

– Но будет уже очень темно, – снова возразила Анна. – Я боюсь ходить одна в такое время.

– Я вас провожу. До аптеки и обратно.

– Если только проводите, – задумчиво произнесла барышня. – Но прилично ли это?

– Ради спасения Отечества, – напомнил Ржевский. – К тому же мы всё сделаем втайне, и никто не узнает, куда и с кем вы отлучались из дома.

* * *

Это случилось поздним вечером, когда на улице почти не осталось прохожих, а окна домов начали гаснуть одно за другим.

В доме аптекаря Шваца все три окна, смотревшие на улицу, пока светились, но стоило им погаснуть, как к дому почти бесшумно подъехали санки, запряжённые одной лошадью.

Из санок вылез неизвестный мужчина в шубе с поднятым воротником, прикрывающим лицо. Подошёл к крайнему окну, которое ближе к воротам, и постучал.

Окно на минуту вспыхнуло тусклым светом одинокой свечи, а ещё через минуту ворота скрипнули и на улице показалась некая особа женского пола, одетая в салоп и шляпку.

Неизвестный мужчина и некая особа поздоровались:

– Здравствуйте, Анна.

– Здравствуйте, господин Ржевский.

– Ключ от аптеки у вас? – спросил неизвестный мужчина

– Да, – взволнованно, почти страстно ответила некая особа.

Луна, лукаво улыбаясь, наблюдала за ними из-за края облака.

Санки тронулись, увозя неизвестного мужчину и его спутницу в неизвестном направлении в сторону центральной части города, где находилась аптека.

Кучер (тоже лицо неузнанное) погонял лошадь, покрикивая:

– Эй, залётный! – из чего следовало, что лошадь, запряжённая в санки – не кобыла, как кто-то мог бы подумать, а жеребец. Но редкие прохожие не обращали на это внимания и даже не задавались вопросом, куда едет неизвестный мужчина с некоей особой.

На улице, где находилась аптека, вообще никого не было. Но Анна, как только санки остановились, на всякий случай посмотрела по сторонам – и ещё раз, подойдя к входу в аптеку.

Колокольчик над открывающейся дверью звякнул. Барышня ойкнула – ведь звук в окружающей тишине показался ударом колокола – и оглянулась на своего спутника, всё ещё стоявшего на улице.

– Господин Ржевский, а наш визит сюда точно останется в тайне?

– Разумеется! – воскликнул он, хотя прекрасно помнил, как чьи-то внимательные глаза разглядели его сани ночью у дома Софьи, а затем это наблюдение стало достоянием всего города. Так могло случиться и с аптекой, но могло и не случиться.

Луна, лукаво улыбаясь, наблюдала за происходящим из-за края облака.

– А много ли рецептов вам приносят за день? – спросил Ржевский, войдя вслед за Анной в помещение.

– Десятка два-три, – ответила та.

– Значит, за три месяца это... – Ржевский задумался. – Мы же так всю ночь провозимся!

– Всю ночь? – Анна мечтательно вздохнула. – Вовсе нет. У нас ведётся учёт не только рецептов, но и лекарственных средств. Посмотрим по журналу, когда и сколько отпускалось препаратов с мышьяком. Это недолго. – Она снова вздохнула, как будто сожалела о чём-то.

Аптекарская дочка зашла в комнату, где стояли шкафы с лекарствами, и зажгла свечу, стоящую на конторке. Затем откинула крышку конторки, достала оттуда журнал и начала его листать.

Ржевский заглядывал Анне через плечо. Позиция была весьма удобная, чтобы как минимум обнять барышню за талию, а как максимум... но поручик одёрнул сам себя. Чуть

ли не впервые в жизни он чувствовал, что момент неподходящий.

Анна меж тем, перелистывая журнал, как будто чего-то ждала.

– Вы точно никому не расскажете, что я ездила с вами в аптеку посреди ночи? – спросила она.

– Никому.

– Вы же понимаете, что мы с вами здесь только вдвоём? – не успокаивалась она. – Кто-нибудь может усомниться, что я согласилась лишь для того, чтобы помочь вам спасти Отечество.

Последнюю фразу Анна произнесла так лукаво, что Ржевский и сам бы не поверил, что барышня явилась сюда спасти Отечество, поэтому он убрал руки за спину, сделал два шага назад и нарочито смущённо кашлянул.

– Так сколько рецептов на мышьяк было за последнее время? – наконец спросил поручик.

– Всего один, – ответила аптекарская дочка, и в её голосе опять послышалось сожаление. А затем она добавила уже знакомым лукавым тоном: – Кажется, мы с вами близки... к концу расследования.

Ржевский, услышав слово «близки», отодвинулся ещё дальше:

– Значит, рецепт один? – спросил он. – Это за полгода?

– За три месяца.

– А если посмотреть за полгода?

Анна снова начала листать журнал, громко шелестя страницами. Наконец она ответила:

– Есть ещё четыре рецепта, но там незначительные дозы, а вот тот, который был недавно, очень подозрительный. Рецепт на белый мышьяк. Доза большая.

– А насколько?

– Два грамма чистого вещества.

– Это много?

– Хватит, чтобы отравить десять человек. Или даже больше.

– И вашего папу не насторожило такое количество?

– Наверное, нет, – Анна отошла от конторки и открыла нижнюю часть одного из шкафов. Там помещался ящик с рецептами, которые лежали пачками, перевязанные верёвочками. Очевидно, по месяцам.

– Вот этот рецепт, – наконец сказала барышня, подавая его Ржевскому. – Написано, что для крыс, поэтому там требовался не чистый мышьяк, а смесь. Подписано доктором Линцем. В нашей семье его хорошо знают. Доктор Линц с женой часто у нас обедает. Думаю, поэтому у папы не возникло подозрений.

– И всё же ваш папа мог бы спросить.

– Наверное, посчитал такой вопрос излишним. Но разве это важно, если рецепт поддельный?

– Вы правы, Анна, – кивнул Ржевский, складывая рецепт вчетверо и пряча в карман рейтуз. – Это не имеет значения.

Аптекарская дочка закрыла шкаф, вернулась к конторке и погасила свечу. Комната резко погрузилась в темноту.

– Надеюсь, мы с вами не столкнёмся, и вы найдёте дорогу к выходу? – лукаво спросила Анна, явно намекая, что желает столкновения. Однако поручик опять не воспользовался удачным стечением обстоятельств. Вместо этого он поспешил к выходу, благо дверь в

торговый зал осталась приоткрытой, давая ориентир.

– Как жаль, что уже пора уходить, – Анна опять вздохнула где-то у него за спиной. – Должна признаться, что спасать Отечество мне очень понравилось. И если вам ещё что-нибудь от меня понадобится... В любое время...

Чтобы сменить тему, Ржевский сказал первое, что пришло в голову:

– А знаете, Анна, мне не даёт покоя один вопрос. И я бы хотел узнать...

– Что я делаю завтра вечером?

– Нет. Я хотел узнать, есть ли в немецком языке слово «нахер», а то я слышал его от вашего папы, но не совсем понял, что он имел в виду.

– «Нахер» означает «позже», – сказала дочка аптекаря. – И если я ещё чем-то могу вам помочь... даже в том, что не связано со спасением Отечества, то... Вы ведь ещё заглянете к нам в аптеку?

– Нахер, Анна. Нахер, – сказал Ржевский.

Через минуту они вышли на улицу. Луна, лукаво улыбаясь, наблюдала из-за края облака. Как будто даже она не верила, что в аптеке ничего не произошло.

* * *

Тайницкий уже лёг спать, когда Ржевский постучал к нему в номер. Стучать пришлось долго и, возможно, в результате оказалась разбужена половина гостиницы. Об этом говорили головы, которые высовывались из приоткрытых дверей в коридор. Они прямо так и говорили:

– Полгостиницы перебудил! Куда ты долбишься? Пьяный что ли?

Наконец дверь в номер Тайницкого тоже открылась, на пороге показался слуга Аминич, но поручика не пустил.

– Барин говорит, что поздно уже. Надо было вам раньше приходиться, а теперь уговор потерял силу.

– Да! Я опоздал! – крикнул Ржевский через плечо Аминича куда-то в темноту комнаты. – Но у меня уважительная причина!

– Что за причина? – послышался усталый голос Тайницкого.

– Я познакомился с одной барышней...

– Это не причина, – ответил Тайницкий, а Аминич уже собрался закрыть дверь, но поручик ухватился за дверную ручку и опять крикнул в темноту:

– Вы не поняли! Она – дочка аптекаря! Я нашёл тот самый рецепт на мышьяк!

В темноте комнаты послышалась возня, а затем на пороге показался сам хозяин номера. Тайницкий был в домашнем халате (таком же зелёном, как мундир, сейчас отсутствующий) и в ночном колпаке.

– Что вы кричите, господин Ржевский?

– А как же мне вам сообщить, что я добыл улику? – спросил поручик.

Тайницкий выглянул в коридор. Головы других постояльцев, разбуженных Ржевским, ещё не все спрятались, поэтому чиновник деловито произнёс:

– Хорошо, пойдёмте, побеседуем. Но я ждал вас раньше, три часа назад.

– Так уж получилось, Иван Иванович, – принялся оправдываться Ржевский. – Мне ведь ещё вчера ночью Софья... то есть госпожа Тутышкина призналась, что хотела мужа отравить, и что в солонке яд.

– Значит, я не сообщу вам ничего нового, – холодно ответил Тайницкий, направляясь к

столу. – Экспертиза показала, что в солонке порошок с содержанием белого мышьяка.

– И ещё я выяснил, – продолжал свои объяснения поручик, – что яд взят в аптеке по поддельному рецепту.

– Вам госпожа Тутышкина сказала?

– Да. Вчера на свидании, на которое вы отговаривали меня идти.

– Интересно, – пробормотал чиновник, и голос его потеплел.

– В общем, я пошёл в аптеку... В Твери одна аптека на весь город.

– Лучше бы вы пришли сюда вовремя и поделились сведениями. – Тайницкий сел в кресло у стола, где сидел вчера, и жестом предложил своему запоздалому гостю сесть в другое, напротив.

Старик Аминич начал зажигать свечи, и это означало, что разговор продлится долго.

– Зачем бежать впереди лошадей? – уже нисколько не сердясь, заметил Тайницкий.

– А зачем время терять? – возразил Ржевский. – К тому же я подумал, что даже если опоздаю, вы к начальнику полиции всё равно пойдёте не ночью, а с утра. А к утру я уж точно сумею добыть себе извинение, то есть улику.

– Покажите мне её, – велел чиновник и зачем-то бросил взгляд на портрет государя Николая Павловича, всё так же стоявший на столе.

Поручик достал из кармана рецепт и пояснил:

– Я сначала обратился к аптекарю, но он потребовал официальную бумагу, а это всё ненужная волокита. Тогда пришлось мне познакомиться с его дочкой, и она мне нашла рецепт. Вы можете не читать, что там написано. Рецепт поддельный. Его выписал не доктор Линц, а господин Бенский. Бенский отлично умеет подделывать подписи и, думаю, почерки тоже неплохо подделывает.

– А кто такой господин Башмачкин? – спросил Тайницкий.

– Кто?

– Господин Башмачкин, на которого выписан рецепт.

– Я такого не знаю, – ответил Ржевский.

– Завтра с утра мы найдём его и побеседуем с ним, – сказал чиновник. – На рецепте есть адрес.

Глава восьмая, в которой герой полностью вовлекается в расследование, но приходит к мысли, что крутить романы – интереснее, чем расследовать преступления

Рано поутру, в половине восьмого, на улице перед дверями губернской гостиницы стояли двое саней.

Одни – большие, с двумя скамейками – принадлежали Тайницкому, а точнее были даны ему для разъездов по делам службы. Однако, несмотря на бурную деятельность, которую этот чиновник развил в Твери за последние несколько дней, местным обывателям его сани не запомнились.

Зато вторые сани – небольшие, но запряжённые прекрасным во всех отношениях серым в яблоках рысаком – уже были хорошо известны в городе как собственность поручика Ржевского.

Кони, запряжённые в большие сани, вели себя спокойно, как старые солдаты, которым совершенно некуда торопиться. Стоишь ты или бежишь – служба всё равно идёт. А вот рысак проявлял нетерпение, переступал с ноги на ногу. Со скуки он даже поприветствовал пробежавшую мимо извозчицью кобылку, но тут же забыл амурные дела, когда в дверях гостиницы показался Ржевский.

Поручик зевал и зябко кутался в шубу, а вслед за ним на улицу бодрой поступью вышел Тайницкий.

– И зачем же в такую рань, Иван Иванович? – спросил чиновника Ржевский.

– Во-первых, мы договорились, что я буду заниматься вашим делом только во внеслужебное время, – ответил Тайницкий. – К десяти часам я должен быть у себя в кабинете.

– Ну, опоздали бы на полчасака... – пробормотал поручик, ещё сильнее зевая.

– А во-вторых, – не слушая его, продолжал чиновник, – в такое раннее время у нас гораздо больше надежды застать господина Башмачкина на квартире. Мы не знаем его род занятий, а сегодня четверг, день непраздничный, поэтому господин Башмачкин может уйти весьма рано и вернуться только к вечеру, а я не хотел бы разыскивать его по всему городу. У меня своя служба.

Тайницкий и Ржевский расселись по саням и каждый отдал распоряжения своему вознице.

Чиновник отъехал от гостиницы первым, а поручик, который точно не знал, куда они держат путь, велел Ваньке ехать следом, но чем дальше они ехали, тем больше поручику казалось, что места знакомые.

«Э! – воскликнул он про себя. – Да тут же эта... ну... задница города!»

Большой пустырь, на краю которого растянулись непонятные здания с высокими трубами – как будто заводы. С того же краю, недалеко от заводов, виднелась церковь с кладбищем.

Вот возница Тайницкого остановился, чтобы спросить у прохожего:

– Эй, мил человек! Как проехать на Подьяческую улицу?

«Налево», – подумал Ржевский и то же ответил прохожий:

– Налево, вдоль реки.

Оказавшись на Подьяческой улице, они ещё некоторое время искали дом полковницы

Пузобрюхиной, а когда наконец нашли, то и дом – деревянный двухэтажный – показался поручику смутно знакомым.

Тайницкий и Ржевский подошли к дверям. Чиновник позвонил в колокольчик; открыла упитанная служанка неопределённого возраста в пёстрой косынке и таком же пёстром сарафане.

– Доброго утра, господа. Вам кого? – спросила служанка.

– Башмачкин здесь живёт? – спросил Тайницкий.

– Здесь, – кивнула служанка. – Во втором этаже комнату снимает. Вроде, на службу ещё не ушёл.

– Проводи нас, – велел Тайницкий.

Несмотря на то, что снаружи дом казался знакомым, внутри поручик точно не бывал, поэтому не пытался вспомнить ни скрипучую лесенку, ни тёмный узкий коридор, по которым пришлось пробираться.

Тайницкий постучал в указанную служанкой дверь. Дверь содрогнулась и открылась сама. Посреди комнаты, в которой размещались лишь печка, узкая кровать, стол и шкаф, стоял рябоватый молодой человек в салопе, то есть почему-то в женской накидке, а не в шинели. На голове, несмотря на зимнее время, был летний картуз. Молодой человек изумлённо глядел на посетителей, одной рукой прижимая к груди старый, очень потёртый кожаный портфель, а в другой руке держа ключ.

Очевидно, обитатель комнаты собрался на службу, отпер дверь и уже хотел выйти, когда на пороге появились гости.

– Господин Башмачкин? – строго спросил Тайницкий.

– Да-с, – растерянно пробормотал молодой человек.

И вот тут Ржевский вспомнил. И то, при каких обстоятельствах бывал в Задницкой, то есть Загмацкой части города. Вспомнил Подьяческую улицу. И дом на ней. И даже припомнилось объяснение, почему этот молодой человек не может пошить себе шинель, а ходит в салопе своей матушки.

– Акакий! – воскликнул поручик. – Вот так встреча! А я всё думаю, отчего мне эта часть города знакома.

* * *

Тайницкий резко обернулся к Ржевскому, а на лице отразилось что-то вроде досады. Поручик даже начал подозревать, что своим неожиданным признанием испортил начало допроса, то есть свёл на нет эффект внезапности. Как видно, Тайницкий рассчитывал, что Акакий с перепугу расскажет сразу всё.

Однако Ржевский, зная Акакия, был уверен, что тот и в спокойном состоянии всё расскажет. Особенно если налить водки, которую Акакий по соображениям бережливости пил чрезвычайно редко, и потому хмелел быстро.

– Значит, вы знакомы? – спросил Тайницкий.

– Ну да, – ответил поручик.

– Да-с, – ответил Акакий Башмачкин, судя по всему, решив, что вопрос обращён и к нему тоже.

– При каких обстоятельствах познакомились? – продолжал спрашивать Тайницкий.

– Самых что ни на есть пикантных, – ответил Ржевский. – Акакий – это ж та самая дама, которая оказалась не дамой. Её... то есть его... на тёмном пустыре поймали грабители

и начали раздевать. Ну, я вам рассказывал.

– Вы подробностей не сообщали, – возразил Тайницкий.

Акакий взволнованно сглотнул и прерывающимся голосом произнёс:

– Я возвращался вечером домой, а на пустыре меня остановили двое мужиков и того...

– Салоп хотели отнять, – пояснил поручик.

– А тут господин Ржевский ехал, – продолжал Акакий, – из пистолета выстрелил, и они убежали. А после господин Ржевский меня подобрал и до дому помог добраться, а после мы того...

– Пили в трактире, – пояснил Ржевский.

– А под конец господин Ржевский сделал мне непристойное предложение, что б мы того... – зардевшись, добавил Акакий.

– Отправились вместе к проституткам, но из этого ничего не вышло, – пояснил поручик, и тут на него нахлынула очередная волна воспоминаний: – А когда мы в трактире пили, Акакий мне рассказал о своём начальнике, господине Тутышкине.

– О! – воскликнул Тайницкий. – А где вы служите, господин Башмачкин?

– В соляном отделении казённой палаты, – сказал тот.

– Так-так... – пробормотал Тайницкий.

Все трое по-прежнему стояли в дверях, поэтому Ржевский предложил:

– Господа, а может, мы все вместе того?..

– То есть? – спросил Тайницкий, который не понимал того особого языка, на котором говорили Акакий Башмачкин и Ржевский.

– В трактир, – пояснил поручик. – Там и разговаривать удобнее.

– Я не могу, – сказал Акакий. – Мне на службу.

– Мне тоже, – сказал Тайницкий, – поэтому позвольте, господин Башмачкин, задержать вас всего на полчаса, а затем господин Ржевский сам доведёт вас, чтобы вы не опоздали. Да, господин Ржевский? – спросил чиновник, лёгким движением вталкивая поручика в комнату и плотно закрывая дверь.

Стульев в комнате не было, поэтому Тайницкий и Башмачкин уселись на застеленной кровати, а Ржевский прислонился к печке, уже почти остывшей, но всё же дававшей некоторое тепло.

Тайницкий расспрашивал Акакия Башмачкина о том и о сём, но в чём состоит конечная цель этих расспросов, поручик не мог понять.

Временами разговор был очень похож на тот, который состоялся в трактире не так давно.

– Как вы живёте на двадцать четыре рубля в год? – спрашивал Тайницкий. – Наверное, владеете искусством занимать деньги и не отдавать долги?

– Да, долги у меня того, – согласился Акакий. – Я сапожнику Семёну уже полгода копейку должен, с тех пор как сапоги у него смазывал. Но может, он уже и того...

– Умер? – не понял Тайницкий.

– Забыл про мою копейку. А ещё я прачке Агафье не доплатил десять копеек ещё с того месяца. А цирюльнику Тихону я уже три месяца должен. Он меня в долг постриг, а скоро мне снова стричься. Вот я и думаю: есть у меня бритвочка, которой щёки брею, так чтобы долг не платить, я того...

– Тихона бритвой по горлу? – опять не понял Тайницкий.

– Нет! Как можно! Я думал голову тоже побрить, а волоса скоро отрастут и будут

ровные, как будто у цирюльника был. Сорок копеек выгода!

Тайницкий понимающе кивнул, а Акакий меж тем продолжал рассказывать ему то же, что недавно рассказывал Ржевскому:

– Зато я за комнату деньги вношу исправно: хозяйка довольна. Только вот она хочет на пять копеек цену поднять. Говорит, что рубль двадцать пять в месяц – больно дёшево. А я думаю: если на пять копеек больше, это ж прям того! Я уж и так не того. У меня даже топор есть.

– Чтоб этим топором – хозяйку? – снова не понял Тайницкий.

– Нет! Чтоб за дрова не платить. Я дрова не покупаю, а как вижу деревяшку или палочку на улице, так подберу её – и дома в печку.

– Неужели вы не можете найти более доходное место службы? Ведь двадцать четыре рубля...

– Это совсем того, – подхватил Акакий. – А заработок есть. Я не только для соляного отделения пишу. Я и для частных лиц переписываю, если наймут. Вот недавно был у поэта, который хотел набело свои вирши переписать. Я как раз от него возвращался, когда на меня на пустыре напали.

– И сколько вы заработали?

– Пока нисколько. Поэт говорит, что деньги после. Сейчас у него нету, а будут, когда он вирши свои в журнал отправит.

– Боюсь, он вам не заплатит, – сказал Тайницкий. – Поэты сами вечно нуждаются.

– Заплатит, – уверенно возразил Акакий. – Денег получит и заплатит.

– А если вирши в журнал не возьмут?

– Возьмут, – так же уверенно заявил Акакий. – Тот поэт сам мне сказал, что такие хорошие стихи в любом журнале примут. Поэтому он мне их не дал с собой, чтоб я дома переписывал. «При мне, – говорит, – переписывай. А то возмёшь, – говорит, – и от своего имени в журнал».

– И оттого вы так поздно домой возвращались?

– Да.

– Тогда хорошо, что у вас при себе не было денег, а то бы их отняли. С вашими-то доходами вам можно самому выходить грабить прохожих.

– Нет. Никак не можно! – в который раз возразил Акакий.

Ржевский так и не понял, к чему все эти разговоры. Не понял даже тогда, когда Тайницкий завёл речь о Тутышкине и спросил Акакия, много ли воровства в соляном отделении.

Акакий поначалу смутился, но Тайницкий заверил его:

– Я не сомневаюсь, что вы – человек честный, потому что живёте очень скромно. Но, кажется, вас окружают воры.

Акакий, как и в трактире, принялся рассказывать, что Тутышкин, возглавляя соляное отделение казённой палаты, ворует тысячами, потому что должен содержать жену, а она на одно платье тратит двести пятьдесят рублей. Тайницкий спросил, как именно происходит воровство, и Акакий пустился в объяснения, из которых Ржевский, как и в прошлый раз, уловил мало чего.

Поручик, конечно, вспомнил, что добыча и оптовая продажа соли – это монополия государства, то есть руководят этим всем чиновники. И даже получилось сообразить, и что начальнику соляного отделения (то есть лицу, ведающему подсчётом доходов от продажи

соли в губернии) удобнее всего воровать, если взять в сообщники соляного пристава (то есть лицо, заведующее соляным складом и продающее с него соль купцам оптовыми партиями).

В голове у Ржевского даже наступило некоторое просветление, когда Акакий рассказал об одном из способов:

– К примеру, весной можно составить отчёт, будто половодье оказалось так велико, что затопило соляной склад, и вся соль того... растворилась и ушла в воду. А на самом деле склад, как и положено, построен на высоком месте, вода до него не достаёт, и соль там в целости. Соляной пристав продаёт эту соль купцам, но деньги – не в казну, а того... делит с начальником соляного отделения.

Других, более хитрых способов воровства, о которых шла речь, Ржевский не понял. Опять возникло ощущение, что вместо головы – пустой чугунный котёл.

Тем временем полчаса почти истекли. Тайницкий достал карманные часы и, взглянув на них, сказал:

– Нам осталось всего три минуты, господин Башмачкин, поэтому последние несколько вопросов.

Акакий смотрел очень внимательно.

– Первый вопрос: господин Бенский давал вам деньги?

Ржевский с удивлением отметил, что Акакий знает Бенского, ведь ответ был чёткий и короткий:

– Да-с.

– В обмен на некоторые услуги?

– Да-с. Я переписывал для него бумаги.

– Служебные бумаги? – уточнил Тайницкий.

– Да-с.

– А приказы на отпуск товара?

– Да, я их того... переписывал, если случались ошибки в цене или в количестве соли.

– И часто переписывали?

– Каждую неделю, – сказал Акакий и встрепенулся. – Да у меня вот даже один старый испорченный приказ есть. – Он открыл портфель и достал оттуда бумажный свёрток с куском хлеба, а обёрткой для этого куска как раз служил «испорченный» приказ.

Тайницкий мельком просмотрел бумагу и, свернув трубочкой, аккуратно спрятал в рукав своей шубы.

Больше никаких вопросов не последовало.

– Благодарю за разъяснения, господин Башмачкин, – Тайницкий поднялся и кивнул Акакию, собираясь уходить. – Господин Ржевский сейчас отвезёт вас к месту службы, чтобы вы не опоздали.

Акакий тоже поднялся и снова выглядел таким же растерянным, как в начале встречи:

– А... – только и произнёс он.

– Интересуетесь, кто я такой и зачем вас расспрашивал? – с улыбкой спросил Тайницкий.

– Да-с.

– Это вам знать ни к чему, господин Башмачкин, – строго произнёс Тайницкий, – но если вдруг увидите господина Бенского или господина Тутышкина, то можете сообщить им, что к ним едет ревизор.

– Как ревизор?! – ахнул Акакий.

– А вот так, – ответил Тайницкий и вышел вон, не оглядываясь.

* * *

Ржевский, проявляя порядочность, повёз Акакия к месту службы, как и было обещано, а тот на протяжении всего пути бормотал:

– Ревизор! Вот те на! Это ж, право, того!

Наконец поручик высадил его на площади перед длинным каменным двухэтажным зданием, где помещалось губернское правление, а также казённая палата.

– Совершенно того! – на прощанье сказал Акакий и мелкими шажочками побежал к одному из подъездов здания, потому что летний картуз совсем не располагал к долгим прогулкам по морозу.

– Да, совершенно того, – пробормотал поручик, ведь ему суть событий нынешнего утра была так же непонятна, как Акакию.

Поразмыслив, Ржевский решил попросить или даже потребовать разъяснений у Тайницкого.

Где у этого чиновника кабинет, поручик знал – в полицейской части. Так что можно было запросто заявиться на приём, и пусть этот Тайницкий всё же потратит полчаса своего драгоценного служебного времени, чтобы рассказать, к чему пришло расследование!

От губернского правления до полицейской части было всего несколько минут езды. Вот и знакомое здание с пожарной каланчой. Вот и двор, куда удалось въехать совершенно беспрепятственно, потому что у ворот не было никакой охраны.

Ржевский, как и в прошлый раз, зашёл в здание через заднее крыльцо, прошёл тёмный коридорчик и очутился в вестибюле у начала широкой парадной лестницы.

Вот и второй этаж, вот и другой коридорчик – с засаленными стенами. У двери Тайницкого дежурило двое конвойных и это, судя по всему, означало, что тот допрашивает кого-то у себя в кабинете.

Наконец, дверь открылась и из неё вышел господин, чем-то неуловимо похожий на бунтовщика Никодимова.

– А судьи кто?! – гордо спросил этот господин, а затем покорно проследовал вместе с конвойными к лестнице.

Ржевский, дождавшись, когда они уйдут, заглянул в кабинет и увидел, что Тайницкий сидит за столом и перебирает бумаги. Очевидно, протокол допроса.

С того дня, когда в этом кабинете допрашивали самого Ржевского, здесь почти ничего не переменилось: тот же стол, покрытый зелёным сукном, тот же стул рядом, та же вешалка у двери. Но на месте, где ещё недавно висело изображение государя Александра Павловича, теперь обнаружилось другое – портрет Николая Павловича, увеличенная копия того портрета, который стоял у Тайницкого на столе в гостиничном номере. А может, наоборот? Может, тот, который стоял на столе, был уменьшенной копией этого?

Государь Николай Павлович, глядя на Ржевского со стены, смотрел весьма пристально, но в то же время улыбался едва заметной снисходительной улыбкой. «Кажется, на маленьком портрете он смотрит иначе», – подумал Ржевский и за этими размышлениями не заметил, что Тайницкий тоже смотрит на своего гостя и тоже пристально.

– Иван Иванович... – начал поручик и вдруг, как это с ним часто бывало в сложных ситуациях, обрёл уверенность в себе. – Я требую объяснений!

– Что?

– Объяснений!

– Я спросил, не что вы требуете, а что вы себе позволяете. – Тайницкий положил бумаги на стол.

– Я себе позволяю всё, но не сразу, – ответил Ржевский, вешая шубу на вешалку и усаживаясь на стул – тот самый стул, на котором во время допроса несколько дней назад чувствовал себя неудобно, а теперь не испытывал никаких неудобств. – Иван Иванович, мы же с вами вместе работаем над делом об отравлении Тутышкина...

– Вместе работаем? Ну, это вы хватили!

– Но ведь это мне мадам Тутышкина и господин Бенский признались в своих преступных намерениях. Мне, а не вам! А ещё я помог добыть улику. Даже две – солонку и рецепт! – Для пущей убедительности Ржевский указал на портрет на стене и как будто в шутку добавил: – Вон и Николай Павлович со мной согласен. Вон как одобрительно смотрит.

Тайницкий оглянулся на портрет, где у государя была всё та же едва заметная снисходительная улыбка, но ничего не сказал.

Ржевский, задумался, что ещё предьявить как довод, но Тайницкий вдруг смягчился:

– Ну, хорошо. Убедили. Так что же вам непонятно в ходе нашего, – слово «нашего» было произнесено с усилием, – расследования?

Поручик оживился:

– Что касается сегодняшнего утра, мне почти всё непонятно. Как вы узнали, что Акакия Башмачкина нужно спрашивать о Бенском? И чем это нам в итоге поможет?

– Уже помогло, – невозмутимо ответил Тайницкий. – Дело почти раскрыто.

– Да?

– Да.

– Значит, Акакий Башмачкин тоже замешан в этом деле, и он рассказал вам что-то важное?

– Да, – так же невозмутимо ответил Тайницкий. – Он рассказал мне, как господин Тутышкин с господином Бенским вместе обкрадывают государство. Тутышкин – начальник соляного отделения, а Бенский – соляной пристав. Очень удобно, если хочешь украсть. И это объясняет, почему Бенский хочет наложить руку на деньги Тутышкина. Бенский считает эти деньги своими. Воры не поделили украденное – обычная история.

– Бенский – соляной пристав? – удивился Ржевский. – Это Акакий сказал?

– Нет, господин Башмачкин рассказал мне, как осуществляется воровство, а то, что Бенский – соляной пристав, я узнал ещё вчера, когда навёл справки.

– А почему вы мне не сказали? – Ржевский снова удивился. – Если б я знал, то больше понял бы в вашей беседе с Акакием.

Тайницкий вздохнул:

– Я хотел вам сказать. Но вчера вечером вам надо было прийти ко мне вечером, а не ночью. Ночью мне очень хотелось спать, и я едва смог выслушать ваш рассказ об аптеке. Утром, когда мы ехали проверить адрес на рецепте, я ещё не вполне понимал, что к чему. У меня были лишь смутные догадки. Но когда вы сказали, что господин Башмачкин служит в соляном отделении, тут пасьянс и сложился. Я всё понял.

– А я не понял почти всё. То есть ничего не понял.

Ржевский почувствовал, будто вместо головы – пустой звенящий котёл. Такое же ощущение владело поручиком, когда Акакий рассказывал ему о способах воровства в

соляном отделении.

Тайницкий принялся объяснять:

– Господин Тутышкин и господин Бенский много лет наживались на торговле государственной солью, но для своих дел им нужен был ещё человек. И это оказался господин Башмачкин, которого Бенский использовал для подделки бумаг, а Тутышкин как начальник соляного отделения, старательно закрывал на всё глаза.

В голове у Ржевского тоже начал складываться некий пасьянс, а Тайницкий, помолчав мгновение, продолжил:

– Башмачкин сознавал, что делает, но сам с этого не получал никаких выгод. Он – человек маленький, а с подобными людьми всегда так: их под страхом увольнения со службы вовлекают в преступление, а позднее сваливают на них всю вину. Бенский не делился с Башмачкиным барышами и платил за «переписывание бумаг» всего ничего, а затем, когда решил, что наворовано достаточно, захотел ещё и выставить Башмачкина убийцей. Поэтому в рецепте на яд указал имя и адрес Башмачкина.

Поручик вскинул брови.

– Но не всё ли равно, чьё имя в рецепте, если бы этот рецепт так и остался лежать в аптеке? Ведь по замыслу Бенского никто не должен был узнать, что Тутышкин отравлен.

– Боюсь, что на счёт замысла вы заблуждаетесь, – возразил Тайницкий. – Я почти уверен, что господин Бенский собирался выдать Софью Тутышкину властям. Но думаю, он хотел сделать это уже после того, как женится на ней и завладеет деньгами её покойного мужа, которые считает своими.

– Выдать?

– Да. Составить анонимный донос. Дескать, она отравила прежнего мужа, для этого вступила в сговор с вами и с господином Башмачкиным, а господин Бенский ни при чём. На рецепте имя не его, и солонку он даже в руках не держал. Так что, если бы Софья Тутышкина в ходе следствия начала говорить против Бенского, ей бы не поверили. Ведь к тому времени Бенский успел бы уничтожить все бумаги, хоть как-то уличающие его в воровстве соли.

– А Акакию, если б он стал рассказывать о воровстве Тутышкина и Бенского? – спросил Ржевский.

– Башмачкину без бумаг тем более не поверили бы, – ответил Тайницкий. – Он – человек маленький. Таким людям никто не верит, и свидетельства их не принимаются судьями в расчёт.

– Но почему вы уверены, что Бенский так коварен? – сказал поручик. – Почему ему мало просто жениться на Софье Тутышкиной и тратить деньги?

Тайницкий пожал плечами:

– Но вы же сами мне рассказывали, как легко господин Бенский согласился уступить её вам. Он лишь настаивал, что должен жениться на ней в случае смерти господина Тутышкина, а вот то, что она станет вашей любовницей, господина Бенского несколько не смущало. Когда так относятся к женщине, тут поневоле задумаешься. – Тайницкий посмотрел на недоумённое лицо поручика. – Впрочем, к вам это не относится. Вы, как я вижу, думать не привыкли.

– Иван Иванович, – Ржевский нахмурился, – вы меня обижаете. За такое можно и на дуэль! – Он вдруг посмотрел на портрет Николая Павловича, вспомнив, что государи обычно не одобряют дуэлей между своими подданными.

Тайницкий тоже оглянулся на портрет и примирительно улыбнулся.

– Я не хотел вас обидеть. Не обижайтесь, Александр Аполлонович.

Кажется, впервые за всё время знакомства чиновник назвал поручика по имени отчеству, а не по фамилии, и это что-то значило.

– Хорошо, в этот раз дуэли не будет. – Поручик кивнул.

– Но если уж мы с вами взялись за расследование этого дела... – продолжал Тайницкий.

– Значит, это всё-таки наше расследование, а не только ваше, Иван Иванович?

– Да, расследование наше. – Тайницкий заговорил приглушённо. – И надо довести всё до конца. Добыть свидетельства, что Бенский не только вор, но и имел намерение убить. Пока мы не можем доказать его причастность к подготовке отравления.

– А рецепт на яд? – спросил Ржевский, также понизив голос.

– Будет весьма сложно доказать, что к рецепту приложил руку именно Бенский. – Тайницкий, сидя за столом, подался чуть вперёд. – А это единственная улика. И если она покажется суду недостаточно весомой, Бенский понесёт наказание только за воровство, но никак не за убийство.

– Но он же сам мне признался! – возразил Ржевский.

– При всём уважении, Александр Аполлонович, – сказал Тайницкий, – вам в суде лучше вообще не выступать, а то испортите всё. Вашу роль в расследовании лучше не афишировать.

– Но что же тогда делать?

– Спровоцировать Бенского, чтобы он попытался отравить Тутышкина сам.

– А как? – спросил Ржевский.

– Я уже частично это сделал, – ответил Тайницкий. – Я пустил слух, что в соляное отделение скоро наведается ревизор, поэтому сейчас смерть Тутышкина выгодна Бенскому как никогда. Ведь если вскроются нарушения в соляной торговле, то незаконно заработанные деньги придётся вернуть в казну. Бенский не может этого допустить, ведь тогда погибнут все его труды за последние годы. А если Тутышкин внезапно умрёт, тогда есть надежда спасти наворованное. Со смертью Тутышкина ревизия в соляном отделении сильно затруднится.

– И теперь надо устроить так, чтобы Бенскому представился случай подсыпать Тутышкину яд? Разумеется, ненастоящий яд.

– Да. И это можно сделать на маскараде, который будет завтра у губернатора. Бал-маскарад в честь Нового года.

– Жаль, что мне туда хода нет. – Поручик вздохнул. – Я ведь поспорил с губернатором, чтобы не жениться на его племяннице.

– Приглашение на бал я вам устрою. – Тайницкий улыбнулся. – Гораздо труднее – убедить Бенского, что на этот раз яд подействует наверняка. Если Бенский будет сомневаться, то не станет рисковать.

– Это предоставьте мне. – Ржевский подкрутил ус. – Я тут недавно обещал Софье Тутышкиной, что найду чистый мышьяк. Значит, я могу пойти к ней и сказать, что нашёл. Врать так врать! А она, конечно, расскажет об этом Бенскому.

Государь Николай Павлович в обрамлении портретной рамы продолжал взирать на всю эту суету со снисходительной улыбкой.

* * *

Мороз крепчал и щипал за нос, поэтому, когда Ржевский вернулся в гостиницу, то решил, что до конца дня никуда больше не поедет – только ночью зайвится в спальню к

Софье, чтобы там до рассвета обсуждать планы по убийству её благоверного. Того влечения к этой женщине, которое было ещё недавно, поручик уже не ощущал, но если бы Софья стала приставать, то пришлось бы, дабы избежать подозрений, совершить очередной подвиг... ради блага Отечества.

Однако Софья, стремясь увидеться, опередила поручика. Прислала записку, что ждёт его в три часа в саду губернаторского дворца возле оранжереи. И пришлось Ржевскому снова надевать шубу и идти мёрзнуть на улицу ради блага Отечества, хотя он бы предпочёл ради Отечества совершать ночные подвиги, а не этот променад.

Софья в тёплой накидке из белого песка и шляпке, отделанной тем же мехом, казалось, не чувствовала мороза. Спрятав руки в такую же белую муфту, дама неторопливо прогуливалась по дорожке вокруг оранжереи и, значит, приехала на встречу заранее, ведь Ржевский явился на место ровно в три, а Софья уже была там и даже не посетовала, что её заставили ждать и мёрзнуть.

– Здравствуй, Саша, – сказала она и лучезарно улыбнулась. Её щёки разрумянились, глаза блестели, и поручик уже готов был снова очароваться этой дамой, если бы она не спросила: – Ты достал яд?

– Да, – ответил Ржевский.

– Я так и думала! – весело, с кокетливой улыбкой воскликнула Софья.

– Офицер всегда держит слово, – сказал Ржевский, но оказалось, что уверенность Софьи в том, что поручик выполнит обещание, основывалась вовсе не на этом.

– До меня дошли слухи, что у тебя роман с дочкой аптекаря, – сказала дама. – Я сразу поняла, что это неспроста. Значит, это и есть те самые связи, о которых ты говорил?

Ржевский даже растерялся:

– Ну... да.

– Надеюсь, эти связи не были теснее, чем необходимо, чтобы получить чистый яд? – всё так же кокетливо спросила Софья.

– Между нами вообще ничего не было! – воскликнул Ржевский.

– А по городу ходят слухи, что ты хочешь её увезти и жениться, – улыбаясь, сказала Софья.

– Да я...

– Говорят, – продолжала Софья, – что ты хотел увезти её прошлой ночью. Но священник, с которым ты договорился на счёт венчания, в последний момент отказался, поэтому пришлось тебе вернуть барышню домой.

– Ну, это уж совсем... – начал Ржевский, но Софья, почти смеясь, перебила его:

– Говорят, что накануне в сквере ты уговаривал её бежать из дому. Вы сидели рядом на лавочке, и ты клялся ей, что без ума от её зелёных глаз.

Ржевский вообще не помнил цвет глаз Анны, поэтому уже не знал, что возразить на такие буйные фантазии.

– В день вашей встречи, – не унималась Софья, – аптекарская дочка была в зелёной шляпке, поэтому изумрудный цвет глаз казался особенно ярким. Ты просто не смог устоять.

Ржевский плохо помнил, во что была одета Анна. Определённо он мог утверждать только, что она была одета, а не раздета. И шляпка, кажется, имелась, но вот цвет...

Поручик мысленно чертыхался, проклиная молву, а Софья веселилась:

– Любопытно, что в городе скажут теперь – после нашей встречи. Я нарочно назначила тебе свидание в людном месте, а то мне досадно, что молва болтает про тебя и аптекарскую

дочку, а не про нас с тобой.

– Софи, ну зачем же? – Поручик покачал головой, а дама внезапно насторожилась:

– Ты не хочешь, чтобы про нас болтала молва? Про тебя и дочку аптекаря – пусть? Про тебя и племянницу губернатора – пусть? А про нас с тобой – нет? Почему?

Казалось, Софья готова обидеться, поэтому Ржевский произнёс, стараясь, чтобы в голосе чувствовалась страсть:

– Софи, это неразумно. Лучше, если наши имена не будут упоминаться вместе. Учитывая, что мы затеваем...

– Но теперь уже ничего не поделаешь, – возразила Софья. – Нас видели. А раньше кто-то видел твои санки возле моего дома. Видел ночью. Поэтому о нас уже говорят. Тебе это неприятно?

– Софи, – всё с той же нарочитой страстью произнёс поручик, – если бы ты назначила мне свидание не в таком людном месте, то уже давно увидела бы, что мне приятно, а что – нет...

– Саша! – Софья засияла от удовольствия. – Ты предлагаешь уединиться в оранжерее?

Ржевский опять растерялся, но, к счастью, дама сама же и возразила:

– Нет, нас могут там застать. – Она помялась. – И сегодня ночью не приходи. У меня столько хлопот! Придётся чуть ли не до утра готовиться к маскараду, который будет завтра у губернатора. Ты там будешь? – Она ахнула: – Забыла! Ты же поссорился с губернатором, и он отказал тебе от дома.

– Мне обещали достать приглашение, – возразил Ржевский.

– Тогда увидимся там, – сказала Софья. – И можем, как в прошлый раз, зайти в библиотеку, а мой муж...

– А Бенский на маскараде будет? – спросил поручик.

– Ты ревнуешь? – Софья опять вся засияла. – Да, он будет, но я тебе обещаю...

– Скажи ему, что мне понадобится его содействие. Я принесу на бал чистый яд, и там будет удобно... Ты понимаешь?

– Да! – Думая об убийстве, Софья сияла от счастья ничуть не меньше, чем при мысли о радостях любви, и это опять способствовало тому, чтобы Ржевский разочаровался.

Конечно, он не хотел этого показать, но дама как будто что-то почувствовала.

– Что с тобой? – спросила она.

– Ничего, – нарочито улыбнулся Ржевский. – Просто я чертовски замёрз.

* * *

Какой же русский не робеет перед полицией! Его широкой душе, любящей закружиться, разгуляться, сказать иногда «чёрт побери всё!», рано или поздно приходится столкнуться с грозной силой порядка, и встреча эта оставляет по себе такую память, что в другой раз кружишься и гуляешь с оглядкой. А даже если не случилась ещё та особенная встреча, то всё равно – слухами земля полнится, так что сама фигура стоящего в отдалении полицейского вызывает беспокойство.

Иные виды представителей власти редко вызывают внутренний трепет, но полиция заставляет трепетать всегда! И только тот, кто находится выше либо равен тому или иному полицейскому чину, чувствует себя свободно.

Как бы ни пытался полицейский проявлять дружелюбие, любезность и обходительность, русский чувствует при разговоре некую скованность, будто невидимыми

кандалами, от которых никак не избавиться. А ежели русский говорит, что даже перед таким представителем власти не робеет, то он либо дурак, либо врёт бессовестно, как торговка в базарный день. А если не врёт, то надо копнуть родословную. И выяснится, что есть в этом русском французская кровь или польская, или другая бунтарская. (А может оказаться и немецкая, ведь немец не боится полиции лишь потому, что смотрит на неё с обожанием, как на воплощение порядка.)

Чистый русский, обладающий хоть малой толикой ума, всегда перед полицией робеет. Как бы ни был он храбр и отважен, при виде полицейских что-то с ним делается, и сам он не вполне понимает, что именно. Будь он хоть газетчик или известный литератор (а эта братия всегда отличалась особенной лихостью и презрением к чинам), всё равно движения его оказываются скованными, и сердце холодеет.

Даже если русский – человек порядочный, и никаких грешков за ним не водится, он всё равно чувствует себя перед полицейским, будто перед строгим взором архангела, держащего карающий меч. Кажется русскому, что вся его жизнь в руках этого существа.

Эх, отчего же ты, русский человек, не можешь подобно французу или поляку с презрением смотреть на любое проявление власти над тобой? Дай ответ. Не даёт ответа. Молчит. Опасается.

Лишь со временем, если завяжется у русского дружба с таким архангелом, то есть станут они равными, исчезнет робость и скованность, но никак не сразу.

Вот почему поручик Ржевский в кабинете начальника тверской полиции чувствовал себя скованно и в разговоры не вступал – только слушал. Помнится, он и с Тайницким поначалу чувствовал себя стеснённым, а ведь Тайницкий, хоть и служил в Министерстве внутренних дел, к полиции не имел прямого отношения. Потребовалась не одна встреча и не один разговор по душам прежде, чем к Ржевскому в обращении с этим чиновником вернулась естественная, природная наглость. А теперь – целый кабинет, полный полицейских чинов: начальник полиции, частные приставы, квартальные надзиратели!

Возможно, на совете генералов поручик ощущал бы себя свободнее, но об этом с уверенностью судить не мог. На совете генералов Ржевский никогда не был. Не приглашали.

И всё же нынешнее собрание было весьма похоже на совет генералов. Два десятка человек в зелёных мундирах и белых штанах столпились вокруг стола, где был разостлан наскоро нарисованный план губернаторского дворца, словно карта для будущей баталии.

Начальник полиции, будто орёл, расправивший крылья, стоял по центру, широко расставив руки, которыми опирался о край столешницы, и зорко смотрел по сторонам. Правда, на этом сходство с орлом заканчивалось, ведь был он так упитан, что никак не смог бы подняться в небо, окажись у него крылья. Фамилию он носил подходящую его комплекции – Пузевич.

Пузевич был из тех начальников, которые внушают робость не только сторонним наблюдателям вроде Ржевского, но и чинам нижестоящим.

Если такой начальник ходит по своим владениям и начинает спрашивать о делах, то всё от волнения приходит в беспорядок. Даже самые разумные и говорливые подчинённые не могут связать трёх слов. Важные бумаги, лежавшие только что на видном месте, исчезают неведомо куда. Ни одно поручение, даже самое простое, не может быть исполнено, хотя именно сейчас все хотят показать усердие. Начальник громко сетует, что окружён бездарями и лентяями. «Сегодня же к вечеру всё исполнить и подать мне письменный отчёт!» – кричит он и хлопает дверью. Но стоит такому начальнику уйти, как всё устроивается само собой.

Нужные слова, которые никак не находились для устного ответа, находятся для письменного отчёта. Бумаги, только что исчезнувшие, обнаруживаются. Поручения, несколько минут назад встречавшие множество препятствий, исполняются без малейших затруднений.

Ржевский, не имея опыта кабинетной службы, не мог этого угадать. Видел лишь, что все молчат, а говорит один только Пузевич и ещё – Тайницкий. Их разговор казался беседой двух мудрецов, полной прекрасных изречений, но в этой беседе поручик понял лишь то, что касалось непосредственно маскарада.

Главное – следовало сделать так, чтобы свидетели присутствовали в любой части здания, где могла случиться попытка отравления Тутышкина – конечно, мнимого отравления. Ведь вместо яда Ржевский должен был принести на маскарад солонку с безвредным порошком, чтобы вручить её Бенскому, заставить действовать и таким образом дать возможность попасться с поличным.

В роли свидетелей готовились выступить частные приставы, а также квартальные надзиратели, которых Пузевич собрал на этом совещании. Квартальных поручиков приглашать не стали, потому как они – люди совсем уж простые, мало отличные от будочников, а у губернатора публика отборная. По этой же причине не пригласили жандармскую команду. Жандармы – простые солдаты. А начальник команды – Шмелин – хоть и светский человек, но ради него одного не стоило посвящать жандармов в тайну.

Конечно, на маскараде отсутствие светских манер мало бросается в глаза (там в шутку могут и по морде дать, и с лестницы спустить), но всё же надо уметь себя вести, а то сразу привлечёшь внимание, и Бенский мог бы заподозрить неладное.

Частные приставы и квартальные надзиратели, понимая всю важность своей миссии, обещали не оплошать, но выглядели растерянными, поэтому Пузевич дал им несколько особых наставлений:

– Шампанское огурцом не закусывайте. А если вздумаете сморкаться, то в уборной, ведь иные из вас, в частности Трубников и Дудкин, так громко сморкаются, что способны оркестр заглушить. К дамам близко не подходите, а то ещё на платье наступите. И даже не дышите на них, а то кое-кто из вас, в частности Эротин, так вздыхает, что у дамы волосы на голове шевелятся, и не от страха, а оттого, что такими вздохами можно паруса надуть.

При этих словах Ржевский с интересом оглядел полицейских, пытаясь понять, кто же из них – воздыхатель Эротин, но это так и осталось тайной.

– Держите себя степенно, – меж тем продолжал Пузевич. – Если за дворян вас не примут, то за купцов – наверняка. По сторонам глядите зорко, но в глаза никому не смотрите. Старайтесь всё больше по верхам, будто картины на стенах рассматриваете или ещё что.

– Слушаемся, ваше высокоблагородие! – в один голос ответили частные приставы и квартальные надзиратели, а Пузевич, услышав этот казённый ответ, нахмурился.

– И вот ещё что, – сказал он, вынимая из кожаной папки, лежавшей на столе, лист бумаги. – Я вам дам список выражений, приличных в свете. Вы их выучите и, если придётся светский разговор завести, используйте вместо всяких «здравия желаю», «слушаю-с» и прочего. – Начальник полиции протянул лист ближайшему подчинённому: – Задавайкин, читай.

Тот принялся разбирать начальственный почерк:

– Добрый вечер. Приятно встретить вас на маскараде, дорогой друг. Я вас целую... э...

– Что? – Пузевич ещё больше нахмурился.

– А! – спохватился Задавайкин. – Не «целую», а «целую вечность». То есть: «Я вас целую вечность не видел».

– Читай дальше, – велел начальник полиции.

– Не каждый день попа...

– Что?

– Не каждый день попадёшь... в такую попу... – продолжал читать Задавайкин.

– Где ты такое находишь? – Пузевич запыхтел от гнева.

– А! – наконец сообразил Задавайкин: – Тут написано: «Не каждый день попадёшь в такую популярную ассамблею». – Он на мгновение задумался и спросил: – А что такое «популярная»?

– Всё-то вам объяснять! – в досаде воскликнул Пузевич. – Это с французского. Значит «для широкого круга лиц». И «ассамблея» – тоже с французского. Значит «собрание». Читай дальше.

Задавайкин уткнулся носом в лист:

– Как я рад, что губернатор думает о попе... то есть о попечении над...

– Ладно, хватит. – Пузевич поднял глаза к небу. – Одни идиоты кругом! Как с вами дела делать?!

Собрание молчало.

– Дальше сами прочитаете. И чтоб всё выучили так, чтоб посередине слова не спотыкаться!

– Это очень важно для дела, – добавил Тайницкий.

Лишь в одном ни он, ни Пузевич не видели затруднений – в том, чтобы в нужный момент схватить Бенского и скрутить по рукам и ногам. Приставы и квартальные могли прекрасно с этим справиться.

– Не извольте волноваться, ваши высокоблагородия! – сказал всё тот же Задавайкин. – Не попу...

– Что? Опять? – не выдержал Пузевич. – Слушай, Задавайкин, я всегда думал, что твоя фамилия происходит от слова «задаваться», а не «зад», но теперь...

– Не попустим, чтобы убийца ускользнул, – договорил Задавайкин.

Как только это обсудили, стало казаться, что собрание вот-вот окончится, но тут Тайницкий и начальник полиции обернулись к Ржевскому.

– Александр Аполлонович, – произнёс Тайницкий, – поделитесь с нами своей задумкой. Как вы собираетесь убедить господина Бенского, что тот должен сам отравить господина Тутышкина.

Ржевский растерялся. Ведь никакого плана у него не было. Поручик собирался импровизировать, как и всегда в сложных ситуациях.

– Я на месте что-нибудь придумаю, – ответил он, но Тайницкий, переглянувшись с Пузевичем, возразил:

– Нет, так не пойдёт.

– Да отчего же не пойдёт, господа? – попытался отмахнуться Ржевский.

– Нам нужен ориентир, – сказал начальник полиции, – а то, когда вы на месте начнёте выдумывать, мы можем не понять, в чём ваша задумка.

– Предложите Бенскому быть посредником в примирении между вами и Тутышкиным, – посоветовал Тайницкий.

– Зачем? – спросил Ржевский.

Чиновник пояснил:

– Пускай он вас помирят, а затем предложит вам выпить на брудершафт и сам принесёт вам шампанское. Для Бенского это будет удобный случай, чтобы подсыпать яд Тутышкину в напиток.

– Мышьяк в шампанском не растворяется, – возразил Пузевич. – Если порошок растворится, Бенский может заподозрить, что это вовсе не мышьяк. Бенский, конечно, не аптекарь, но кое-что о яде наверняка знает.

– Ну, тогда пусть принесёт и закуску, – предложил Тайницкий. – Пусть сыпет порошок на неё.

Ржевский пожал плечами.

– Можно и так, – сказал он.

– Значит, решено, – резюмировал Тайницкий. – И получается, что особенно пристальное наблюдение надо вести за буфетом, ведь именно там Бенский возьмёт шампанское и закуску.

– А если это будет во время банкета? – спросил начальник полиции.

– Это не очень желательно, – ответил Тайницкий. – Ведь наши люди будут сидеть за дальними столами и это усложнит им наблюдение. – Он обратился к Ржевскому: – Александр Аполлонович, постарайтесь окончить дело до того, как начнётся банкет.

* * *

Ночь у Ржевского прошла скучно. Он провёл её в гостинице и до двенадцати часов не мог уснуть. Не верилось, что никаких свиданий на сегодня не назначено, то есть ехать никуда не надо. Получалось, что амурные похождения – это куда интереснее, чем расследование преступления. Во всяком случае, первое способно доставить куда больше приятных минут, чем второе. К тому же участник расследования в отличие от ловеласа должен помнить, что почти всякая женщина на его пути – либо подозреваемая, либо свидетельница, то есть заводить с ними амурные интрижки – неподобающе. Неужели, такова печальная участь всякого, кто стоит на страже добра и законности?

Тайницкий в одной из бесед с поручиком обмолвился, будто бы у покойного императора Александра Павловича было выражение: «Закон – залог блаженства всех и каждого». Но чем больше Ржевский об этом думал, тем больше недоумевал: где же обещанное блаженство?

Утро тоже выдалось скучным. Позавтракав, Ржевский отправился к дому генерала Ветвисторогова в надежде увидеть генеральшу, но Ванька, посланный на разведку, сообщил, что генеральша уехала к портнихе – подгонять по фигуре маскарадный костюм – и неизвестно, когда будет. Прямо как Софья, которая тоже готовилась блеснуть на маскараде и потому не имела времени на свидания.

Конечно, поручик и сам не хотел с ней встречаться после всего, что узнал, но если уж совсем нет выбора, то можно и забыть о своём отвращении к отравительницам и о принципах, которыми должен руководствоваться тот, кто занят расследованием.

В общем, Ржевский так огорчился, что его потянуло философствовать. «Женщины – странные существа, – подумал он. – Всячески прихорашиваются, чтобы пленить мужчину, но если мужчина уже пленён, то они избегают его, потому что он мешает им прихорашиваться».

Поручик решил прокатиться по городу, рассчитывая, что случай – а точнее богиня

Фортуна – поможет с кем-нибудь познакомиться, но на улице не попались дамы или барышни, которые выказывали бы желание закрутить роман. Они либо гуляли в сопровождении кавалеров, либо спешили по делам, даже не глядя в сторону одинокого гусара.

Когда Ржевский наконец вернулся в гостиницу и поднялся в номер, на пороге появился старый Аминич. Слуга Тайницкого принёс Ржевскому обещанное приглашение на маскарад и вдобавок – костюм: чёрную полумаску, седую накладную бороду и длинный маскарадный плащ с рукавами и капюшоном, именуемый «домино», синего цвета.

Вручив всё это поручику, Аминич попросил примерить: удобно ли, по размеру ли. Синий цвет – почти такой же, как цвет мундира у Ржевского, – казался приятным, но стоило примерить и повернуться к большому зеркалу, как поручику показалось, что он переоделся в женское платье.

– Я будто баба, только с бородой, – сказал он.

– Шутить изволите, – проворчал Аминич.

– Вовсе нет! – возразил Ржевский. – Вот тут, – он хлопнул себя ладонями по груди, – выпирает, будто сиськи.

– Да там же шнуры и пуговицы вашего мундира, – ответил Аминич. – И не выпирает почти.

– А сзади тоже выпирает, как будто жопа.

– Так и у вас – жопа, – спокойно ответил Аминич и добавил. – Жениться вам надо, барин. Тогда и не будет мерещиться всякое.

Поручик, ещё раз оглядев себя в зеркало, подумал, что слуга Тайницкого в чём-то прав. Долгое воздержание (а двое суток без женщин – это, конечно же, очень долго!) влияет на ход мыслей. Если не удалось ни с кем познакомиться днём, то надо непременно сделать вечером – на маскараде.

Ржевского побуждало к действию и то, что Тайницкий сообщил ему вчера, когда они вместе выходили из полицейской части. Чиновник сказал, что расследование, касающееся бунтовщиков с Сенной (то есть с Сенатской) площади, закончено. А это значило, что Ржевский волен покинуть Тверь и вернуться в свою деревню Горелово. Иными словами – сказка, которая началась с рождественского бала, подходила к концу, и поручику надо было успеть насладиться её последними мгновениями.

Глава девятая, в которой герой оказывается на маскараде, а там, как и следовало ожидать, делает неожиданное открытие

Сказать, что маскарад у губернатора оказался совершенно такой же, как обычно бывает маскарад в российской губернии, значит погрешить против истины. Это увеселение блеском и размахом вполне соответствовало тому, что устраивалось в Москве и даже Петербурге. И по количеству выпитого шампанского, и по количеству разбитой посуды, и по количеству денег, истраченных дамами на наряды, и даже по количеству сплетен, порождённых разными маскарадными происшествиями.

Конечно, число гостей не могло оказаться вполне таким же, ведь население Твери было не так велико, как население столиц, но князь Всеволожский, следуя столичным традициям, приглашал на этот праздник не только дворян, но и купцов, и всех сколько-нибудь заметных людей города.

После шести часов вечера, когда гости начали прибывать, перед главным крыльцом губернаторского дворца, а также в помещениях сделалось очень тесно. Там, конечно, нашлось бы, где упасть яблоку, но вот если бы дама решила упасть в обморок, упасть у неё никак не вышло бы.

В большом зале толпились лишь по краям, а в центре хватало места для танцев, но Ржевский, не обнаружив там ни Тутышкиных, ни Ветвистороговых, ни даже Бенского, не стал присоединяться к танцующим. Он устремился в одну из смежных комнат, где побольше народу и побольше толкотни.

Теснота – друг гусара, потому что помогает знакомиться с дамами. Ведь женщину при знакомстве с гусаром останавливает не столько скромность, сколько неизвестность. «Вот окажусь я в гусарских объятиях, – думает прелестница, – а как там? Вдруг мне что-нибудь не понравится. Но отказываться будет уже поздно». Зато в плотной толпе, где расстояние между собеседниками минимально, даме намного проще вообразить гусарские объятия и решить для себя, как оно там.

А бывает, что женщина не вполне уверена, нравится ли гусару. Порой ей кажется, что комплименты и прочее внимание к ней – лишь дань вежливости. Зато в плотной толпе, когда гусар и дама волею обстоятельств прижаты друг к другу, даме легко понять, что интерес непритворный. Кто же станет из вежливости изображать эрекцию! Ну, может, политики или лица на дипломатической службе иногда этим грешат, но гусар – никогда!

Конечно, поручик Ржевский не мог с уверенностью судить о том, как рассуждают дамы, но то, что в толпе знакомство идёт легче и быстрее, был факт несомненный. Опыт множества гусар, передаваемый друг другу, что-то же значит!

В общем, поручик ринулся в атаку, а точнее – в толпу, подняв руки над головой и нарочито извиняясь:

– Пардоньте меня, пардоньте.

Протиснувшись к выбранной даме – симпатичной шатенке в пёстром наряде и монисто, которая изображала то ли цыганку, то ли персиянку, – Ржевский без лишних предисловий произнёс:

– Прекрасная незнакомка, разрешите с вами познакомиться.

– А вы кто? – спросила шатенка.

Ржевский запоздало вспомнил, что он в итальянском плаще, под которым не видно

мундира, а также в маске и с бородой, поэтому одним своим видом сразить даму, как это случалось в обычное время, не получится.

Поручик отвёл бороду в сторону, чтобы стал виден лихо закрученный рыжий ус, и представился:

– Я – поручик Ржевский.

– О! Двойной костюм! – воскликнула дама. – Вы оделись поручиком Ржевским, который оделся для маскарада? Оригинально!

– Что вы! Я и есть Ржевский Александр Аполлонович! – воскликнул поручик.

– Тогда познакомьтесь со мной, – пробасил кто-то справа.

Ржевский повернулся и увидел упитанного господина в красном гусарском мундире, похожем на мундир Изюмского полка. Лицо помимо маски было скрыто большущими чёрными усами – явно приклеенными.

– А вы кто? – спросил поручик.

– Я гусар-девица, – пробасил господин, и только теперь Ржевскому стало видно, что вместо синих рейтуз, полагающихся гусару Изюмского полка, на этом господине широкая синяя юбка. Она была расшита шнуром так же, как рейтузы, но всё же это была юбка. Да и бас, которым разговаривал незнакомец, был как будто не мужской – проскальзывали высокие нотки.

– Вы – женщина? – на всякий случай уточнил поручик.

– Да, – ответил странный гусар. – Не хотите пригласить меня на следующий танец?

– Нет-с... – пробормотал Ржевский. – Что-то как-то не...

– Я могу помочь, – раздался высокий женский голос слева.

Там оказалась худощавая молодая дама, чьё платье напоминало греческое. За спиной виднелись белые крылья, которые, судя по всему, были вырезаны из картона и выкрашены масляной краской. В руке – маленький, как будто детский, лук и коротенькая стрела.

– Я могу помочь, – повторила дама. – Сделаю так, что вы захотите.

– А вы кто? – в который раз спросил поручик.

– Я – Амур, – сказала дама. – Сейчас выстрелю вам в сердце и... – Она вскинула лук, наложила стрелу на тетиву, а кончик стрелы упёрся прямо в грудь Ржевского.

– Не надо в меня стрелять! – воскликнул поручик. Он быстро выбрался из толпы и поспешил покинуть комнату, а остановился только тогда, когда добрался до буфета.

Как видно, опыт множества гусар, передаваемый друг другу, не всегда что-то значил. Сражение, обещавшее лёгкую победу, обернулось досадным поражением и необходимостью отступить.

Переводя дух после этого не слишком приятного приключения, Ржевский выливал в себя уже второй бокал шампанского, когда за спиной послышался томный женский голос:

– Здравствуйте, Александр Аполлонович!

Поручик обернулся. Перед ним стояла девица, набеленная и нарумяненная так, что под слоем штукатурки никто бы не разглядел, красавица это или нет. Волосы скрывал белый напудренный парик, который носили в прошлом веке, да и платье, казалось, было вынуто из бабушкиного сундука. Фижмы делали юбку настолько широкой, что девица едва могла бы пройти в двери.

А впрочем, самое странное в незнакомке было другое – она почему-то сразу поняла, что перед ней Ржевский, хотя «цыганка», «гусар-девица» и «дама-Амур» не смогли этого понять.

– Как вы меня узнали? – спросил поручик.

– По усам, – всё так же томно ответила девица.

И в самом деле – накладную белую бороду Ржевский сейчас держал в руке, чтобы не мешала пить.

– И по кавалерийским сапогам. У вас сапоги из-под плаща видны, – добавила девица.

Ржевский бросил взгляд вниз – действительно видны.

– А ещё – по манерам, – продолжала девица. – Знакомиться с актрисами местного театра не побоялся бы только поручик Ржевский.

– С кем?

– С восточной принцессой, гусаром и Амуром.

– Так это актрисы?

– Да.

– Чем же они так страшны?

– Говорят, у них у всех сифилис.

Ржевский чуть не выронил бокал из-под шампанского.

– Но это не точно, – поспешно добавила девица.

– А вы сами кто, мадемуазель? – спросил Ржевский, поставив пустой бокал на стол. Её голос казался ему смутно знакомым.

– Я – Сесиль де Воланж, – всё так же томно растягивая слова, ответила девица.

Ржевский тут же вспомнил длинное письмо – большой лист, исписанный с обеих сторон мелким почерком. И слова Тайницкого о том, что Сесиль де Воланж – имя вымышленное. Дескать, это героиня одного французского романа, юная красавица.

Поручик ещё раз оглядел девицу и опять подумал, что под таким слоем белил и румян трудно понять, красавица ли она. А ещё Ржевский не без сожаления отметил, что грудь у этой особы почти плоская. Ржевскому почему-то думалось, что само имя Сесиль обещает заметные сиськи... пардон, грудь.

– Так это вы прислали мне письмо? – спросил он.

– Да. – Сесиль почему-то смутилась. – Надеюсь, вы не сочли, что я вас преследую?

– Напротив, – ответил Ржевский. – Когда я прочёл письмо, то сам хотел вас найти.

– В самом деле? – Сесиль смутилась ещё сильнее. – Тогда, думаю, я не покажусь навязчивой, если спрошу, обратились ли вы в полицию. Или, может, к частному сыщику? Да, в письме я обещала не просить ответа, но по тем слухам, которые до меня доходят, мне трудно судить. Ваш роман с дочерью аптекаря имеет ко всему этому отношение?

Ржевский задумался, надо ли признаваться в том, что на маскараде проходит полицейская операция. Пусть Тайницкий и говорил, что Сесиль – «очень умная мадемуазель», но операция всё-таки тайная.

– Знаете ли, Сесиль, я... – Поручик замолчал, подбирая слова.

– Понимаю. – Она вздохнула. – Я вмешиваюсь не в своё дело. Простите. – Девица потупилась, а затем подняла на поручика глаза. – Я не буду спрашивать, но мой долг – предупредить вас о новом обстоятельстве. Врач сказал, что лакей Фёдор почти наверняка выздоровеет.

– Кто выздоровеет? – не понял Ржевский.

– Лакей, который отравился мышьяком на рождественском балу, – пояснила Сесиль. – А когда Фёдор выздоровеет, то наверняка вспомнит, из чьей тарелки ел. И если вы по-прежнему связаны с мадам Тутышкиной...

– Сесиль, вы обещали не вмешиваться, – одёрнул её Ржевский.

Девушка снова потупила взгляд:

– Простите.

– А почему вы так странно одеты? – спросил поручик, чтобы переменить тему. К тому же он по-прежнему не понимал, для чего девушке парик и платье из бабушкиного сундука.

– Но мы же на маскараде, – ответила та, явно обрадовавшись, что беседа потекла в иное русло, и больше не нужно извиняться.

– Всё равно странно. Вы как будто из прошлой эпохи.

– Так и есть. – Девушка снова заговорила томным голосом. – Я – гостья из восемнадцатого столетия. Роман, героиней которого я являюсь, увидел свет более сорока лет назад. Вы этого не знали? Но ведь сам роман «Опасные связи» вам известен.

Она как будто на что-то намекала, но Ржевский не понял, на что именно, и всё же он понимающе кивнул.

– Да, я его знаю. А вот то, что он такой старый, не знал.

– Значит, и я стара? – кокетливо спросила Сесиль.

– Вроде нет, – ответил поручик, вдруг подумав, что раз ему сегодня не везёт, эта барышня может оказаться единственной, с кем сведёт судьба на маскараде.

– Тогда пригласите меня танцевать? – спросила Сесиль.

– А почему бы и нет. Пойдёмте, – сказал Ржевский, предлагая ей руку, чтобы отвести в бальный зал.

* * *

Вспомнив о судьбе и везении, Ржевский тут же вспомнил богиню Фортуны. «Фортушка, неужели ты меня забыла? Отчего не помогаешь? Мне бы напоследок познакомиться с кем-нибудь», – мысленно взмолился он, но богиня, порхавшая где-то поблизости, кажется, состроила обиженную мину. Ведь только стараниями Фортуны поручик получил приглашение на маскарад, а Тайницкий, добывший приглашение, был всего лишь слепым орудием в руках богини. Нет, Фортуна не забыла о своём любимце! Но собиралась ли она сделать для него что-то сегодня?

«Фортушка, мне бы...» – мысленно продолжал просить поручик, но не сумел досказать просьбу, потому что грянул вальс.

Ржевский и Сесиль закружились по залу вместе с другими танцующими. Поручик смотрел на свою партнёршу и её лицо казалось ему знакомым, как и голос. Как будто он уже танцевал с ней вальс не так давно.

Девушка была без маски, но это никак не помогало. Белила и румяна из любой сделают фарфоровую куклу, скрывая черты, по которым можно различать лица.

Помнится, Тайницкий говорил: «Сесиль – ваша знакомая», но Ржевский не мог прямо спросить у неё, где её раньше встречал. Девушка наверняка обиделась бы из-за такой забывчивости, а ссориться было нельзя, ведь на маскараде поручик пока больше ни с кем не познакомился. Если она обидится и уйдёт, кто скрасит одинокому гусару нынешний вечер?

Как назло, именно тогда, когда Ржевский танцевал с Сесиль, на горизонте появились две дамы, которые могли бы составить ей замену: генеральша Зоя Ветвисторогова и Софья Тутышкина.

Чета Ветвистороговых сразу выделялась в толпе красным цветом своих одеяний. Генеральша явилась на маскарад в костюме боярыни, а генерал – в костюме боярина.

Учитывая приверженность генерала всему русскому, это было неудивительно.

А вот чета Тутышкиных оделась как-то странно. Софья надела жёлтое платье странного покроя – верх облегающий, рукава расширяются книзу, как дудки, и юбка так же. Тутышкин был в зелёном кафтане до колен, но без штанов. Вместо них – чёрные чулки, которые заканчивались где-то под кафтаном, а на поясе (наверное, на случай, если кто-то вздумает смеяться) висел внушительных размеров меч, хоть и бутафорский.

По окончании вальса Ржевский подошёл к Тутышкиным поздороваться, а поскольку так и не придумал, куда деть Сесиль, то подошёл вместе с ней. На маскараде правила нестрогие. Не надо считать минуты, проведённые в обществе той или иной юной особы, чтобы после тебя не заставили жениться, если ты провёл с ней слишком много времени.

– Здравствуйте, Фёдор Иванович, – сказал поручик. – Здравствуйте, Софья Петровна. Или на маскараде вас следует называть другими именами? Но что у вас за костюмы? Кого вы изображаете?

– Полагаю, кого-то из времён трубадуров? – спросила Сесиль.

Ржевский оглянулся на неё и подумал, что надо представить Тутышкиным свою спутницу:

– Кстати, познакомьтесь... – Ржевскому вдруг отчего-то показалось, что Тутышкины узнали эту девицу. На их лицах как будто промелькнуло выражение «мы и так с ней знакомы», но он всё же досказал: – Это Сесиль де Воланж.

– Героиня романа? – улыбнулась Софья. – А мы с мужем тоже решили одеться, как книжные персонажи. Читали роман «Айвенго»? Автор – Вальтер Скотт.

Это имя Ржевскому ничего не говорило, но он ещё раз оглядел костюм Софьи и подумал, что платье удачное. Облегающий верх подчёркнул все завлекательные изгибы тела, да и декольте достаточное, чтобы видеть стиснутую лифом грудь, которую почти не прикрывала спускающаяся на плечи полупрозрачная головная накидка.

И всё же следовало отвлечься от этой груди и поддерживать разговор:

– Я где-то слышал, – сказал Ржевский, – что романисты – почти все мерзавцы. В книгах прекрасные идеи развивают, поэтому кажется, что автор – тоже человек прекрасный. А как встретишься с ним да поговоришь, то оказывается, что он сволочь та ещё, но в книжках свой мерзкий характер прячет, чтоб продавались лучше.

– Это вы к чему? – удивлённо спросил Тутышкин.

– Судя по всему, этот ваш Вальтер – как раз из таких. Скотом просто так не назовут. А что за книжки этот скот Вальтер пишет?

– Он не скот Вальтер, а Вальтер Скотт. Скотт – это фамилия, – строго сказал Тутышкин, но Ржевский почти не заметил его строгости, ведь Софья, стоя рядом с мужем, безмятежно улыбалась и будто говорила: «Всё пустое. Пусть сердится, а наш с тобой уговор на счёт свидания в библиотеке всё равно в силе».

Пусть Софья и была преступницей, но, как выяснилось, до конца не растеряла своего очарования в глазах поручика, и если б он выбирал между ней и Сесиль, которая в отличие от Софьи ещё не обещала ему отдаться, то Софья казалась всё же предпочтительнее.

Волевым усилием Ржевский перестал думать о библиотеке и вернулся к беседе:

– А что за автор? Немецкий? – спросил он.

– Английский, – буркнул Тутышкин.

– А я вот знаю одного английского автора, – сказал поручик. – Его зовут Джонатан Свист. Думаете, свиньёй он не был?

– Он Свифт, – тихо поправила Сесиль, а Ржевскому опять почудилось в её поведении нечто знакомое.

– Да, – всё так же строго произнёс Тутышкин. – Насколько я знаю, он Свифт.

– Ну, тогда хватит о свиньях. – Ржевский непринуждённо улыбнулся. – А то и на прошлом бале мы с вами о свиньях говорили, и в этот раз. Не хватало ещё вспоминать, как я вас на рождественском балу свиньёй обозвал, а после ещё раз, когда приходил в ваш дом. Хватит о свиньях!

Тутышкину, конечно, было неприятно вспоминать, как его обозвали свиньёй и к тому же вором, но поручик не случайно завёл об этом разговор. Ведь следовало придерживаться плана, разработанного в кабинете у начальника полиции! Согласно этому плану, Ржевский должен был помириться с Тутышкиным и предложить выпить на брудершафт. Но как же мириться, если не напомнить о ссоре! А вдруг Тутышкин уже забыл её?

– Знаете, Фёдор Иванович, – сказал поручик, – как-то у нас не задалось знакомство. Предлагаю это исправить.

– Тогда вам, по меньшей мере, нужно извиниться! – воскликнул Тутышкин.

– Я прошу у вас прощения, Фёдор Иванович, за своё излишне вольное поведение и за свои неуместные шутки, – сказал Ржевский.

– И извиниться не один раз! – добавил Тутышкин.

– Я прошу у вас прощения за все случаи, когда моё поведение было чересчур вольным, а шутки – неуместными, – терпеливо извинялся Ржевский.

– Ну, хорошо, – смягчился Тутышкин, – извинения приняты.

– Выпьем на брудершафт? – спросил поручик. И только тут осознал, что забыл про важную деталь плана. Ведь рядом должен быть Бенский! А его не было. А без него пить с мужем Софьи не имело смысла. Кто же подсыплет яд в закуску? Точнее, порошок, выдаваемый за яд.

Мечты о свидании в библиотеке привели к тому, что Ржевский упустил из виду важную часть плана, а теперь это было необходимо как-то исправить. Но как? И это казалось с каждым мгновением труднее, потому что события стали развиваться с угрожающей скоростью!

– Прекрасная мысль! – воскликнула Софья и обратилась к мужу. – Правда? О! Это же будет главная новость вечера! Мой муж заставил извиниться самого поручика Ржевского! Это почти подвиг! – Она с нарочитым восхищением взглянула в глаза мужа. – Этот успех надо закрепить.

– Да, пожалуй, – пробормотал Тутышкин, который немного растерялся от внезапного успеха, в том числе своего успеха у жены, которая, кажется, давно не была так мила с супругом.

– Пойдёмте в буфет? – предложила Софья и, не дожидаясь ответа, потащила мужа в означенном направлении. Кажется, она подумала, что Ржевский собрался отравить её мужа во время совместных возлияний, и решила подыграть.

– Постойте! – крикнул поручик им вслед. – А где же господин Бенский?

– Я его не видела, – ответила Софья, вместе с мужем продолжая движение в сторону буфета.

Ржевскому ничего не оставалось, как взять Сесиль под руку и последовать за ними, но на полдороги Софья обернулась и произнесла:

– Сесиль, я забыла вам сказать, что ваш дядюшка о вас спрашивал. Он вас ищет.

– Я разыщу его чуть позже, – ответила Сесиль. – Сначала хочу посмотреть на триумф вашего мужа.

– Ваш дядюшка сказал, что это срочно, – возразила Софья. – Думаю, будет лучше, если Александр Аполлонович проводит вас, а мы подождём его в буфете.

Поручик согласился. Провожая Сесиль к дяде, он получал небольшую передышку, когда можно было обдумать создавшееся положение.

– А кто ваш дядя? – спросил Ржевский, когда они обошли уже половину зала, но никого не нашли.

– Он – китайский император, – ответила Сесиль.

– Надо же, – пробормотал поручик и только после догадался, что речь о маскарадном костюме, а не о том, что дядюшка – в самом деле китаец.

– Александр Аполлонович, – спутница внимательно посмотрела Ржевскому в глаза, – вы наверняка будете на меня сердиться, но я всё-таки скажу: госпожа Тутышкина что-то задумала. Мне кажется, господину Тутышкину угрожает опасность, как в прошлый раз. Мы должны что-то предпринять. Должны. Я не прощу себе, если...

И тут поручик не выдержал. В конце концов, Тайницкий ведь сказал, что Сесиль умна. А значит – она придумает, как выкрутиться из создавшегося положения, если ей всё рассказать.

– Послушайте, Сесиль, – начал он, – я не должен вам всего этого говорить, но... – с этими словами Ржевский отвёл свою собеседницу к камину большого зала, потому что в этом месте не было народа.

Толпа и так создавала духоту, а у камина, от которого исходил жар, стоять казалось ещё тяжелее, зато там не было лишних ушей. Никто не услышал, о чём говорили гусар в плаще-домино и девица в костюме времён Екатерины Великой, но беседа явно получилась волнительная, ведь девица спустя некоторое время прижала ладони ко рту, чтобы не вскрикнуть.

– В общем, мне нужен господин Бенский, – закончил поручик. – И сейчас же. Но если я начну его искать, это вызовет подозрения.

– Я помогу вам его найти, – сказала Сесиль. – А вы не ходите пока в буфет. Когда Тутышкины спросят, почему вас так долго не было, скажете, что мой дядя долго с вами беседовал, а вы не могли прервать разговор и откланяться. Вернётесь к ним только вместе с Бенским.

– А это идея! – обрадовался Ржевский. – Тогда пойдёмте дальше искать вашего дядю.

– Сначала найдём главного распорядителя бала и спросим, приехал ли господин Бенский, – предложила Сесиль.

* * *

Когда поручик Ржевский играл в карты, то всякий раз с затаённым дыханием смотрел на банкомёта и ждал, что за карта ляжет на стол. И вот теперь так же смотрел на главного распорядителя бала и ждал его слов, как ждут козырь, такой желанный!

– Господин Бенский... – распорядитель на мгновение задумался, – да, он уже прибыл.

Ржевский облегчённо выдохнул. Сесиль – тоже.

– Давно? – спросил поручик.

– Четверть часа назад, – ответил распорядитель.

Ржевский и Сесиль ещё раз обошли большой зал и все комнаты кроме той, где

находился буфет. Также они избегали лиц в китайских костюмах, поскольку Сесиль полагала, что лучше не попадаться на глаза дядюшке.

В остальном поиски были проведены самые тщательные! Несколько раз казалось, что успех близок, однако те маски, которые выглядели похожими на Бенского, в итоге оказывались другими людьми.

– Почему же его нигде нет? – спросила Сесиль.

Ржевский улыбнулся, впервые с начала маскарада почувствовав себя умнее своей спутницы:

– Мадемуазель, если его нигде нет, это значит, что он может быть только в одном месте...

– Где?

– В нужнике.

Сесиль смущённо потупилась.

– Пойду проверить, – сказал поручик, – а вы идите искать дядю. Будет подозрительно, если мы с вами даже в нужник пойдём вместе.

На время увеселений во дворце всегда отводили одну из комнат под «нужный кабинет». По углам комнаты, каждый из которых скрывался за створчатой ширмой, были расставлены, как тогда говорили, «сундучки», то есть деревянные ящики с дыркой сверху и запирающейся дверцей сбоку. Внутри ящика стояло самое обыкновенное ведро. И там же, в комнате находился слуга, следивший, чтобы ведра не переполнялись. В такой кабинет и устремился Ржевский.

Как и следовало ожидать, нужник для гостей располагался там же, где и в прошлый раз, когда во дворце устраивали рождественский бал. Ржевский открыл дверь и принялся заглядывать за ширмы.

За первой из них сидела некая старуха, за второй виднелась лысоватая голова, которая точно не могла принадлежать Бенскому, за третьей слуга как раз вынимал из сундучка ведро, а за четвёртой было пусто.

– Вот ты где, – послышался за спиной знакомый женский голос. В комнату вошла Софья: – Я так и подумала, что если тебя нигде нет, то ты в нужнике.

Она приблизилась и добавила:

– Мы с мужем тебя давно ждём.

Её глаза недобро сверкнули.

– Где солонка? – тихо спросила дама, а Ржевский отступил за ширму, почувствовав себя загнанным зайцем. Софья, пожелавшая забрать солонку, ставила под угрозу весь план, разработанный в кабинете начальника полиции, ведь солонку должен был получить Бенский и никто другой.

Меж тем дама смотрела так пристально, что Ржевский под этим взглядом почти потерял волю. Он начал подбирать край плаща-домино, чтобы добраться до кармана рейтуз, но всё же медлил, насколько возможно, не оставляя надежды как-нибудь выкрутиться.

Софья бесцеремонно заглянула через верхний край ширмы:

– Ты можешь быстрее?

Лысоватый господин, как раз покидавший комнату, посмотрел на Ржевского и Софью с недоумением, но ничего не сказал. А старуха пробормотала:

– Да он и сам нужду справить может. Чай не маленький. Нечего за ним приглядывать.

Дождавшись, когда слуга с полным ведром, прикрытым крышкой, тоже выйдет, Софья

начала проявлять ещё большее нетерпение. Нырнула за ширму, запустила руки под маскарадный плащ Ржевского и принялась ощупывать карманы.

– Где солонка?

В прежние времена поручик только порадовался бы пикантности ситуации, но сейчас...

– Куда вы торопитесь, мадам? – шутливо спросил он, однако Софья была не расположена шутить:

– Давай уже!

И именно в этот момент в комнате появился неизвестный господин, одетый, как и Ржевский, в плащ-домино и полумаску, но плащ был красным, а не синим.

– Ну, вы нашли место! – воскликнул незнакомец. – Я бы рад оставить вас наедине, а для своих надобностей найти цветочную кадку, но боюсь, что мою любезность остальные гости не поймут-с.

Ржевский прислушался к голосу, а затем оглядел усы незнакомца, почти гусарские:

– Шмелин, это ты?

– Ржевский, ты? – вместо ответа спросил бывший гусар, а ныне – начальник жандармской команды... Хотя бывших гусар всё-таки не бывает, потому что Шмелин подкрутил ус и с чувством кивнул Софье: – Добрый вечер, мадам Тутышкина. Вы сегодня обворожительны.

– Сегодня я – леди Ровена, – строго сказала она.

– Добрый вечер, леди Ровена. Вы сегодня обворожительны. – Шмелин ещё раз кивнул. – Вы не будете возражать, если я тут... использую нужный кабинет по назначению?

– Фи! Как грубо! – Софья наморщила нос. – Сказали бы лучше «я хочу здесь подумать о жизни» или что-то в этом роде.

– У меня сейчас мысли фонтанировать начнут, – ответил Шмелин, скрываясь за ближайшей ширмой. – А чёрт! Тут ведра нет! – Он перебежал за другую.

– Пойдём отсюда, Софи, – сказал поручик, чувствуя, что ловкие женские пальчики вот-вот вытянут у него солонку из кармана, а этого не следовало допускать.

Выходя, он мысленно поблагодарил Шмелина за своевременное появление и, конечно же, Фортуну. «Опять помогла, лапушка».

* * *

Ржевский радовался недолго. Едва он вместе с Софьей вышел из нужного кабинета, как снова вспомнил о том, что дело отнюдь не решено. Пускай удалось сберечь солонку, но Бенского он так и не нашёл.

Поручик, пребывая в раздумьях, вёл Софью под руку в сторону буфета, когда на пути у них возникла Сесиль и сказала:

– Александр Аполлонович, мой дядюшка хочет с вами побеседовать.

– В самом деле? – удивилась Софья. – Но разве Александр Аполлонович не виделся с вашим дядей, когда провожал вас к нему?

– Да, они говорили, – сказала Сесиль, – но не договорили. У моего дядюшки появился новый довод, – девица сделала особое ударение на слове «новый».

– Что ж, – вздохнула Софья. – Сходите и поговорите, а я пойду и скажу мужу, что ему придётся ещё немного подождать.

Сесиль схватила поручика под руку и увлекла в толпу, однако повела вовсе не туда, куда обещала. Когда Софья уже не могла их видеть, барышня встала на цыпочки и торжествующе

прошептала Ржевскому почти в самое ухо:

– Я видела Бенского!

– И где он? – Поручик оживился.

– Я видела его в большом зале. Бенский ненадолго снял маску, чтобы вытереть лицо платком, и я это увидела.

– А видели, куда Бенский направлялся?

– В сторону буфета.

– Ну теперь я его точно найду! – обрадовано воскликнул Ржевский, но тут же понял, что не спросил самое главное. – Кстати, а что у него за костюм?

– Домино, как и у вас, но зелёное, – затараторила Сесиль. – А маска белая – на всё лицо.

Пойдёмте. – Она снова схватила поручика под руку и хотела вести дальше, но тот упёрся:

– Погодите. Мы и так всё время вместе. Это выглядит подозрительно. Особенно ваше недавнее поведение. Когда вы сказали, что меня требует к себе ваш дядя, то Софья... э... мадам Тутышкина вряд ли поверила. Она наверняка что-то подозревает.

Сесиль только пожала плечами:

– А что она могла заподозрить? Ей просто не нравится видеть меня подле вас. Она солгала, когда сказала, что дядя меня ищет. И я так же солгала, когда сказала, что мой дядя зовёт вас. Теперь мы с ней в расчёте.

– И всё же я пойду один, – сказал Ржевский. – Не ходите за мной.

Сесиль обиженно потупилась.

– Это не только подозрительно. Это может быть опасно... для вас, – добавил поручик.

Девушка приободрилась, после чего Ржевский поспешил в большой зал, а оттуда – в буфет и настиг зелёное домино как раз тогда, когда до четы Тутышкиных, находящихся возле буфета, оставалось шагов пятнадцать.

– Бенский, где тебя черти носят? – грозным шёпотом спросил Ржевский. – Софья говорила тебе, что мне сегодня понадобится твоё содействие?

– Да, говорила, – спокойно ответил Бенский, снова снимая маску и вытирая платком лоб. – Но ведь маскарад только начался. Куда спешить? К тому же я должен был сначала поздороваться с губернатором. Я ведь ему родня. – Бенский снова надел маску. – А вот ты ему лучше на глаза не попадайся. Не знаю, как тебе удалось добыть приглашение, но когда я вскользь упомянул, что ты тоже здесь, он аж затрясся. В общем, увидишь китайского императора – обходи стороной.

Ржевский кивнул, но слова «китайский император» заставили его забеспокоиться.

Помнится, Сесиль говорила, что её дядюшка – китайский император. А если китайский император – это губернатор, то кто же тогда Сесиль? Неужели?.. Нет, не может быть! Или в самом деле не может быть, если на маскараде присутствуют два китайских императора, что вполне вероятно. Один – губернатор, то есть князь Всеволожский, а другой – дядюшка Сесиль.

Поручик мог бы и дальше пребывать в раздумьях, но Бенский прервал их:

– Так зачем я тебе нужен?

– Дело важное и требует решительности... – говоря это, Ржевский оглянулся по сторонам в поисках свидетелей, то есть полицейских, которые явились на маскарад под видом гостей.

Вон некто в костюме русского богатыря присел за один из столиков в буфете и закусывает шампанское огурцом вопреки всем указаниям начальника полиции. Точно

свидетель!

А за другим столиком – ещё один господин, в костюме Нептуна. Держа трезубец в одной руке, в другой держит вилку и безуспешно пытается наколоть на эту вилку маленький солёный грибочек, лежащий на тарелке. Затем отставляет трезубец, чтобы помочь себе пальцем. Точно свидетель!

– В общем, план простой, – продолжал Ржевский. – Я сейчас подойду к Софье и её мужу, которые меня ждут, и закреплю примирение с Тутышкиным, которое тут недавно состоялось без тебя. Я выпью с Тутышкиным на брудершафт, а ты как бы из любезности принесёшь нам закусить. А на закуску высыплешь это. – Поручик показал Бенскому солонку, которую заблаговременно достал из кармана.

– А почему я? – спросил Бенский. – Пускай Софья это сделает.

– Она уже один раз сомневалась, – ответил Ржевский. – А если она снова в последний момент передумает? Другого такого шанса ещё долго придётся ждать. – Поручик вспомнил слова Тайницкого о том, что Бенский из-за надвигающейся ревизии наверняка захочет отравить Тутышкина поскорее. – Очень долго. – Многозначительно добавил Ржевский.

– Хорошо. Пойдём, – решительно произнёс Бенский, забирая солонку из рук поручика.

* * *

Тутышкин хмурился и что-то тихо выговаривал жене, а когда увидел Ржевского, то сходу начал жаловаться.

– Александр Аполлонович, это похоже на новое оскорбление. Вы меня заставляете так долго ждать, как будто мной пренебрегаете.

– Ну что вы, Пётр... то есть Фёдор... Иванович! – воскликнул поручик. – Я торопился, как мог. Лучше посмотрите, кого я вам привёл! Господина Бенского! Он ведь давний друг вашей семьи?

Из-за спины Ржевского тут же вынырнул Бенский и начал раскланиваться перед Тутышкиными.

– И всё же вас очень долго не было, Александр Аполлонович, – заметила Софья поручику.

– Меня задержали докучливыми разговорами! – пытался оправдаться тот.

– Зачем же так уклончиво! – Софья ехидно улыбнулась. – Поведайте подробности. Раскройте тайну. Мы с мужем это заслужили, ожидая вас так долго.

– Тайну? – Ржевский забеспокоился.

– А впрочем, бедняжка так выразительно на вас смотрела, что я всё поняла. – Софья продолжала улыбаться.

– Кто «бедняжка»? Сесиль?

– Называйте её, как хотите. – Софья пожала плечами. – В любом случае вся эта таинственность и скрытность ни к чему.

Ржевский забеспокоился ещё сильнее. Он снова начал опасаться, что плохо играет перед Софьей роль влюблённого, постоянно пропадая где-то с Сесиль. Софья может заподозрить неладное. И тогда полицейская операция не удастся.

– Софья Петровна, я ничего от вас не скрываю! – воскликнул поручик.

– Да тут и скрыть невозможно. – Софья всё так же улыбалась.

– Невозможно скрыть? – Поручик внутренне похолодел: «Софья знает о полицейской операции? Но откуда?»

– И вообще это просто смешно, – Софья и вправду почти смеялась, а Ржевский чувствовал себя так, будто у него чешется там, где почесать на людях неприлично, и чем больше терпишь, тем больше чешется.

– Мадам, вы сами говорите загадками! – заметил поручик.

– Хорошо, я скажу вместо вас, – веселясь, ответила Софья. – Мне смешно, что вас всё ещё надеются женить на этой девице. Когда она сказала, что у её дядюшки есть для вас новый довод, то было очевидно, что речь о женитьбе. Несмотря на скандал, вас не желают оставить в покое. Но вы ведь не поддались на уговоры?

– Меня женить на Сесиль? – На это раз поручик не испугался, а удивился. Ведь ему никто не предлагал жениться на Сесиль.

Вот на Тасеньке, племяннице губернатора, предлагали. А на Сесиль не предлагали.

Ржевскому на мгновение подумалось, что Сесиль это и есть Тасенька, но он тут же отверг эту догадку. Хотя бы потому, что Тасенька – дура, а Сесиль – умница.

«А! – наконец догадался Ржевский. – Ведь Софья не знает, что я не имел бесед с дядей Сесиль. Софья думает, что я говорил с ним дважды. Вот она и предполагает, что мы с ним говорили о женитьбе. А чего ещё может касаться «новый довод», если дядя сам посылает ко мне племянницу с приглашением на повторный разговор?»

– Простите, – вмешался Бенский. – Я слышал, что Александр Аполлонович помирился с Фёдором Ивановичем. Это действительно так?

– Да, – хором ответили Тутышкины.

– И теперь надо закрепить примирение, выпив на брудершафт?

– Да, – сказал Ржевский.

– Так за чем же дело стало! – воскликнул Бенский. – Шампанского!

К ним подошёл лакей и подал на подносе четыре бокала с шампанским, по числу присутствующих. Но как только все взяли по бокалу, Бенский будто спохватился:

– А закуска? Эх, совсем здесь подавать не умеют! – Он обратился к Ржевскому и Тутышкину: – Вы пейте, ведь и так слишком долго ждали. А я сейчас вернусь с закуской.

Ржевский снова решил проверить, как там свидетели. Богатырь, который закусывал шампанское огурцом, чихнул, зажав нос пальцами, а затем оглянулся по сторонам и боязливо вытер руки о скатерть. «Смотрит внимательно. Это хорошо», – подумал поручик.

Другой свидетель – Нептун – чинно поедал солёную сёмгу: подцепил кусок на вилку и хотел отправить в рот, но кусок упал и запутался в длинной зелёной бороде. Пришлось морскому богу приподнять себе бороду так, чтобы кусок рыбы оказался возле рта, и схватить кушанье зубами. Быстро оглянувшись, Нептун вытер бороду салфеткой, а затем так же чинно продолжил кушать. «И этот по сторонам смотрит. Хорошо», – подумал Ржевский.

Меж тем Тутышкин с бокалом в руке продолжал ждать.

– Александр Аполлонович, куда вы смотрите? Я здесь, – сказал он.

– Да, давайте выпьем, – откликнулся Ржевский.

Оба бывших врага медленно, с чувством выпили на брудершафт, а затем так же с чувством поцеловались, но Ржевский всё же отметил про себя, что целовать мадам Тутышкину гораздо приятнее, чем господина Тутышкина.

Поручик как раз отстранялся от своего нового «друга», когда увидел, что к ним приближается что-то вроде процессии. Во главе шёл, судя по всему, китайский император под руку с китайской императрицей, а за ними – ещё десяток разных переодетых личностей, среди которых были боярин и боярыня, то есть Ветвистороговы.

– Вот вы где! – произнёс китайский император, вплотную подходя к поручику.

– Да, вот я где, – ответил Ржевский, плохо понимая, что происходит.

– Моя возмущённая душа не позволяет мне молчать! – закричал китайский император. –

Не знаю, как вы сумели в обход меня добыть себе приглашение на маскарад, но должен вам сказать, что так поступать – некрасиво.

Поручик решил, что этот беспричинный гнев – всего лишь розыгрыш, обычный для маскарада, поэтому императора надо не вызывать на дуэль, а отшутиться.

– Простите, ваше китайское величество, – с поклоном сказал Ржевский. – Я просто не знал, где находится ваша китайская канцелярия, а то сам подал бы прошение. Но поскольку я не знал, куда обращаться, то попросил друга помочь. И он добыл мне приглашение. Прошу вас, не гневайтесь на меня. Мне и так не по себе, ведь я слышал про вашу знаменитую китайскую казнь – разрезание на тысячу кусков. Не приговаривайте меня к ней. Особенно мне страшно, что отрежут усы и хре... Напомните, как эта часть тела у вас в Китае называется. Небритый жезл?

– Нефритовый жезл, – подсказала Сесиль, появившаяся возле императора.

– Вы ещё и насмехаетесь! – воскликнул китайский император. – Вы приходите в мой дом, прекрасно зная, что здесь вам больше не рады, и ещё насмехаетесь!

Ржевский начал подозревать, что видит перед собой не просто китайского императора, а того, который на самом деле – губернатор, и именно в отношении него Бенский советовал: «Увидишь – обходи стороной». Однако следовать этому совету было уже поздно.

– Князь Всеволожский! – воскликнул поручик. – Не узнал вас под этим гримом. Значит, богатым будете.

– Я и так не бедствую, – сквозь зубы ответил Всеволожский и добавил: – Буду признателен, если вы немедленно покинете мой дом.

Ржевский понял, что полицейская операция под угрозой срыва. Всеволожский прервал её почти перед самой развязкой. Эх, как же так! Но сдаваться без боя не следовало.

– Князь, ну зачем же так! – Ржевский виновато улыбнулся. – Если вы сердитесь из-за того, что было на обеде, то я и сам раскаиваюсь. Простите меня. Давайте выпьем на брудершафт и помиримся.

– После такого... – начал было Всеволожский, но его перебил генерал Ветвисторогов, выступая вперёд:

– В самом деле. Простите молодому человеку его дерзости. Он же раскаивается и извиняется.

– Он меня ослом обозвал! – крикнул Всеволожский.

– А теперь извиняется, – вдруг подал голос Тутышкин, покачивая в руке пустой бокал из-под шампанского. – Меня он свиньёй обозвал, а нынче вечером извинился и попросил выпить на брудершафт. Зря вы, господин губернатор, не цените извинения со стороны Ржевского.

– Зря? – Губернатор посмотрел на него удивлённо.

– Вся Россия знает, что господин Ржевский, – Тутышкин кивнул в сторону поручика, – хамит гораздо чаще, чем извиняется, поэтому его извинения и впрямь ценны.

– И всё же... – хотел возразить Всеволожский, но его опять перебили. На этот раз это была Софья Тутышкина:

– Я вас не понимаю, господин губернатор, – сказала она. – Ведь вы нынче снова предлагали поручику жениться на вашей племяннице. И его прежние проступки были в

ваших глазах незначительными. А теперь, когда поручик во второй раз отказался жениться, вы ставите ему в вину то, за что уже простили? Осмелюсь вам сказать, господин губернатор, что вы поступаете не слишком благородно! – Софья очаровательно улыбнулась. – И если вы хотите, чтобы мнение тверского общества... по крайней мере, мнение тверских дам... – Она не закончила, потому что Всеволожский посмотрел на неё так же удивлённо, как недавно смотрел на её мужа.

– Мы с господином Ржевским сегодня ни о чём не говорили, – твёрдо сказал губернатор.

Теперь настала очередь Софьи удивиться:

– Нет?

– Нет.

– Но как же... – Пробормотала она. – Ведь ваша племянница увела у меня господина Ржевского, сославшись на то, что вы хотели с ним говорить. Но если это неправда, то... – Дальнейшее было произнесено уже громче и отчётливее: – Что тогда ваша племянница и господин Ржевский делали вместе так долго?

– Господа! – закричал Ржевский. – Это было не то, что вы подумали! И вообще я... – Он хотел сказать, что даже не видел сегодня племянницу губернатора, но осёкся, потому что Сесиль вдруг воскликнула, обращаясь к китайскому императору, то есть к губернатору:

– Дядя, мы с Александром Аполлоновичем помирились! Прости и ты его.

Поручик Ржевский стоял как громом поражённый. Сходу никак не удавалось уложить в голове, что Сесиль – это и есть Тасенька. Значит, и письмо с предупреждением сочинила Тасенька. И умницей Тайницкий назвал Тасеньку. И нынче на маскараде Ржевский танцевал вальс с Тасенькой, и поэтому она казалась ему знакомой. Но во время танца поручик её не узнал. И даже проболтался ей о тайной полицейской операции. И просил помощи в поисках Бенского. И Тасенька действительно помогла.

Ржевский ещё раз посмотрел на Тасеньку-Сесиль. В мозгу у него мелькнула странная, доселе незнакомая мысль, что женщиной (а в данном случае – девицей) можно интересоваться не только ради амурных дел. С ней можно завести что-то вроде дружбы и даже испытывать к ней что-то вроде уважения, забыв о том, что у этой женщины (а в данном случае – девицы) сисек нет и вообще у неё... не на что смотреть. Просто не на что. При всём уважении!

– Ну хорошо, – меж тем смягчился губернатор. – Если моя любимая племянница просит, то согласен на примирение.

– Шампанского! – крикнул генерал Ветвисторогов.

Поручик Ржевский с губернатором выпили на брудершафт, а когда поручик почувствовал, как шампанское медленно течёт внутри, то наконец вышел из состояния оцепенения.

Сразу вспомнилось, что полицейская операция ещё не окончена. Оставалось совсем немного, но делу могла помешать ссора с Софьей. Жена Тутышкина стояла мрачнее тучи, а причиной было, конечно же, то, что Ржевский непозволительно много времени провёл с Тасенькой.

Поручик шагнул к Софье, приблизившись почти вплотную, и, чтобы как-то оправдать этот шаг для посторонних, решил взять одну из тарталеток с тарелки Бенского, как раз оказавшегося рядом с четой Тутышкиных.

– Софи, хочешь – верь, хочешь – нет, – тихим шёпотом произнёс Ржевский, нарочито

уоставившись в тарелку Бенского, – но мы с Таисией Ивановной только разговаривали. Поэтому я и жаловался тебе на докучливые разговоры. Ты мне веришь?

– Верю. – На лице Софьи появилась улыбка облегчения.

– Вот и славно, – сказал Ржевский, схватив тарталетку с середины тарелки и кинув в рот.

Поручик уже отвернулся и сделал шаг обратно к губернатору, когда услышал за спиной женский вскрик, полный ужаса. Даже не сразу удалось сообразить, что это кричала Софья.

Дождёвая закуску, Ржевский обернулся. Глядя в расширенные глаза Софьи, смотревшие как будто с отчаянием, он начал подозревать, что сделал что-то не так.

Бенский меж тем выронил тарелку. Она упала и разбилась. Оставшиеся на ней тарталетки разлетелись под ноги гостям маскарада, и только тут Ржевский вспомнил, что Бенский недавно отлучался за закуской, которая предназначалась... Тутышкину.

– Убийца! – в гневе закричала Софья, повернувшись к Бенскому.

– Да я же... Я не хотел... – пробормотал тот, но Софья продолжала кричать:

– Почему ты его не остановил?! Ты решил отравить его тоже! – Она полубезумным, почти невидящим взглядом посмотрела вокруг, на встревоженную толпу. – Господа! Послушайте! Это... – Софья указала на Бенского. – Это – убийца! Он отравил моего мужа – господина Тутышкина. И он же отравил господина Ржевского. Я знаю это точно, потому что я... – Софья на мгновение замолчала и, сделав глубокий вдох, продолжила: – Я – сообщница убийцы.

Вокруг поднялся ропот, несколько дам ахнуло. Бенский стоял под десятками пристальных взглядов, боясь шелохнуться. Наверное, лицо у него было такое же белое, как и маска, в которой он пока оставался.

– Но кто же убийца? – спросил кто-то из толпы. – Как его зовут?

– Это господин Бенский, – отвечала Софья, только сейчас поняв, что в пылу своей исповеди позабыла, где находится. А ведь на маскараде личность совсем не очевидна.

– А ваш муж тоже здесь? – продолжали спрашивать из толпы.

– Да, – сказала Софья и указала на Тутышкина, по-прежнему стоявшего рядом с ней. – Вот он.

– А почему же он не умер, если его отравили? А Ржевский почему не умер? – раздавались вопросы из толпы.

– Яд действует не сразу, – сказала Софья. – Не сразу, но скоро. Это белый мышьяк. В чистом виде его нужно совсем не много, чтобы убить человека наверняка. – Она снова посмотрела на Ржевского с отчаянием, а затем на Бенского – с ненавистью: – Господин Бенский соблазнил меня, сделал своей любовницей и уговорил, чтобы я помогла ему отравить моего мужа. Господин Бенский сказал, что после этого женится на мне сам, и мы будем счастливы и богаты. А затем появился господин Ржевский. С господином Ржевским я была знакома давно. Когда-то мы любили друг друга, но расстались, а неделю назад мы снова встретились на балу, и наша любовь вспыхнула с новой силой.

Дамы в толпе разом испустили томный вздох, мужчины хмыкнули, а Софья продолжала говорить:

– Господин Бенский решил, что это угроза его планам, поэтому решил отравить господина Ржевского – тоже. Сегодня на маскараде господин Бенский сначала отравил моего мужа, а затем – господина Ржевского. Ядом были посыпаны тарталетки. А если вам мало моего признания, то вот вам доказательство: у господина Бенского до сих пор при себе

солонка с ядом!

Рядом с Софьей упало тело. Точнее, это Тутышкин упал в обморок.

Падение как будто послужило сигналом к действию. Все пришли в движение. Господин в костюме богатыря и господин в костюме Нептуна кинулись к Бенскому, схватили и тут же обыскали.

– Вот она солонка! – звучным басом возгласил Нептун, поднимая найденный предмет высоко вверх.

Тасенька и китайская императрица, то есть губернаторша, кинулись к Тутышкину, чтобы привести в чувства.

– Доктор! – закричала губернаторша.

Князь Всеволожский в это же самое время кричал:

– Полиция! Жандармы! Есть здесь кто-нибудь?

– Не надо кричать, – успокоил его генерал Ветвисторогов. – Полиция уже здесь. На маскараде происходила операция, которая держалась в строжайшем секрете. Я сам узнал о ней полчаса назад. Меня предупредил господин Тайницкий. А, кстати, вот и он!

– Ещё раз здравствуйте, генерал, – проговорил появившийся рядом господин в чёрном плаще и белой маске. В этом одеянии он был похож на смерть. – А вам, господин губернатор, действительно не о чем беспокоиться. Операция только что завершилась, причём успешно.

Из толпы запоздало выскочил человек в костюме самовара, увенчанного чайником. Самовар избавился от чайника, будто рыцарь – от шлема, и окружающие увидели, что это начальник полиции.

– Всем сохранять спокойствие и не расходиться! – возгласил полицмейстер-самовар.

Смерть подошла к Ржевскому и похлопала его по плечу:

– Bravo, Александр Аполлонович! Конечно, в этой операции буквально всё шло не по плану, но ваша импровизация удалась блестяще.

Поручик слушал это, а сам неотрывно смотрел на Софью, которая неподвижно стояла среди общей суеты и смотрела на него, как будто в последний раз.

Смерть подошла к Софье и взяла под руку:

– Пойдёмте, мадам. У меня два вас две новости: хорошая и плохая. Плохая новость состоит в том, что вы арестованы. Хорошая – в том, что господин Ржевский не умрёт. В солонке, которую господин Ржевский принёс на маскарад, был не яд, а безвредный порошок. Полиция давно знала, что вы, мадам, вместе с господином Бенским намеревались отравить господина Тутышкина. То, что произошло сегодня на маскараде, было подстроено, чтобы поймать вас с поличным.

Софья выглядела растерянной.

– Значит, Саша... то есть Ржевский выдал меня властям? – спросила она.

– Он поступил как честный человек, – ответила смерть и добавила: – Кстати, мадам, похоже, что я один оценил ваш благородный жест. Вы во время своей исповеди ни словом не обмолвились, что Ржевский вызвался помочь вам в совершении преступления.

– На суде я скажу другое, – с досадой проговорила Софья.

– Это не важно, мадам, – сказала смерть. – Поскольку господин Ржевский помогал полиции, он чист перед законом.

Глава десятая, в которой будет кратко рассказано о дальнейшей судьбе всех основных действующих лиц

На следующее утро Ржевский проснулся ещё более знаменитым, чем был. И от этого всё вокруг переменялось. Даже воздух стал другим, ведь поручик, проснувшись, вдруг обнаружил, что в комнате необычайно тепло, и причиной потепления оказалась не погода.

– Ванька! – крикнул Ржевский слуге, спавшему как обычно на сундуке в углу.

– Чего изволите, барин?

– Почему в комнате тепло? Ты что же это, последние наши деньги на дрова истратил?

– Не-е! – протянул Ванька. – Я вообще ничего не тратил. Дрова нам бесплатно принесли.

– Как это? Небось нас перепутали с кем-то.

– Не-е! – снова протянул Ванька. – Это сам хозяин гостиницы принёс. То есть не сам принёс, а его человек. А хозяин гостиницы показывал, куда нести и куда складывать. Вы уже спать изволили, когда нам в дверь постучали. Я выглянул, а это хозяин гостиницы. Он, когда узнал, что вы спите, то решил не тревожить и велел своему человеку дрова возле нашей печки тихонько положить. А мне говорит: «Передай своему барину, что я всегда рад услужить». Хозяин гостиницы так и сказал: «Всегда рад услужить, а особенно тем, кто с полицией связан». И ещё сказал: «Пусть твой барин не думает, что я мошенник».

Когда Ржевский, приведя себя в надлежащий вид, спустился в зал на первом этаже, чтобы поесть и выпить чаю, то хозяин гостиницы принёс всё заказанное необычайно быстро.

– Вот, извольте видеть, – сказал он, выставляя кушанья с подноса на стол. – Всё свежее. Я же не какой-нибудь мошенник, чтобы постояльцев кормить дрянью. Яичница из свежих яиц, ветчина свежая, хлеб свежий, баранки свежие, сахар свежий...

– А сахар может быть несвежий? – спросил Ржевский.

– Может. – Хозяин нервно захихикал. – Бывает, если в открытой сахарнице лежит, потому что крышку то ли потеряли, то ли разбили, то ли украл кто, то ли её вовсе не было. А на сахар пыль садится, и мухи по нему ползают. А когда сахарницу на ночь в шкаф убирают, то и тараканы... Но я сам не видел. По рассказам знаю, потому что я ж не какой-нибудь мошенник, чтоб в собственной гостинице такое иметь и наблюдать. – Хозяин снова захихикал. – Кстати хотел узнать, достаточно ли тепло в вашем номере. Может, ещё дров надо?

В обеденной зале показался Тайницкий, который (очевидно, из-за вчерашнего маскарада) этим утром позволил себе поспать подольше, а не отправился спозаранку на службу.

– Александр Аполлонович! – воскликнул чиновник. – Я хотел зайти к вам в номер, а ваш слуга сказал, что вы уже внизу.

– Что случилось? Мне надо ещё задержаться в городе? – с надеждой спросил Ржевский.

Он ещё яснее, чем вчера, перед маскарадом, сознавал, что настал конец сказки, а хотелось, чтобы она не заканчивалась, но ответ Тайницкого был неутешителен:

– Разве что на день, – сказал чиновник. – Нам надо оформить ваши письменные показания, а после можете возвращаться в деревню. Суд будет нескоро. Предлагаю вам поехать со мной в полицейскую часть. Закончите завтрак и поедем.

– А может, позже? Или вообще не сегодня? – спросил Ржевский, которому хотелось

потянуть время.

– А давайте всё же сегодня, – в голосе Тайницкого промелькнули особые, следовательские нотки, сразу дающие понять, что просьба на самом деле является приказом. – Оформим всё по горячим следам. И сделать это надо с утра, ведь сегодня суббота, поэтому присутственные места работают до часу.

– Здравствуйте, господин Тайницкий, – низко кланяясь, проговорил хозяин гостиницы. – Вам завтрак, как обычно?

– Да, – небрежно бросил ему чиновник.

– Я вот тут как раз рассказывал господину Ржевскому, – продолжал хозяин гостиницы, – что у меня всё по совести. Я ж не какой-нибудь мошенник.

– У меня к вам претензий нет, – сухо ответил Тайницкий, усаживаясь почти рядом с Ржевским, за соседний стол.

– Вот! – обрадовано воскликнул хозяин гостиницы и снова обратился к поручику. – Я ж всегда стараюсь ради постояльцев, особенно если они с полицией связаны. А если в вашем номере, господин Ржевский, разок было холодно, то это чистое недоразумение. Прошу не сердиться и не думать, что я какой-нибудь мошенник. А если нужно больше дров...

– Это ты слугу моего спроси, – ответил поручик.

– И вот ещё что... – Хозяин оглянулся, метнулся в угол зала – к своему прилавку, а затем вернулся к столу, за которым сидел Ржевский. – Вам корреспонденция-с. Только что принесли.

Ржевский быстро просмотрел оба письма. Одно было от губернатора с приглашением на обед. К трём часам. «Опять?!!» – подумал поручик и даже вздрогнул, но зато второе письмо оказалось совсем не страшное. Генерал Ветвисторогов звал к часу дня «чаёвничать» и даже указал причину: «Хотелось бы с Вами обменяться впечатлениями о вчерашнем маскараде. А ещё надеюсь, что уважите меня и расскажете хоть самую малость о Вашем участии в деле с отравлением. А то весь город об этом судачит. Жена упросила меня, чтобы я Вас пригласил и расспросил».

Ржевский взглянул на домик с кукушкой, висевший на стене неподалёку. Ещё десяти не пробило, а город уже изнемогает в ожидании подробностей вчерашнего происшествия на маскараде!

* * *

В полицейской части, сидя в кабинете Тайницкого, Ржевский думал не столько о показаниях, сколько о предстоящем обеде у губернатора. «Может, снова напиться и хамить всем подряд? Нет, удивить и обескуражить противника неожиданным манёвром можно только один раз». Второй раз эффект был бы не тот, ведь губернатор и его супруга уже успели обдумать всё случившееся и ответить себе на вопрос: что бы они сделали, случись такое снова. «А может, просто не ходить?» – думал Ржевский.

Меж тем Тайницкий передал поручику исписанный лист.

– Вам больше нечего добавить?

– Нечего, – задумчиво ответил Ржевский, даже не глядя на бумагу. «Совсем не прийти, когда в гости зовут, это как-то не по совести, – думал он, – но если другого выхода нет...»

– Тогда подпишите, – велел Тайницкий.

Ржевский повиновался и пробормотал:

– Вот и конец совести...

– Что? – не понял Тайницкий.

– Конец повести, – поправился Ржевский. – Герой уезжает в деревню. Истории конец.

– А при чём тут совесть? – спросил чиновник.

– Да я... Не обращайтесь внимания, – попытался отмахнуться Ржевский, но Тайницкий как истинный следователь после такого ответа лишь пристальнее воззрелся на собеседника.

– И всё-таки скажите, – произнёс Тайницкий, а портрет государя Николая Павловича, всё так же висевший на стене кабинета, казалось, тоже воззрелся на Ржевского с особым вниманием.

– Меня снова хотят женить, – признался поручик. – На племяннице губернатора. Один раз я уже отвязался – явился в дом к губернатору пьяным. Ну, я вам рассказывал.

Это «вам» можно было отнести и к портрету, ведь в гостиничном номере, где несколько дней назад Ржевский рассказывал Тайницкому о том, как избежал женитьбы, тоже был портрет государя.

Чиновник кивнул, портрет остался неподвижным, а поручик продолжал:

– Но теперь губернатор решил забыть об этом и снова зовёт на обед. И там меня опять сведут с прежней невестой. Вот я и решил, чтобы этого избежать, ещё до обеда покинуть город, пусть мне и совестно.

– Совестно перед кем? Перед губернатором? – Тайницкий смотрел испытующе, а портрет будто повелевал: «А ну отвечай перед лицом государя честно, как на духу!»

– Да чёрт бы с этим губернатором! – в сердцах воскликнул Ржевский. – А вот перед его племянницей совестно. Она ведь мне помогла уличить преступников на маскараде.

Тайницкий нахмурился.

– Вы посвятили её в план?

– Ну да. Вы же сами сказали, что она умна. Не знаю, осведомлены вы или нет, но племянница губернатора – это та самая Сесиль, чьё письмо я вам давал читать.

– Да, письмо сочинила очень неглупая девушка, – повторил чиновник своё давнишнее наблюдение.

– Вот я и решил, что она может помочь, – продолжал Ржевский. – И она помогла. Мы с ней на маскараде, пока искали Бенского, стали вроде как товарищи. – Он пожал плечами. – Не знаю, может ли девица быть товарищем, но что-то в этом роде. А теперь я уеду, не простившись... Совестно.

– Значит, невеста вам небезразлична? – спросил Тайницкий, а портрет будто снова повелевал: «Не лги перед лицом государя!»

Ржевский задумался:

– Да как сказать. – Он ещё сильнее задумался. – Она милая... по-своему. И не дура – в этом, Иван Иванович, вы правы, но...

– Что «но»? – спросил чиновник.

– Вы в другом ошиблись. Вы говорили, что Сесиль – красавица, а она... – Поручик скорбно вздохнул. – В общем, не красавица.

– Я говорил только о героине романа.

– Вы говорили так, будто есть надежда, что сходства с этой героиней окажется больше. А оказалось, что вот совсем...

– Совсем не красавица?

– Совсем. – Ржевский опять вздохнул и продолжил признаваться. – Будь она красавица, я бы ещё подумал, жениться ли, но на такой девице – нет, это невозможно! Я же просто не

смогу выполнять супружеские обязанности, потому что... ну вот совсем!

– Понимаю, – Тайницкий кивнул.

– А если о моих затруднениях с ней станет известно, то может пойти слух, что поручик Ржевский уже не тот. Ведь в понятии общественности я могу хоть в дупло, то есть с любой женщиной, а тут выяснится... Это же удар по репутации!

– Понимаю, – Тайницкий снова кивнул.

– И не только в этом дело! – Ржевскому запоздало пришло в голову одно важное соображение. – Красавицы России меня не поймут. Если я женюсь на некрасавице, они решат, что я женился из-за денег, а я даже не спрашивал у губернатора, есть ли приданое, потому что Ржевский не продаётся и не покупается. – Поручик гордо выпрямился на стуле. – Это тоже часть моей репутации! А вы знаете, что ржевские купцы, чтобы я не беспокоил их жён и дочек, мне предлагали двадцать тысяч рублей серебром в обмен на моё обещание более не появляться во Ржеве? Но я от денег отказался.

– Я слышал, что две тысячи предлагали, – заметил Тайницкий. – А по другим сведениям – двести рублей.

Портрет по-прежнему смотрел на Ржевского так, будто говорил: «Не потерплю лжи!»

– Ну... я немного преувеличил, – признался поручик. – Предлагали двести рублей. – Он в который раз вздохнул и запальчиво продолжал: – Но дело не в этом, а в том, что я в принципе не беру в расчёт деньги, когда речь идёт о женщинах. А здесь не избежать пересудов, что я женился по расчёту.

– Тогда вы придите на обед, объяснитесь и попрощайтесь, как положено, – сказал Тайницкий. – И можете с чистой совестью ехать в деревню.

– Но губернатор не позволит мне уехать, – возразил Ржевский.

– Как же он сможет вас удержать? – нарочито удивился Тайницкий.

– Силой. Губернатор – это всё-таки власть. А если я уеду неожиданно, то вернуть меня ему будет сложно.

Чиновник загадочно улыбнулся, и у государя на портрете, кажется, появилась такая же улыбка.

– А вы ведите себя так, будто губернатор вот-вот уйдёт в отставку, – сказал Тайницкий. – Уйдёт вот-вот, – последние слова были повторены с особенным выражением и с той же загадочной улыбкой.

– Зачем же я буду так себя вести? – не понял поручик, глядя то на чиновника, то на портрет государя. – Ведь жандармов он за мной пришлёт не как будто, а на самом деле.

Тайницкий улыбнулся ещё шире и ещё загадочнее. Улыбка портрета осталась едва заметной, почти неуловимой.

– Всё же советую поступать так, будто князь Всеволожский через несколько дней подаст в отставку, – настаивал чиновник. – Поверьте, я знаю, как лучше. Сами же после будете себя корить за трусость...

– Но-но! – Ржевский вскочил. – Я не трус! А если вы, Иван Иванович, считаете иначе, то я могу и на дуэль...

– Я неудачно выразился. – Тайницкий тоже встал, чтобы собеседник не смотрел на него сверху вниз. – Я хотел сказать: сами будете корить себя за то, что не доверились моему опыту.

– Опыта в избегании женитьбы у меня всё-таки побольше, чем у вас, – возразил поручик, но Тайницкий не отставал:

– К тому же начальник жандармской команды – Шмелин – ваш знакомый. Вам это на руку.

Ржевский так и не понял, почему Тайницкий советовал не бояться губернаторского гнева, но напоминание о Шмелине помогло решиться.

– Ладно. Рискну. Зато совесть будет чиста.

«Да и Фортуна наверняка поможет», – подумал поручик.

Он уже хотел коротко попрощаться и покинуть кабинет, но тут вспомнил, что история подходит к финалу:

– Иван Иванович, а мы с вами ещё увидимся? Как мне с вами прощаться: до времени или навсегда?

– Давайте попрощаемся до времени, – ответил чиновник. – Кто же знает, что дальше будет. – Он оглянулся на портрет Николая Павловича. – Может, ввяжетесь в новое дело, а я рядом окажусь, и опять вместе придётся клубок распутывать.

* * *

За чаем у генерала Ветвисторогова поручик Ржевский думал уже не о предстоящем обеде у губернатора, а о прелестях генеральши, которые больше не доведётся увидеть.

В общем-то, поручик и сейчас их не видел, ведь платье – на этот раз светло-оранжевое – было без декольте.

Чаепитие проходило за уже знакомым круглым столом в круглой зале. Поручику опять повезло, он сидел подле генеральши, но на этом везение закончилось. Не было никакой надежды, что снова явится Тайницкий и создаст ситуацию, когда можно остаться с генеральшей наедине.

Глядя на светло-оранжевый шёлк её платья, Ржевский только и мог, что созерцать красоту Ветвистороговой мысленным взором и предаваться воспоминаниям. Но от воспоминаний делалось так тоскливо!

Кто-то будто нашептывал: «Больше не ослепит тебя блеск этой белой кожи, спрятанной под платьем и бельём. Не захлёбываться тебе от восторга, падая лицом в ложбинку между этими восхитительными грудями и утопая в них по самые уши. Не ощутить тебе больше в своей руке её горячую мягкую ягодицу, которую ты ещё несколько дней назад так страстно сжимал, лёжа с генеральшей на диване. Всё это в прошлом. А впереди – мрак и тлен».

«Фортуношка, – мысленно взмолился поручик, – может, сможешь насладиться жизнью напоследок?» Правда, он тут же одёрнул себя. Мольба звучала так, будто по возвращении в свою деревню Ржевский собирался умереть. Но умирать он не собирался.

В конце концов, дворовая девка Полуша, которая всегда с особой тщательностью убирала барский кабинет, тоже обладала довольно пышными формами, и ягодицами в том числе. С генеральшей, конечно, не сравнить, но всё же...

– Да, в каждой ягодице своя косточка, – донеслось до поручика. Кажется, это говорил генерал.

– А? – Ржевский очнулся от своих грёз. – Простите, не расслышал. Что вы говорили о ягодицах?

– Я говорю: в каждой ягоде своя косточка, – сказал генерал, зачерпывая ложкой из блюдечка вишнёвое варенье, а затем прихлебнул чай из чашки.

– Это вы к чему? – не понял поручик.

Генерал немного удивился.

– Вы же только что рассказали, что в расследовании постоянно возникали разные затруднения. То лакей забывает, из чьей тарелки ел. То преступник, с которым вы вели непринуждённую беседу, начинает превратно толковать ваши слова и грозит вам пистолетом. То свидетельница пишет письмо, не удосужившись подписаться своим именем, и наводит туману там, где всё должно быть чётко и ясно. То аптекарь не хочет помочь, пока не принесёшь официальную бумагу. То губернатор устраивает скандал на маскараде и едва не портит всё дело.

Ржевский, наверное, и впрямь рассказывал всё это, но в памяти сохранился только туго натянутый сиреневый шёлк на груди генеральши.

– Вот я и говорю, – продолжал генерал Ветвисторогов, – что в каждой ягоде своя косточка, а в иных ягодах такая, об которую можно и зубы сломать, так что есть нужно с осторожностью.

– Кажется, вы совсем себя не берегли, Александр Аполлонович, – заметила Ветвисторогова. – Вы всё время кидались в бой там, где могли просто отойти в сторону. – Генеральша зачерпнула из своего блюдечка варенье и медленно отправила ложку в рот.

В движении ложечки – туда и обратно – поручик увидел что-то необыкновенно чувственное. Из-за этого он почти потерял нить разговора, но всё же взял себя в руки.

– Пустяки, Зоя Павловна.

– Зоя Павловна права: ты и впрямь герой, – добавил Шмелин.

Не слишком успешно сопротивляясь грёзам, Ржевский как-то забыл, что начальник жандармской команды тоже здесь. Как видно, Шмелин давно стал завсегдатаем в доме у генерала – приглашали его постоянно.

– Я вот сейчас подумала, – с насмешливой улыбкой произнесла Ветвисторогова, обращаясь к Шмелину, – что героем могли быть вы, Алексей Алексеевич. Вы же начальник жандармской команды. Ловить преступников – ваша обязанность. Вы вполне могли бы оказаться в центре расследования, но это дело почему-то прошло мимо вас. Вас даже на маскараде ни о чём не предупредили.

– Хотел бы я, чтобы было иначе. – Шмелин вздохнул и уставился в свою чашку с чаем.

– А вот Александр Аполлонович... – Генеральша бросила на поручика многозначительный взгляд. – Он недавно приехал, а уже очутился в гуще событий и оказал неоценимую помощь полиции. Кажется, я поняла, отчего тверские дамы от него без ума.

Все трое мужчин, присутствовавшие за столом, посмотрели на даму. Генерал – с лёгким подозрением, Ржевский – с робкой надеждой, что ему и в этот раз достанется «десерт», а Шмелин – с грустью.

Генеральша в свою очередь посмотрела на Шмелина с насмешкой и закончила:

– Ржевский – человек действия. Он ищет приключений, а не ждёт, когда приключения сами его найдут. Женщинам это нравится.

– Как понравиться женщине – это философский вопрос, – задумчиво произнёс Шмелин.

– А вот меня, – сказал Ржевский, – уже некоторое время мучает другой философский вопрос.

– О чём? – спросил генерал.

– О том, где у вас тут нужник, – ответил поручик. – Многовато чая я у вас выпил.

Ветвисторогов обратился к лакею:

– Проводи.

Вместе с Ржевским вдруг поднялся из-за стола и Шмелин.

– Я тоже схожу с вашего позволения, – сказал он.

– Ну идите, – сказал генерал с некоторым удивлением, после чего лакей проводил гостей в одну из соседних комнат – обычную комнату, где был устроен гостевой нужник, то есть «сундучок» за ширмой, – и оставил их одних.

Пока Ржевский делал свои дела, Шмелин беспокойно ходил по комнате взад-вперёд, но, как оказалось, его беспокойство было вызвано вовсе не стремлением побыстрее оказаться рядом с «сундучком».

– Я не хочу, – сказал Шмелин в ответ на приглашающий жест поручика, вышедшего из-за ширмы.

– Тогда зачем ты со мной пошёл? – удивился Ржевский.

– Я хотел тебя расспросить кое о чём. – Шмелин нервно подкрутил ус и отвёл взгляд в сторону. – Сейчас Зоя... Павловна... генеральша... говорила о том, почему ты нравишься женщинам, и так выразительно на тебя посмотрела. Значит, тебе удалось? Она тебе отдалась?

– Ну да, было, – признался Ржевский. – Несколько дней назад на обеде в этом доме. Тебя тогда тоже пригласили. Посреди обеда явился Тайницкий и потребовал встречи с генералом и с тобой, а пока вы с ним беседовали, мы с генеральшей пошли в оружейную и там прекрасно провели время.

Шмелин рассеянно улыбнулся и вздохнул. Казалось, он хотел и в то же время не хотел услышать подобный ответ.

– А в чём дело? – спросил Ржевский. – Недавно ты сам уговаривал меня взять адрес Ветвистороговой, чтобы поухаживать за ней. Помнишь? А теперь тебе не нравится, что я последовал совету? Что-то я тебя не пойму, братец.

Поручик вдруг вспомнил, как в прошлый раз, оказавшись на обеде у Ветвистороговых, почувствовал в Шмелине соперника. Правда, подозрения тогда оказались беспочвенными. Шмелин не предпринимал никаких наступательных действий в отношении генеральши и вообще вёл себя довольно глупо, вызывая у дамы лишь раздражение.

«Может, бывшие гусары всё-таки есть? – подумал Ржевский. – Вот Шмелин – в прошлом гусар, а ведёт себя совсем не по-гусарски. Неужели на него наложило такой отпечаток то, что он теперь – офицер жандармов?»

Шмелин меж тем посмотрел прямо на Ржевского и, словно оправдываясь, проговорил:

– А ты можешь представить, что значит быть вхожим в дом к генералу, часто бывать здесь и видеть её? – Его голос дрогнул. – Видеть и сознавать, что никогда не будешь обладать этой женщиной.

– Почему же никогда? – спросил поручик.

– Стать завсегдаем в доме генерала – это единственное, чего я сумел добиться, – сокрушённо ответил Шмелин. – Я прихожу... и ведь ничего не делаю, а она на меня сердится. Ты же в прошлый раз видел, как она обиделась на меня из-за газеты? Но я всего лишь читал то, что мне велели. А в этот раз видел? Я даже слова не сказал, но она начала меня отчитывать. И так каждый раз! Каждый раз! Я ничего не делаю, а она недовольна. На что же мне тогда надеяться? Вот я и подумал, что если тебе с ней повезёт, то я после расспрошу тебя и хоть так узнаю, как это – обладать ею. – Шмелин снова потупился. – Расскажешь?

– Ну, это было... – Ржевский невольно вернулся в мир воспоминаний, упоительных и в то же время мучительных, ведь то, что случилось на диване в оружейной, вряд ли удалось бы

повторить. «Нет, вряд ли Фортуна сможет помочь, – подумал поручик. – Ведь мне уезжать в деревню совсем скоро, а генеральша в такую глушь не поедет».

Ржевский вспомнил всё до мельчайших подробностей: и пухлые губы, и покатые плечи, и необъятную грудь (а впрочем, очень даже объятную!), и мягкие ягодицы, и всё то, что по соседству с ними... Но подобрать слов так и не смог. Он уже хотел извиниться перед Шmeliным за то, что рассказать не сумеет, но вдруг увидел лицо собеседника. Шмелин выглядел таким восхищённым, будто сумел тайно заглянуть в женскую баню. Но смотрел-то в лицо поручика! Судя по всему, следил за мимикой в те мгновения, пока поручик предавался воспоминаниям.

– Значит, это настолько хорошо? – спросил Шмелин.

– Да, – ответил Ржевский.

– Я так и думал! – в восторге воскликнул Шмелин, но сразу погрузился.

И тогда поручик решил, что если сам не может вкушать блаженство с красивейшей женщиной Твери, то должен устроить счастье своего товарища. Это будет по-гусарски, по законам гусарского братства.

– А почему бы тебе самому не перейти в наступление на генеральшу? – спросил Ржевский.

– Ей это наверняка не понравится, – засомневался Шмелин. – Даже когда я ничего не делаю, она сердится, а если сделаю, как ты предлагаешь...

– Да потому и сердится, что ты ничего не делаешь! – перебил поручик. – А ты начни делать! Гусар ты или кто?

– А если она опять рассердится?

– А ты будь смелее.

– А если она примет мои ухаживания холодно?

– А ты будь ещё смелее!

– А если она прямо скажет, что у меня нет никакой надежды?

– А ты будь ещё смелее!

– А если она потребует от мужа, чтоб он больше меня не приглашал?

– А ты будь ещё смелее! Что тебе терять?

– И впрямь нечего, – согласился Шмелин.

В залу, где по-прежнему сидели за столом Ветвистороговы, он вошёл уверенной поступью. Так приговорённый идёт к эшафоту, зная, что казнь не отсрочить и не отменить. Однако и лицо у Шмелина было, как у приговорённого, поэтому Ржевский, вошедший следом, ободряюще похлопал приятеля по плечу, чтобы тот сделал лицо попроще.

Далее оба гостя снова уселись за стол и сделали это настолько уверенно, что Ветвистороговы поначалу не заметили – гости поменялись местами: теперь Шмелин сидел возле генеральши, а Ржевскому досталось место между Шmeliным и генералом.

– Я хотела бы знать, – произнесла генеральша, томно глядя на Ржевского, – можно ли мне рассказать моим знакомым то, что мы с мужем услышали от вас. Это тайна или не тай... Ай! – вдруг вскрикнула она.

– Что случилось, Зоя Павловна? – всполошился генерал.

– Мне показалось, что меня ущипнули за ногу, – ответила Ветвисторогова, посмотрев в сторону Шмелина, но тот сидел с таким невозмутимым видом, что она повторила: – Да, показалось. Простите, господа.

– Ничего, бывает, – спокойно произнёс Ржевский.

– Так могу ли я рассказывать вашу историю? – продолжала генеральша, глядя на поручика. – Это же страх, как интересно, просто страх... Ах! – она опять вскрикнула.

– Что такое, Зоя Павловна? – опять всполошился генерал.

– Мне показалось, что меня погладили по колену, – пробормотала Ветвисторогова и опять посмотрела на Шмелина. На этот раз – с почти не скрываемым удивлением, а тот так сильно опустил глаза, будто хотел разглядеть собственные усы. – Да, показалось, – решительно заключила она. – Ещё раз простите, господа. Наверное, это опять мои нервы. Я так разволновалась, слушая рассказ о преступлении, что теперь мне чудится всякое.

– Ничего, бывает. – Ржевский пожал плечами.

– Так вы даёте мне разрешение? – в который раз спросила Ветвисторогова у поручика. – Если да, то я была бы вам крайне, просто край... Ай! – пискнула она.

– Что опять, Зоя Павловна? – спросил генерал с нешуточным беспокойством.

– Нет, это просто наваждение! – вскричала генеральша и вскочила из-за стола. – Господа, мне только что показалось, что меня кто-то потрогал за... Не могу произнести этого слова в приличном обществе.

– А что за слово? Намекните, – попросил Ржевский.

– Созвучно со словом «ягода», – сказала Ветвисторогова.

– А разве это неприличное слово? – удивился поручик. – Вон даже генерал недавно вспоминал прекрасную пословицу: ягодица – штука мягкая, но кость в ней всё равно есть.

– Я сказал «у каждой ягоды своя косточка», – возразил генерал.

– А разве это не та же самая пословица? – не понял Ржевский.

– Нет, – сказал Ветвисторогов. – Поэтому попрошу в присутствии моей жены неприличными словами не выражаться.

– Господа, – подала голос генеральша, продолжавшая стоять, – вы можете выражаться, как хотите, потому что я вынуждена вас покинуть. Нервы совсем расшалились. Пойду к себе в спальню и прилягу. – Дойдя до дверей, она обернулась. – Александр Аполлонович, так вы даёте мне разрешение?

– Делайте всё, что доставит вам удовольствие, Зоя Павловна, – ответил поручик, хоть и не знал точно, что же сейчас разрешил генеральше.

– Ну ладно, – сказал генерал, – посидим без женского общества. – Однако после ухода Ветвистороговой разговор плохо вязался.

Ржевский начал откланиваться, сославшись на то, что приглашён на обед к губернатору и боится опоздать.

Шмелин откланялся тоже, однако история на этом не закончилась. В передней поручик, взяв у лакея свою шубу, увидел, что Шмелин вместе со своей шинелью получил записку.

После того, как оба приятеля вышли на крыльцо генеральского дома, Шмелин развернул листок и переменялся в лице.

– Что такое? – спросил Ржевский.

– Это от неё, – ответил Шмелин изменившимся от волнения голосом. – Но что я ей скажу?

Записка была короткой: «Господин Шмелин, я требую, чтобы Вы немедленно явились ко мне и объяснили своё недостойное поведение. Моя горничная встретит Вас на крыльце и проводит ко мне в спальню так, чтобы муж не видел. Незачем вмешивать его в это дело».

– Немедленно, – почти со страхом повторил Шмелин слово из послания. – Но что я ей скажу? Я так долго этого ждал, а теперь не знаю, что сказать...

- Тогда просто покажи, – посоветовал Ржевский.
- Что показать? Мои чувства? Но как? – не понял Шмелин.
- Наглядно, – сказал поручик. – Штаныними. Они всегда мешают наглядности.

* * *

На парадное крыльцо губернаторского дворца Ржевский не взбежал, а почти взлетел, полный уверенности, что никакой серьёзной опасности здесь нет. Недавний разговор с Тайницким подействовал на поручика ободряюще. Да и исход чаепития у генерала давал повод думать, что при известной смекалке можно любое положение вывернуть так, как хочешь. А значит, как бы губернатор ни хитрил, помолвке не бывать. Однако стоило Ржевскому миновать переднюю, подняться по лестнице и в сопровождении лакея пройти в обеденную залу, как уверенность начала таять.

Хозяин дома с нарочитым вниманием осмотрел гостя и панибратски похлопал по плечу:

– Молодец! Выбрит чисто, не пьян, и даже пришёл без опоздания. Вот бы и в прошлый раз не оплошал!

Ржевский насторожился, но принимающая сторона, судя по всему, тоже была настороже, опасаясь новых выходов поручика, поэтому на нынешний обед никого лишнего приглашать не стали. Кроме губернаторской четы, то есть князя Всеволожского и его супруги-француженки, в зале присутствовала лишь старушка Белобровкина и, конечно же, Тасенька.

Губернаторша поднялась из кресла, чтобы вслед за мужем поприветствовать гостя, а Тасенька осталась сидеть. Племянница губернатора выглядела задумчивой и даже грустной. Совсем не как девица, которая ожидает получить предложение.

– Здравствуйте, Александр Аполлонович, – тихо сказала она, подойдя на зов дяди. И вовсе не спешила повиснуть на руке поручика, как в прошлый раз, когда тащила его знакомиться с бабушкой – Белобровкиной.

Губернатор не обратил на всё это ни малейшего внимания. Он был слишком увлечён. Как игрок в самом конце игры, который помнит все ранее выпавшие карты, и теперь полон уверенности, что ему выпадет та самая, которую он ждёт, потому что других карт почти не осталось.

– Ну, приятель, – обратился Всеволожский к поручику, – проводи невес... то есть барышню к столу.

Ржевский и Тасенька переглянулись, а князь, уже забыв про свою оговорку, обернулся к жене, беря её под руку:

– Пойдём, душечка.

Тасенька виновато взглянула на поручика.

– Александр Аполлонович, я... – начала она, но не успела договорить, потому что её дядя снова оглянулся:

– Ну что же вы! Идите, а то обед остынет.

Ржевский взял Тасеньку под руку и повёл, куда просили. Белобровкиной помогал добраться до стола лакей.

Увидев Ржевского, старушка оживилась.

– А! Опять ты! – произнесла она так громко, что бокалы на столе чуть звякнули. – Всё ходишь и ходишь, а свататься когда будешь?

– Бабушка! – умоляюще воскликнула Тасенька и опять посмотрела на поручика виноватым взглядом.

«Что такое? Тасенька как-то странно себя ведёт», – подумал Ржевский и даже не заметил, что начал различать мимику этой девицы, а ведь ещё недавно при всяком взгляде в сторону её лица не видел ничего.

* * *

На первое подали бульон, совершенно пустой, без кусков мяса и овощей, а в качестве закуски – пирожки.

Поручик, помешав ложкой странное блюдо, осведомился:

– А где же в этом супе... собственно суп? Он же пустой!

– Это консоме, – любезно пояснила губернаторша.

– Конь в соме? – не понял Ржевский. – А как это возможно? Ведь сомы вырастают не настолько большие, чтобы съесть коня. Разве что конь, совокупляясь с сомом, просунет в сома только часть тела. Это ведь тоже будет конь в соме.... Мда... Оригинально.

– Поручик! – вскричал губернатор, бросив ложку и уже с отвращением глядя на бульон в своей тарелке. – Прошу вас! Не за столом!

– Это консоме, – терпеливо повторила губернаторша.

– То есть что-то французское? – догадался поручик.

– Да, это французское блюдо, – ответил губернатор. – Только не говорите, Александр Аполлонович, что вам не нравится.

– А я и не говорю. – Ржевский пожал плечами. – Но как вы догадались, что мне не нравится?

Губернаторша, видя, что обстановка накаляется, поспешила сменить тему:

– Александр Аполлонович, мы о вас так мало знаем. Расскажите что-нибудь о себе. Например, сколько у вас деревень и сколько крестьян.

– Деревня одна – Горелово, – ответил поручик. – А крестьян в ней... даже не знаю. Это число так быстро растёт!

– Растёт? – спросил губернатор. – Когда управляющий присылает мне отчёт о моих имениях, то там всё больше об умерших и о беглых, и никакого прироста в числе. Отчего же у вас наоборот?

– Сам не знаю. – Ржевский улыбнулся с нарочитым простодушием, ведь на самом деле понимал, что его близкое знакомство со всеми сколько-нибудь красивыми деревенскими бабами как-то влияет на прирост населения в деревне.

– А есть ли у вас ещё доходы помимо доходов с имения? – продолжала спрашивать губернаторша. – Может, у вас есть государственные облигации? Или другие ценные бумаги?

– Ценных бумаг у меня нет, – отвечал поручик. – Разве что письмо мне от одной французской баронессы. Очень ценная для меня бумага. Я сам не читал, потому что читать по-французски не умею, но все, кого я просил прочесть, краснели до ушей! И наотрез отказывались мне его переводить. И даже пересказывать.

– Александр Аполлонович! – с явным неодобрением воскликнул губернатор.

Ржевский снова улыбнулся с нарочитым простодушием:

– Князь, а я думал порадовать вас, признавшись, что далеко не всё французское мне не нравится.

Губернаторша снова перевела разговор на прежнюю тему.

– И всё же я хотела бы знать, Александр Аполлонович, есть ли у вас средства, чтобы содержать жену.

Губернатор сразу встрепенулся.

– Душечка, но я же говорил тебе, что это пустяки! Ведь для решения подобных вопросов часто служит приданое. Главное, чтобы жених был согласен. Ведь если невеста, к общему прискорбию, э... не очень красива, то даже с приданным на неё найдётся мало охотников. Ведь жениху нужно обладать развитым э... эротическим воображением, вот как у Александра Аполлоновича, чтобы видеть женские прелести там, где их нет. А таких женихов мало. Если не сказать «единицы».

Ржевскому вдруг подумалось, что эти слова могут быть разгадкой того, почему именно его князь Всеволожский выбрал в женихи для своей племянницы.

– Вы намекаете, князь, – спросил поручик, – что кому-то кроме меня будет сложно заметить в Таисии Ивановне женские прелести?

– Я не намекаю, я прямо говорю, – ответил Всеволожский.

– Николя! – воскликнула его жена. – Это слишком! Как ты можешь? – Она оглянулась на Тасеньку, но та сидела с безучастным видом и, кажется, нисколько не обиделась.

И всё же губернаторша продолжала возмущаться поведением мужа:

– Николя, откуда в тебе эта бестактность? – Она сосредоточенно принялась. – Ты что – пил водку?

– Чуть-чуть. Перед самым обедом. – Губернатор виновато улыбнулся.

– Зачем? – не отставала губернаторша. – Ты же обещал мне, что никогда не будешь пить водку.

– Но я... для лечения нервов, – продолжал оправдываться Всеволожский. – Если бы Александр Аполлонович явился к нам пьяным, как в прошлый раз, то на трезвую голову я бы этого не выдержал. Но, слава Богу, обошлось.

– Николя! Это так на тебя не похоже! – не унималась губернаторша. – Что-то случилось?

– Да ровным счётом ничего. – Всеволожский всё так же виновато улыбался. – Совершенно ничего, если не считать, что я получил от одного своего петербургского приятеля письмо с предупреждением. Ровно через три дня мне предложат подать в отставку. Губернатором мне больше не быть, и вообще с карьерой покончено.

Губернаторша ахнула, Тасенька отнеслась к новости спокойно, а Белобровкина не расслышала:

– А? Где покойник?

«Так вот, о чём говорил Тайницкий!» – подумал поручик, а вслух громко произнёс, поясняя старухе:

– Князь – не покойник, но с карьерой покончено!

– Но почему? – спросила губернаторша у мужа. – Потому что твой родственник Бенский оказался вором и чуть не стал убийцей?

– И без него есть причины. – Всеволожский вздохнул. – Как видно, новому императору не нужны свободомыслящие люди.

Меж тем до Белобровкиной дошло:

– Это что же значит? – спросила она. – Раз князь теперь в опале, то и помолвке не бывать? Выходит, на Тасеньке теперь жениться опасно? Можно в Сибирь угодить заодно с князем.

– Да почему сразу Сибирь?! – вскинулся Всеволожский. – Просто отставка и всё.

– Но выгод от женитьбы всё равно меньше, – заметила Белобровкина. – Одно дело – с губернатором в родстве, а другое – с тем, кто нигде не служит.

– Зато приданого не станет меньше. А может, станет больше, – многозначительно произнёс Всеволожский, покосившись на Ржевского. – Я ведь вам ещё не говорил, Александр Аполлонович, что у моей племянницы хорошее приданое.

Ржевский молча слушал, как вдруг заметил на себе внимательный взгляд Тасеньки. Девушка будто хотела что-то сказать, но не решалась при свидетелях.

– Князь, – обратился поручик к Всеволожскому, – дозволите переговорить с вашей племянницей наедине?

Несколько мгновений сохранялась полная тишина. Кажется, никто не ждал, что дело решится так скоро. Ведь обед ещё только начался. Обычно подвижки происходят после трапезы, когда и чаю попили, и в карты поиграли, и невеста помузицировала, и дальше делать становится решительно нечего. Вот тогда предполагаемый жених отводит невесту в дальний угол и там при свидетелях, старательно подслушивающих с другого конца комнаты, ведёт с ней туманные разговоры, намекающие на сватовство.

Так может продолжаться довольно долго – жених много раз отобедает в доме невесты, пока не решится остаться с ней наедине и объясниться без всякого тумана. А Ржевский всего-то два раза успел побывать у невестинной родни (балы не в счёт) и уже просил свидания наедине!

– Вы хотите вот так сразу? – удивлённо спросил Всеволожский.

– А что сразу? – замялся Ржевский и на всякий случай уточнил: – Вы не думаете, князь. Я ей подол задирать не собираюсь. Я с ней просто поговорить хочу.

– Ну, поговорите, – согласился князь.

– В библиотеке, – добавила Тасенька таким тоном, что никто не решился предложить другое место.

– Можно и в библиотеке. – Всеволожский кивнул.

* * *

В библиотеке, если не считать дневного света, всё было ровно так же, как в тот памятный вечер, когда проходил рождественский бал. Всё напоминало о Софье и о свидании с ней.

Вот к этому шкафу поручик прижимал её в порыве страсти, одной рукой поднимая дамскую юбку, а другой стягивая с себя рейтузы. Вот на это кресло Софья опиралась руками, когда Ржевский предложил сменить позу. Вот на этот стол поручик усадил Софью, когда сменить позу предложила она. На диване тоже кое-что было. И на ковре возле дивана.

Пришлось бы почти всю обстановку вынести, чтобы о Софье не напоминало ничего! И зачем Тасенька захотела поговорить именно здесь? Однако Ржевский не стал об этом спрашивать и решил начать сразу с главного:

– Таисия Ивановна, я...

– Нет-нет-нет, не говорите! – воскликнула она, плотно закрывая двери. – Я знаю, что вы скажете.

– Знаете? Откуда? – удивился поручик.

– Я же всё понимаю, – продолжала Тасенька, подходя к поручику ближе. – И я согласна.

Ржевский ещё никогда не был так близок к провалу, а точнее – к пропасти, которая называется «законный брак».

– Согласна на что? – осторожно спросил поручик.

– Чтобы свадьбы не было, – просто ответила Тасенька. – И вообще можете считать, что я одна из немногих в Твери не подпала под ваши чары.

– А? – Поручик ушам не поверил.

– Я должна признаться, – продолжала Тасенька, – что сначала, когда дядя предложил устроить наш с вами брак, меня это воодушевило. Я подумала, что мне все будут завидовать. Но затем, когда я узнала вас ближе, то поняла, хоть и не сразу, что вы совсем не способны к семейной жизни. Наш брак стал бы ошибкой. Вы правы, что не хотите на мне жениться.

Ржевский, всё это время стоявший посреди библиотеки в полном оцепенении, облегчённо выдохнул, а Тасенька продолжала:

– Мне очень приятно, что вы приняли всерьёз моё письмо, когда я предупреждала вас об опасности. И мне лестно, что на маскараде вы доверились мне и рассказали то, чего не должны были. Я очень это ценю! И мне понравилось участвовать в расследовании. Я буду помнить это приключение до конца своих дней! Но оно не может служить причиной, чтобы нам с вами пожениться. – Она погрустнела. – Дядя, конечно, прав и для меня очень трудно найти жениха. Но я думаю, что лучше мне остаться старой девой, чем вступить в брак с вами. Вы не подумайте, Александр Аполлонович! Вы приятный человек... по-своему. Но если мы поженемся, то будем несчастны оба.

«А ведь и вправду очень умная девица! – подумал поручик. – Софья бы до такого не додумалась».

Он хотел ответить, но подобрать слова было трудно, так что он сказал только:

– Э...

– Не говорите ничего! – снова воскликнула Тасенька. – Я знаю, что вы собираетесь сказать. Вы в сомнениях, ведь сейчас, когда мой дядя вот-вот потеряет должность, отказаться от меня будет неблагородно. Все решат, что вы искали выгодного брака, а когда брак оказался не так выгоден, отступились. Вы не хотите, чтобы о вас думали плохо. Но так ли уж важна молва?! Гораздо важнее, что вы сделаете меня несчастной, если женитесь. Ведь переменить свой характер вы не сможете. Да и нужно ли?

Ржевский окончательно вышел из оцепенения и обрёл дар речи:

– Таисия Ивановна, всё-таки позвольте мне сказать.

– Но разве мы не объяснились? – удивилась Тасенька.

– Сядьте, – попросил поручик, но когда девица двинулась к ближайшему креслу, остановил её на полдороге: – Нет, сядьте в другом месте.

То кресло, куда Тасенька собиралась сесть изначально, слишком напоминало о Софье.

Наконец девица уселась в кресло, которое ни о чём не напоминало, а Ржевский опустил перед ней на одно колено и решительно произнёс:

– Таисия Ивановна... Тасенька... Я ещё никогда такого не говорил ни одной особе, но вам скажу...

– Что? Но Александр Аполлонович!..

– Давайте будем друзьями, – закончил Ржевский.

– Ах! – Тасенька всплеснула руками и вся просияла. – Вы предлагаете мне дружбу?

– Да, – сказал Ржевский. – Дружбу. Правда, я до сих пор не уверен, что дружба между мужчиной и женщиной возможна. Но всё же именно это я вам предлагаю.

– Я и мечтать не могла! – продолжала радоваться Тасенька и вскочила, тем самым заставив поручика тоже встать. – Дружба с мужчиной! Это и вправду редкость, если всё по-

настоящему. Но почему вы делаете мне такое предложение?

– Вчера на маскараде, – ответил Ржевский, – мы с вами... Мы были будто товарищи. Со мной раньше при обращении с особами женского пола никогда такого не случалось. Вот честное слово! Однако я понятия не имею, как нам с вами поддерживать дружбу, если мне надо сегодня же бежать из Твери.

– Об этом не беспокойтесь. – Тасенька улыбнулась. – Я же не всё время живу у дяди. Папенька отправил меня к нему погостить. А вообще я живу в глуши так же, как и вы. Думаю, мы сможем видаться.

За дверями, которые Тасенька некоторое время назад плотно закрыла, кто-то чихнул.

Ржевский собрался посмотреть, что там такое, но несостоявшаяся невеста успела первая и глянула в замочную скважину.

– Кто там? – громко спросил поручик, но ответа из-за двери не последовало. Вместо этого Тасенька, оторвавшись от замочной скважины, оглянулась на Ржевского и произнесла страшным шёпотом:

– Они там с иконой стоят. Благословлять на брак.

– Но ведь мы же не женимся, – удивился поручик.

– Кажется, они этого не знают, – таким же страшным шёпотом ответила Тасенька. – Думаю, они не подслушивали. Они просто стоят и ждут.

Ржевский заметался по библиотеке:

– Вот чёрт!

Он подёргал вторую дверь, но она, как и в прошлый раз была заперта.

– Вот чёрт! – повторил Ржевский. – Как же мне отсюда выбраться?

– Через окно, – сказала Тасенька и указала на одно из них: – Лучше всего через это.

Ржевский выглянул в указанное окно и обнаружил, что по ту сторону стоит садовая лестница. Библиотека находилась на втором этаже, а лестница, явно забытая кем-то из слуг, позволяла спокойно спуститься и не подвернуть ногу.

– Кажется, Фортуна мне благоволит! – воскликнул Ржевский и распахнул оконную раму.

В комнату ворвался морозный воздух.

– Чёрт! Жалко, что шубу свою мне не вызволить, – пробормотал поручик, – но ничего: свобода дороже.

Однако в это самое время Тасенька извлекала из-под дивана шубу Ржевского.

– О! – обрадовался поручик. – И снова удача! Фортуна сегодня расстаралась.

– Это не Фортуна. Это я, – пояснила Тасенька. – Раз уж я решила, что свадьбы не будет, то велела горничной принести сюда вашу шубу. И заранее распорядилась, чтобы садовник поставил лестницу у окна. Я знала, что мы с вами легко договоримся, а вот с дядюшкой будет непросто, поэтому вам лучше бежать.

Поручик ничего не сказал, но в очередной раз подумал, что девица умна, а она, истолковав его молчание по-своему, добавила:

– Конечно, я не была уверена, что мы с вами объяснимся именно сегодня. Но если б сегодня ничего не случилось, горничная отнесла бы вашу шубу обратно в переднюю.

Поручик взял шубу и выкинул в окно, чтобы надеть позже, а сам перелез через подоконник, утвердившись обеими ногами на ступеньке садовой лестницы.

– Тасенька, вы настоящий друг.

– Бегите, Александр Аполлонович, – ответила девица.

* * *

Ванька так погонял рысака, что путь от губернаторского дворца до гостиницы занял всего ничего.

Эта невероятная скорость как будто передалась и Ржевскому. Он, выпрыгнув из санок, вихрем ворвался в обеденную залу гостиницы, пролетел через неё, взметнув облачка пыли, и остановился только у прилавка, за которым стоял хозяин.

– Я съезжаю, – объявил поручик. – Подай счёт.

– Тотчас всё сделаем, – ответил хозяин. – И не извольте сомневаться: посчитано всё будет честно. Я же не какой-нибудь мошенник. А то иные обсчитывают без зазрения совести, особенно если видят, что постоялец торопится и в счёт особо глядеть не будет. Но я не из таких мошенников! Не извольте сомневаться!

Ржевский уже почти не слушал и хотел подняться к себе в номер, где Ванька уже должен был собирать вещи, но тут хозяин гостиницы указал поручику за спину и сказал:

– Кстати, вас тут посетитель дожидается.

Поручик, ещё не успев обернуться, на мгновение похолодел: «Неужели, это от губернатора?» Однако посетитель оказался иного рода. То есть рода того же самого – мужского, но совсем иного происхождения.

С пристенной лавки проворно поднялся рыжий и слегка лысоватый молодой человек в салопе, то есть в женской накидке. В руках он держал потёртый кожаный портфель и летний картуз.

– Акакий, ты чего здесь? – спросил Ржевский.

– Да я того... – смущённо ответил тот.

– Случилось что-нибудь?

– Случилось, но только...

– Слушай, Акакий, – поручик вздохнул. – Мне ужасно совестно, но я тебе сейчас ничем не могу помочь, потому что мне надо немедленно уехать из города. Могу только денег дать. А за помощью ты обратись к Тайницкому...

– Так господин Тайницкий мне того... уже помог. И я пришёл вас за это благодарить.

Ржевский тряхнул головой, потому что ничего не понял:

– Меня благодарить за то, что тебе помог Тайницкий?

– Да! – в волнении воскликнул Акакий. – Потому что без вас, господин Ржевский, ничего бы этого не было.

– Чего не было бы?

– Всего! – ещё больше разволновался Акакий. – Господин Тайницкий обещал, что место мне найдёт в Петербурге. Говорит, что здесь мне житья не дадут. Говорит, что меня могут с должности прогнать после всего, что случилось. А случилось-то оно из-за вас, господин Ржевский. Поэтому я и пришёл вас благодарить. Если бы не вы, не видать бы мне перевода в Петербург. А там жалование хорошее. Господин Тайницкий обещал, что оно хорошее будет. Говорит, что я смогу себе шинель пошить.

– Это же прекрасная новость! – Ржевский улыбнулся. – Я очень за тебя рад. Но ты мог бы и не приходить.

– Как можно! – воскликнул Акакий. – За такое и не благодарить?! Нет, никак не можно. – Он чуть помялся. – Сегодня суббота. У нас в соляном отделении работа до четырёх часов, а не до шести, как обычно. Вот я и подумал: «Пойду к господину Ржевскому и поблагодарю

его».

– Ну что ж, ты меня поблагодарил, – сказал Ржевский.

– Ещё нет-с, – ответил Акакий.

Он оглянулся по сторонам, будто искал, куда положить портфель и картуз, но, не найдя, просто бросил их на пол. Ржевский невольно наклонил голову, глядя на упавшие предметы, и этим Акакий воспользовался, чтобы повиснуть на шее поручика и крепко поцеловать его в обе щеки.

Ржевский даже смутился от такого проявления чувств. Пожалуй, он бы отверг эти нежности, если бы всё не вышло вот так – само собой.

Кажется, Фортуна решила пошутить напоследок, подстроив этот казус. А может, она просто благоволила Акакию. Акакий хотел исполнить намерение, и богиня помогла, хотя другой её подопечный, то есть Ржевский, в эти мгновения выглядел весьма глупо: молодой человек в женской зимней накидке целовал поручика, будто восторженная девица.

Как бы там ни было, Акакий с чувством выполненного долга поднял с пола свои вещи, поклонился и ушёл, а Ржевский поспешил в номер – подгонять Ваньку, чтобы быстрее собирался.

Спустя малое время санки Ржевского уже отъехали от гостиницы и тот, сидя в них, всё так же подгонял Ваньку, а Ванька подгонял рысака. Дело близилось к вечеру, а надо было успеть засветло добраться если не до почтовой станции, то хотя бы до ближайшей деревни и найти ночлег.

notes

Котильон – танец продолжительностью 1-2 часа, состоящий из элементов вальса, кадрили и польки. Исполнялся в конце бала.

В России того времени был другой календарь, жили «по старому стилю», то есть восстание декабристов, о котором идёт речь, случилось не вчера, в день бала (26 декабря), а почти две недели назад – 14 декабря.

Вышка требовалась, поскольку в то время полиция отвечала ещё и за тушение пожаров. Пожарные как отдельное подразделение появились позже.

Флешь – земляное укрепление в форме острого клина, направленного в сторону неприятеля.

Кивер – высокий головной убор цилиндрической формы, с козырьком и подбородным ремнём.

В России 19 века обручальное кольцо носили на указательном пальце правой руки.

По старому стилю восстание декабристов произошло 14-го числа. По новому стилю – 26-го.

В России того времени не разрешалось открывать в главном городе губернии больше одной аптеки на каждые 10 тыс. жителей. В Твери того времени проживало около 17 тыс. человек.